

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ИМЕНИ А.Я. СУХАРЕВА

**УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

(Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873))

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 16 ноября 2023 года)

Москва – 2024

УДК 34
ББК 67
У 79

У 79 Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16 ноября 2023 года), М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. – 187 с.

Редакционная коллегия:

Бессонов А.А., ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции – председатель;

Дармаева В.Д., доцент кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции;

Саркисян А.Ж., руководитель редакционно-издательского и информационно-библиотечного отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции;

Цветков Ю.А., заведующий кафедрой уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции;

Черемисина Т.В., старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, майор юстиции.

Сборник сформирован по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873))», которая состоялась 16 ноября 2023 г. в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Сборник представляет интерес для юристов – ученых и практиков.

Статьи, представленные участниками конференции, отражают идеи, подходы и субъективные оценки их авторов.

Всероссийская научно-практическая конференция
**УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**
(Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811–1873))
16 ноября 2023 года

В Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева (далее – Академия) 16 ноября 2023 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873)).

В конференции приняли участие ученые – процессуалисты из крупных научных центров разных регионов России: Уральского государственного юридического университета имени В.Я. Яковлева, Волгоградского государственного университета, Смоленского государственного университета, Университета прокуратуры Российской Федерации, Академии управления МВД России, Высшей школы экономики и Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, а также практики – сотрудники следственных органов, представители судейского и адвокатского сообществ.

В приветственном слове заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук профессор заслуженный юрист Российской Федерации *Александр Вячеславович Фёдоров* подчеркнул восстановление исторической справедливости, когда на уровне конференции рассматривается наследие лучших представителей российской юстиции, среди которых Н.А. Буцковский – выдающийся деятель судебной реформы 1864 г., руководивший разработкой Устава уголовного судопроизводства.

Ректор Академии доктор юридических наук *Алексей Александрович Бессонов* отметил, что в Следственном комитете Российской Федерации уважают память предков, сохраняют верность традициям и преемственность поколений.

Так, в 2021 году Академия провела первые Стояновские чтения. Мы возвратили научной и юридической общественности имя Николая Ивановича Стояновского – предтечи Судебной реформы и разработчика института судебных следователей. Александр Вячеславович Федоров нашёл дом, в котором жил Стояновский, а наши из Санкт-Петербургской академии Следственного комитета установили и воссоздали место его захоронения, которое до этого считалось утраченным. Настала очередь Николая Андреевича Буцковского. В октябре исполнилось 150 лет со дня его смерти. В комиссии, составлявшей судебные уставы, Буцковский занял место председателя уголовного отделения. Как писал о его роли Анатолий Федорович Кони, «его усиленным трудам мы обязаны точной и сжатой редакцией статей Устава уголовного судопроизводства».

Существует мнение, подчеркнул ректор Академии, что Устав уголовного судопроизводства – едва ли не эталон юридической техники. Утверждают, что за 160 лет после Судебной реформы «барьер не взят», настолько этот документ совершенен. Такие люди, как Буцковский и Стояновский, следовали своим идеалам не только в законотворчестве, но и в жизни. Известно, что Николай Андреевич не смог реализовать свою идею о введении полноценного института реабилитации. Поэтому все свои сбережения в размере 50 тысяч рублей завещал на создание благотворительного фонда помощи тем оправданным, невиновность которых окажется очевидной.

Ректор Академии отметил, что как бы ни были искренни и талантливы составители Устава уголовного судопроизводства, они опирались на классическую научную доктрину середины XIX века. Впереди были и неевклидова геометрия, и теория относительности, и квантовая механика, и кибернетика, и теория информации, и открытия в области лингвистики, и когнитивная революция. Наконец, своего времени ждали те впечатляющие возможности, которые открывает перед человечеством искусственный интеллект. Вряд ли творцы Судебной реформы могли предположить, что преступления в течение нескольких часов будут раскрывать интеллектуальные системы, а живого судью заменит машина. Верные в уголовном процессе наследию прошлого, мы не должны бояться моделировать образ его будущего – именно к этому призвал всех участников конференции ректор Академии Алексей Александрович Бессонов.

В рамках конференции состоялось вручение Почетных грамот Председателя Следственного комитета Российской Федерации сотрудникам Академии: декану факультета подготовки криминалистов доктору юридических наук *Олегу Юрьевичу Антонову*, декану факультета подготовки следователей кандидату юридических наук доценту *Алексею Михайловичу Попову* и заведующему лабораторией дистанционных образовательных технологий *Алексею Владимировичу Маликову*.

Ректор Академии вручил диплом победителя ежегодного

Конкурса на лучшее издание, посвященное деятельности следственных органов, профессору Высшей школы экономики доктору юридических наук профессору *Владимиру Антоновичу Прорвичу* и профессору кафедры уголовного процесса Академии Почетному сотруднику СК России ветерану следственных органов *Александрю Михайловичу Новикову* за подготовку учебного пособия «Доказательства и доказывание в следственной практике».

В ходе конференции обсуждались вопросы истории и совершенствования уголовно-процессуальных форм и институтов, эволюции организационно-правовых форм следственной деятельности, изменения парадигмы доказывания и принятия решений в уголовном процессе в свете цифровой трансформации и другие вопросы. Живой интерес и обсуждение вызвали научные доклады заведующего кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия

прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации доктора юридических наук профессора, заслуженного юриста Российской Федерации *Александра Германовича Халиулина* «Предварительное следствие и государственное обвинение», судьи Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке), доктора юридических наук *Никиты Александровича Колоколова* «Суд с участием присяжных заседателей в призме суждений Н.А. Буцковского и его современников» и других ученых и практиков.

В качестве ведущего конференции выступил заведующий кафедрой уголовного процесса Академии кандидат юридических наук доцент *Юрий Анатольевич Цветков*.

Традиционно активную роль в дискуссии играли будущие ученые и практики из числа обучающихся Академии – участники научного кружка по уголовному процессу «Thema probandi».

Организационный комитет конференции

Уголовная ответственность юридических лиц: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Аннотация. В статье воссоздана хронология развития идеи уголовной ответственности юридических лиц от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с акцентов на процессуальные особенности производства в отношении юридических лиц.

Ключевые слова: Н.А. Буцковский; Устав уголовного судопроизводства; уголовная ответственность юридических лиц.

Сложилась хорошая традиция проведения Московской академией Следственного комитета Российской Федерации исторических конференций с проекцией на современные реалии и прогнозом на будущее. Достаточно вспомнить проведенные ранее в стенах академии конференции «Следствие в России: три века в поисках концепции»¹, «Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи»², «I-е Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее»³. Очередная конференция из этого цикла – «Устав уголовного судопроизводства и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Н.А. Буцковского)», продолжает обсуждение наиболее актуальных вопросов в формате «прошлое – настоящее – будущее».

Как справедливо отмечается в имеющихся исследованиях, «нынешнее восприятие Судебной реформы 1864 г. не может быть не связано с реформированием современной отечественной судебной системы и сопутствующими этому процессу преобразованиями в сфере гражданского и уголовного судопроизводства»⁴.

Таким образом, тематика конференции обязывает представить и обсудить новые, перспективные направления научных изысканий в сфере уголовного судопроизводства.

Одним из таких направлений является изучение уголовно-процессуальных аспектов ответственности юридических лиц. Тому есть объективные причины.

¹ Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2017.

² Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / Под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М., 2020.

³ I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года). М., 2021.

⁴ Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 12.

Одна из них – это то, что уголовная ответственность юридических лиц (организаций) стала реальностью современного мира. Уже более чем в 80 странах имеется законодательство, её предусматривающее¹. На актуальность решения вопроса о закреплении в российском законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц неоднократно указывал Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин².

Содержательно уголовная ответственность юридических лиц в отдельных государствах различается по ряду характеристик в зависимости от их правовых традиций. Общим для неё во всех государствах является одно – применение к юридическому лицу в предусмотренных уголовным законом случаях санкций (наказаний или иных мер принудительного характера) в установленном уголовно-процессуальным законом порядке.

Имела место уголовная ответственность обществ (в современном понимании – юридических лиц) и в Российской империи. Уже в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалась ответственность обществ. Так, в нем содержались нормы об ответственности за проступки, предусматривающие применение к обществам денежных взысканий, признаваемых наказаниями исправительными (статьи 1195, 1199 и 1224). Сохранилась такая ответственность и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г. (статьи 530 и 985), действовавшем до революционных событий 1917 г.

В наши дни отсутствие в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц является по своей сути пробелом в позитивном праве. Указанный пробел очевиден с позиции учения о правосубъектности как о способности лица, будь то физическое лицо или юридическое лицо, иметь и осуществлять юридические права и обязанности (непосредственно или через своих представителей), т.е. выступать субъектом правоотношений, включая правоотношения юридической ответственности.

¹ См., напр.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 240-308, С. 393-416; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 93-237, 414-444; Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 370-454.

² См., напр.: Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц / А.И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. № 2. С. 3 – 13; Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции / А.И. Бастрыкин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6-12.

Несомненно, что данный пробел в ближайшее время будет устранен. Вопросу, как это сделать, уже посвящены сотни работ. Рассмотрены разные варианты установления такой ответственности.

Институт уголовной ответственности юридических лиц является комплексным правовым институтом, основу которого составляют нормы уголовного и уголовно-процессуального права соответствующих государств. В него также входят отдельные нормы конституционного, гражданского и административного права, относящиеся к юридическим лицам, а также нормы исполнительного законодательства, регулирующие исполнение судебных решений в отношении юридических лиц.

К сожалению, в российских исследованиях по этой теме акцент делается лишь на нормы уголовного права. Процессуальные и другие вопросы, как правило, остаются в тени.

Предстоит устранить указанный пробел, без чего невозможны системное изучение института уголовной ответственности юридических лиц на законодательном и правоприменительном материале других государств; подготовка предложений о законодательном закреплении в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц в том или ином виде.

Половина этого пути пройдена. Российским законодательством уже предусмотрена административная ответственность юридических лиц. От административной до уголовной ответственности – один шаг. Более того, стирается грань, по которой в прошлом происходило разграничение административных правонарушений и преступлений.

В российском уголовном кодексе пока отсутствует указание на возможность совершения преступлений юридическими лицами. Тем не менее, фактически такие преступления имеют место в реальной жизни. С учетом особенностей современной российской правовой системы в настоящее время они признаются административными правонарушениями.

Например, такого рода ответственность предусмотрена статьей 19.28. «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» КоАП. При этом потенциал санкций данной статьи сопоставим с размерами соответствующих уголовных наказаний, а зачастую и превышает их.

Так, по ч. 3 ст. 19.28. КоАП РФ за незаконное вознаграждение в особо крупном размере для юридического лица предусмотрен административный штраф в размере до 100-кратной суммы денежных средств, переданных, обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 100 млн рублей с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

Столь значительные санкции, предусмотренные ст. 19.28. КоАП РФ, с точки зрения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), нашедшей отражение в решениях этого судебного органа, позволяют определять такого рода правонарушения юридических лиц как преступления и констатировать

необходимость проведения по соответствующим делам расследования уголовно-правового характера¹.

Учитывая указанное решение ЕСПЧ ряд специалистов, считающих, что в России условия для признания уголовной ответственности юридических лиц еще не сложились, предлагает промежуточное решение. А именно, расследовать в рамках одного уголовного дела преступление физического лица и сопряженное с этим преступлением административное правонарушение юридического лица, а по итогам рассмотрения такого дела в суде – выносить единое судебное решение о привлечении физического лица к уголовной ответственности, а юридического лица – к административной.

За рубежом такая ответственность юридических лиц иногда именуется «уголовно-административной».

В этом случае, как и в случае признания уголовной ответственности юридических лиц, требуется отработка уголовно-процессуальных вопросов.

В большинстве зарубежных стран, где имеет место уголовное преследование юридических лиц, их привлечение к ответственности осуществляется в общем порядке с учетом особенностей юридического лица как субъекта правоотношений.

Так, юридическое лицо участвует в уголовном процессе посредством своего представителя, обладающего всеми правами подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного.

В этом нет ничего особенного. Не вызывает же вопросов признание юридического лица потерпевшим по уголовному делу. Так почему оно не может быть признано обвиняемым?

С каким бы уважением мы не относились к уголовному процессу, нельзя отрицать очевидное, основное его предназначение – обеспечение применения норм уголовного права.

Соответственно, первично решение вопроса об уголовной ответственности юридических лиц. Однако устанавливающие такую ответственность уголовно-правовые нормы будут мертвыми, если не разработать соответствующие им уголовно-процессуальные нормы.

И думать над этим надо уже сейчас, ибо в нашей стране уголовная ответственность юридических лиц фактически получила признание в ее широком понимании – в виде применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера.

Например, в ч. 3 ст. 104.1 УК РФ предусматривает, что указанное в этой статье имущество, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. В данном случае перед нами завуалированное введение уголовной ответственности

¹ См.: Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против Российской Федерации (Жалоба № 14902/04) // Приложение к Бюллетеню Европейского Суда по правам человека. Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. № 3/2012.

юридических лиц в ее широком понимании, когда к организации применяется такая мера уголовно-правового характера как конфискация.

Более того, рядом законов уже непосредственно предусмотрена возможность уголовной ответственности юридических лиц. В частности, Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» определяет, что с даты государственной регистрации в нашей стране международной компании в порядке редомициляции¹ она привлекается к гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности вместо иностранного юридического лица.

Другой пример. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», а таковыми могут быть как физические, так и юридические лица, предусматривает в установленных законом случаях их привлечение к административной, уголовной и иной ответственности.

Как видим, фиксируется на перспективу возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности.

Предстоящее решение вопросов, связанных с привлечением к ответственности юридических лиц в уголовно-процессуальном порядке, требует доктринальной разработки.

Такие разработки, одним из инициаторов которых является Следственный комитет Российской Федерации, уже ведутся. Более того, они нашли отражение в ряде законопроектов, в частности, в подготовленном в 2011 г. Следственным комитетом Российской Федерации проекте федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»² и в законопроекте № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц», внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 23 марта 2015 г. депутатом Государственной Думы А.А. Ремезковым³.

Разработка и принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. были обусловлены изменениями в материальном праве и глубинными социально-экономическими преобразованиями, ответом на запрос общества. Представляется, что подобные предпосылки для изменений уголовно-процессуального законодательства сложились и в наши дни, включая востребованность в институте уголовной ответственности юридических лиц.

¹ Редомициляция – это изменение места регистрации компании, которое не предусматривает ликвидацию компании в стране её регистрации, а означает возможность функционирования со сменой юрисдикции в стране перерегистрации как иного юридического лица, которое может быть привлечено к уголовной ответственности.

² Законопроект размещен на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации. См.: <https://sledcom.ru/document/1133>

³ См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750443-6?ysclid=lrwcrf00qm52960373>

Литература:

1. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц / А.И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. № 2. С. 3 – 13.
2. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции / А.И. Бастрыкин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 6-12.
3. Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов. В 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / Под ред. Е.А. Борисовой. – Москва: Юстицинформ, 2014. – 544 с.
4. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. – Москва: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2019. – 424 с.
5. Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – 311 с.
6. Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / Под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. – 249 с.
7. I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года) Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 211 с.
8. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 760 с.
9. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / Под ред. Н.А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.

Вопросы усмотрения суда в трудах Николая Андреевича Буцковского

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки появления понятия усмотрения суда в период судебной реформы 1864 г. Обосновывается необходимость повышения эффективности в деятельности суда. В основе процессуального механизма автор выделяет понятие усмотрения суда. Цель исследования: рассмотреть понятие «усмотрение» в трудах Н.А. Буцковского, который сыграл одну из ключевых ролей в подготовке судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова: усмотрение, суд присяжных, Н.А. Буцковский, уголовное судопроизводство, судоустройство, прокурор.

В современной юридической литературе вопрос усмотрения остается дискуссионным. Среди современных исследователей нет единого мнения в отношении данного термина. В системе судебного производства категория усмотрения включает в себя систему норм, позволяющих прокурору, судье действовать согласно своему усмотрению, основываясь при этом на законе.

Наличие правосудия необходимо для функционирования общества во все исторические периоды. Различного рода несовершенства в системе судопроизводства всегда вызывают недовольство со стороны общества. Соответственно, история Российского государства показывает, что судебная власть должна быть независимой и тогда народ доверяет такому политическому устройству, где защищены его права и свободы¹.

В Российской империи 1861 г. связан не только с отменой крепостного права, но и признанием равенства населения перед законом и, соответственно, судом. В это время возник кризис законности, в основе которого было неуважение к закону и его не подчинение верховенства². Это стало причиной упадка социально-экономического развития. В результате различных торговых отношений стал появляться класс собственников, которому для решения их споров необходимо было справедливое правосудие. В этом плане категория «усмотрения» содержала в себе отрицательные характеристики. Во-первых, суд был разный для каждого сословия. Во-вторых, в судебном заседании отсутствовали все лица процесса. Дела рассматривались многими годами. Общество требовало изменений, прежде всего, которые направлены на судебную систему.

¹ Илюхин А.В. Правовая мысль Д. А. Ровинского, С. И. Зарудного и Н. А. Буцковского о суде присяжных как его концептуальная основа в российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2016. №9 (70).

² Демичев А.А., Илюхин А.В. Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина 60-х гг. XIX в.) : монография. – М., 2010. – С. 17. – 256 с.

Анализ работ Н.А. Буцковского показал, что к 1862 г. сложилось четкое понимание отделения судебной власти от двух других ветвей. Необходимость формирования единого суда, осуществляющего свою власть вне зависимости от сословия. А.Н. Буцковский особое внимание обращал на введение суда присяжных.

Впервые в истории Российского государства благодаря судебной реформе, институт правосудия рассматривался как система, где каждый элемент имеет свою функцию. Была создана новая система судов. Выделялись окружные суды, которые были на несколько уездов. Был создан новый институт в судебной системе – присяжные заседатели. Он в «Записке» суд присяжных рассматривал как историческую необходимость, со времен «Русской Правды», направленную на развитие выборного начала.

А.Н. Буцковский в своих работах правосудие трактовал как систему в внутренними закономерностями. Он обосновывал комплекс институтов судопроизводства, выделяя составляющие уголовного процесса. Формула правосудия состояла из обвинения, судебной защиты, внутреннего убеждения суда и гласности судопроизводства. Внутренне убеждение суда совпадает с понятием усмотрения. Судья, по мнению А.Н. Буцковского, должен осуществлять правосудие, исходя из своего убеждения, основываясь на законе, а не на мнения других участников судебного заседания. При этом составитель Судебного устава указывал о значимости прокурора на предварительном следствии¹. В итоге, убеждение прокурора формируется независимо от суда. Отмечая, что в судебном следствии главную роль имеет убеждение суда в отношении доказательств в рамках дела.

Большое внимание Н.А. Буцковский уделяет анализу правосудия во Франции, в результате он отметил, во-первых, судьи должны быть несменяемы, во-вторых, более эффективным для общества является кассационный суд, состоящий из принятия решений, гражданской палаты, уголовной палаты.

Н.А. Буцковский указывал на необходимость классифицировать уголовные дела на семь категорий. Акт уголовного суда имел преюдициальную силу в гражданском суде. Автор Реформы отмечает, что закон не может вместить в себя каждый конкретный житейский случай, который обладает своей системой отношений, проявлением эмоций. Вместо закона должна выступать совесть коллективного лица, опирающегося на законе и способного выносить правомерные решения. Таким лицом является судья, исходя из своего усмотрения принимающий решения. Мы видим, что в основе усмотрения суда у Н.А. Буцковского лежит понятие «совесть». В этом плане, убеждение суда и его усмотрение выступают синонимами. Но Н.А. Буцковский, в качестве пределов усмотрения выделял суд присяжных. Он писал, что цель суда состоит в оценке действий подсудимого, но эта оценка будет объективной, если дело будет рассматриваться в суде присяжных. «Не отменяясь никакими формальными требованиями в признании по внутреннему своему убеждению вины или

¹ Филиппов Р.В. Формирование суда присяжных в ходе судебной реформы 1864 г.: предпосылки, история, итоги // Вестник ТГУ. 2008. № 2.

невинности подсудимого, внося в суд свежесть и непосредственность взгляда на действительную жизнь как люди многообразной внешней деятельности, неотуманенной исключительными кабинетными занятиями, и будучи чужды того категорического недоверия к людям, которое образуется у судей-техников из-за постоянного и продолжительного обращения с уголовными делами, присяжные представляются лучшими примирителями требований правды с действительною жизнью, неспособными приносить в жертву отвлеченным теориям и понятиям индивидуальность действительных случаев и живых личностей»¹.

Таким образом, анализ работ Н.А. Буцковского показал, что благодаря отделению судебной власти в самостоятельную ветвь, была создана новая судебная система с выделением суда присяжных заседателей². Прежде всего, судебная реформа позволила сформировать новое отношение народа к власти и как следствие зародилась политическая культура Российского государства. В основе своей деятельности суд основывается на своем усмотрении, которое не противоречит закону и выстраивается под каждую конкретную ситуацию. Мы пришли к выводу, что введение усмотрения представляет собой как некий элемент, направленный на развитие правосознания всего общества и формирования нового правосудия.

Литература:

1. Буцковский Н. А. Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. Оп. 15.
2. Демичев А.А., Илюхин А.В. Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина 60-х гг. XIX в.) : монография. – М., 2010. – С. 17. – 256 с.
3. Захаров В.В. Судебная политика Николая I // История государства и права. 2012. № 3. С. 46—47.
4. Илюхин А.В. Правовая мысль Д. А. Ровинского, С. И. Зарудного и Н. А. Буцковского о суде присяжных как его концептуальная основа в российской империи // Актуальные проблемы российского права. 2016. №9 (70).
5. Филиппов Р.В. Формирование суда присяжных в ходе судебной реформы 1864 г.: предпосылки, история, итоги // Вестник ТГУ. 2008. №2.

¹ Буцковский Н.А. Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. Оп. 15.

² Захаров В.В. Судебная политика Николая I // История государства и права. 2012. № 3. С. 46—47.

Особенности доказывания по уголовным делам о незаконном обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в условиях развития цифровых технологий

Аннотация. Рассматриваются особенности доказывания, современное состояние уголовного законодательства, судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в условиях развития цифровых технологий. Сформулировано предложение о криминализации незаконного использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Ключевые слова: доказывание, конституционные права и свободы, негласное получение информации, незаконный оборот специальных технических средств, проблемы правоприменения, частная жизнь.

Экспоненциальная цифровизация захватила все сферы жизнедеятельности, и, каждый человек, невольно стал участником этого процесса. В открытом доступе представлены технические средства, обладающие «богатými» техническими характеристиками, о которых, зачастую, их приобретатель даже и не догадывается. Речь идет не о сертифицированных товарах, таких как смартфоны, планшеты, смарт-браслеты, навигаторы и т.п., а о специальных технических устройствах, функциональные возможности которых позволяют негласно получать и фиксировать полученную информацию.

Специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации (далее – СТС НПИ), находящиеся в незаконном обороте, предназначены для тайного, скрытого получения информации, без соответствующих разрешительных документов для их применения и вне рамок оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой органами внутренних дел. Исходя из положений ч. 6 ст. 6 ФЗ от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливается запрет на применение в целях негласного получения информации специальных технических средств, субъектами, которые специальным образом не уполномочены их использовать.

Специальные технические средства, как правило, закамуфлированы под приборы бытового назначения (ручки, лампы, сетевые фильтры, пуговицы и тп.), их использование, посредством фиксации сведений о личной жизни других лиц, способствует нарушению пределов частной жизни этих лиц и ее неприкосновенности, разглашению и использованию в преступных целях незаконно полученную информацию.

Статья 138.1 УК РФ была введена в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2011 г. Подвергая анализу данные о числе осужденных по статье 138.1 УК РФ в Российской Федерации, нами обращено внимание, что в период с 2012 г. по 2017 г. число осужденных увеличилось практически в пять раз

(2012 - 46 чел., 2017 г. – 254), в то же время, начиная с 2018 г., мы наблюдаем динамику снижения числа осужденных по данной статье практически в два раза (2018 г. – 160, 2022 г. – 81) .

Полагаем, что объяснение данного обстоятельства кроется в том, что состав преступления ст. 138.1 УК РФ является формальным, соответственно для возбуждения уголовного дела до 2018 г. было необходимо лишь установление факта незаконного оборота СТС НПИ.

Анализируя судебную практику до 2018 г. нами обращено внимание, что судами в меньшей степени уделялось внимание установлению умысла лица, с которым им были приобретены СТС. В отдельных случаях, лицо вообще не обладало информацией о технической составляющей данных средств либо приобретало их для личных нужд, но данные обстоятельства не получали в суде должной правовой оценки .

Однако учеными высказывалось мнение, что «при доказывании наличия состава преступления подлежит установлению прямой умысел лица на его совершение...органы предварительного следствия обязаны доказать противозаконность действий и наличие умысла на их совершение...доказать, что лицо собиралось использовать эти устройства для преступных целей» .

В 2018 г. после подробных разъяснений, которые были даны в постановлении Пленума об исключении квалификации деяния по ст. 138.1 УК РФ в том случае, когда умысел лица не был направлен на приобретение и (или) сбыт специальных технических средств (например, при добросовестном заблуждении), судебнo-следственная практика изменилась. Акцентировано внимание на необходимости установления в ходе доказывания цели приобретения рассматриваемых технических средств. Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого цели нарушать конституционные права и свободы граждан, исключало привлечение к уголовной ответственности.

Практическая реализация оснований, изложенных в Пленуме, послужила декриминализации ряда деяний и непосредственным образом отразилась на числе осужденных по ст. 138.1 УК РФ в период с 2018 по 2022 г.г.

Вместе с тем, была внесена ясность, которая заключается в том, что приобретение СТС для личных нужд, в целях обеспечения личной безопасности лица, не образует состав преступления. Напротив, когда преступный умысел лица направлен на получение и фиксацию информации о частной жизни других лиц и направлен на нарушение их конституционных прав, такие действия образуют состав преступления, предусмотренный ст. 138.1 УК РФ.

Судебная практика, сложившаяся по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом СТС НПИ, наглядным образом демонстрирует тщательное исследование представленных доказательств по уголовному делу, изучению цели и умысла, которым лицо руководствовалось, участвуя в незаконном обороте СТС НПИ, осознания субъектом преступления незаконности сделки по приобретению запрещенного товара .

Несмотря на это, закономерно возникает вопрос, может ли лицо, приобретающее СТС для личных нужд, впоследствии его использовать в преступных целях, для получения информации о третьих лицах?

В своем исследовании Безуглый С.Н. отмечает, что «противоправная цель может возникнуть в период владения специальным техническим средством». Сложно не согласиться с данным утверждением, так как цели использования СТС в период владения им, могут измениться.

Нами обращено внимание, что диспозиция статьи 138.1 УК РФ предусматривает только производство, приобретение и сбыт СТС НПИ. Содержанием статьи не предусмотрена уголовная ответственность за незаконное использование технических средств, несмотря на то, что при фактическом использовании СТС НПИ, доказывание преступного умысла лица не будет столь затруднительным.

Более того, обращая внимание на содержательную часть обвинительных приговоров суда, нами отмечено, что в описательной части как раз и акцентируется внимание на преступной деятельности лиц по незаконному использованию СТС НПИ.

Так, в обвинительном приговоре по делу № 1-327/2020 указывается о производстве гражданином из пяти видеорегистраторов пять устройств визуального наблюдения. Дополнив видеорегистраторы источником питания в виде аккумулятора, гражданин Х. их закреплял в подъездах квартир для наблюдения за жильцами квартир, из которых планировал совершить кражи имущества. Полученная с камер информация хранилась на съемных носителях, которую он периодически извлекал, просматривал содержимое видеофайлов, использовал для тайного хищения чужого имущества из квартир на территории.

Осужденный по ст. 138.1 УК гражданин Б. построил видеокамеры, произведенные заводским способом и находящиеся в открытой продаже, в корпусах трех акустических колонок (громкоговорителей) марки «ВВК», модели «DK2716HD, имевшихся в помещениях релакс-салона. Объективы камер скрыл перфорированными сетками из металла, полученную информацию использовал для негласного визуального наблюдения и документирования.

В данном случае, речь идет о необходимости криминализации незаконного использования СТС НПИ лицом, целью которого является нарушение конституционных прав граждан. В преступных действиях лиц, в отношении которых вынесены обвинительные приговоры суда, идет речь о прямом нарушении конституционных прав граждан, посредством фиксации и использования незаконно полученной информации.

Так, по справедливому утверждению Шеслер А.В., «потребность в криминализации вытекает из существования или появления в обществе новых видов общественно опасных деяний, противодействие которым невозможно без уголовно-правового воздействия на них».

Идея криминализации незаконного использования СТС НПИ, высказывается учеными Галыгиной И.П. и Писаревской Е.А., которые полагают, что «криминализация рассматриваемого деяния соответствует общему

направлению уголовно-правовой политики государства... на всемерное и всестороннее обеспечение и защиту прав и свобод личности, в том числе и уголовно-правовыми средствами».

Исследуя особенности доказывания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом СТС НПИ, вопросы уголовно-правовой охраны личных прав и свобод человека и гражданина, выявляются новые пробелы и недостатки, которые стимулируют к продолжению нового научного поиска.

Резюмируя, можно сделать вывод о необходимости рассмотрения законодателем вопроса о криминализации «незаконного использования» СТС НПИ, «с целью нарушения конституционных прав граждан». Данное предложение вызвано тем, что непосредственно приобретение СТС для личных нужд, без их последующего преступного использования, не нарушает конституционные права граждан, соответственно не образует состав преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ.

Литература:

1. Безуглый С. Н. Судебное толкование нормы об ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 67-73.
2. Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2016 г., утв. Президиумом Мособлсуда 24.08.2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Галыгина И. П., Писаревская Е. А. К вопросу об установлении уголовной ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы за незаконное применение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Кузбасского института). 2019. № 1 (38). С. 16-21.
4. Дело № 1-325/2017 // Архив Ленинского районного суда г. Оренбурга. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/547952.html>
<https://tass.ru/obschestvo/4823997> (дата обращения: 17.10.2023).
5. Дело № 1-161/2020 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2TMEsLRNHСX/?page=2> (дата обращения 10.11.2023 г.)
6. Дело № 1-327/2020 // Архив Центрального районного суда Республики Крым Российской Федерации. URL: <https://pravoilevo.ru/prigovor-po-st-138-1-uk-rf-proizvodstvo-speczialnyh-tehnicheskih-sredstv-dlya-neglasnogo-polucheniya-informaczii-delo-%E2%84%96-1-327-2020/> (дата обращения 10.11.2023 г.)
7. Кузнецов А.Н. Доказывание по делам о незаконном обороте специальных технических средств // Судебная власть и уголовный процесс. •2016. •№ 3. С. 78-86.

8. Курганский фермер, о котором рассказали Путину, купил GPS-трекер из-за инвалидности // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4823997> (дата обращения: 15.10.2023).
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03 декабря 2020 года по делу № 7У-12367/2020 // Доступ из СПС «Кодекс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2019/01/09/vs-rf-46-dok.html> (дата обращения: 17.10.2023).
11. Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 17.05.2019 № 44У-41/2019 // Доступ из СПС «Гарант».
12. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Форма государственного статистического наблюдения «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» (Форма 10-а) за 2012–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.11.2023).
14. Шеслер, А. В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136-141.

Н.А. Воронина

Влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 года на становление доступа потерпевших к правосудию

Аннотация. В настоящей статье проводится ретроспективный анализ процессуального статуса потерпевшего на основании Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Автор приходит к выводу о том, что истоки доступа потерпевшего к правосудию были заложены в положениях Устава уголовного судопроизводства 1864 года, что повлияло на становление современного процессуального статуса потерпевшего.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 г.; потерпевший; процессуальный статус потерпевшего; доступ к правосудию; уголовное судопроизводство.

Термин «доступ к правосудию» для российского законодательства является относительно новым и малоизученным, а отсутствие в нормах закона легальной

дефиниции «доступ к правосудию» приводит к неясности его сущности и содержания. Поэтому доступ к правосудию подвергается активному исследованию учеными в рамках различных отраслей науки.

На наш взгляд, доступ к правосудию следует рассматривать широко и определять его как доступ в целом к уголовному судопроизводству (его досудебным и судебным стадиям). Реализация доступа к правосудию обеспечивается наделением потерпевшего процессуальными правами, которые позволяют ему принимать участие в уголовном судопроизводстве и отстаивать нарушенные права.

Существенное влияние на становление статуса потерпевшего в уголовном процессе оказал Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее - УУС), который заложил основы процессуальных прав, обеспечивающих потерпевшим свободный доступ к правосудию.

Считаем верным провести ретроспективный анализ процессуального статуса потерпевшего параллельно со становлением основ доступа к правосудию, прибегая к анализу текста Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Устав выступает прогрессивным актом того времени, который определил путь дальнейшего построения уголовного судопроизводства. Действительно, положения, содержащиеся в Уставе, ознаменовавшие поворот от полицейского порядка к порядку правовому, смогли поднять уголовное судопроизводство на небывалую доселе высоту¹.

УУС справедливо называют замечательнейшим памятником нашего законодательства... памятником, утвердивший в нашей жизни ростки законности и правды². Действительно, это так. Ведь он выступил истоком многих уголовно-процессуальных институтов, форм, не обходя стороной и потерпевшего от преступления. По праву «...потерпевший заслуживает не меньше внимания, чем обвиняемый, как лицо, оскорбленное в своих лучших чувствах и своих законных правах»³.

Впервые в российском законодательстве Уставом закреплен термин «потерпевший». Однако, в тексте закона отсутствовала строгая формулировка понятия потерпевшего (впрочем, как и других участников процесса). Но, несмотря на имеющуюся неопределенность в вопросе, кого следует считать потерпевшим, положения Устава заложили основы доступа к правосудию частных лиц («потерпевший от преступления», «обиженный», «жалобщик», «частный обвинитель», «гражданский истец»), наделив их достаточным объемом процессуальных прав, чтобы принимать участие в досудебных и судебных стадиях процесса.

На наш взгляд, несомненным достоинством уголовно-процессуального закона того времени было создание института частного обвинения, который

¹ Шаров Д.В. Понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 141.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб. 1996. С. 45.

³ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Юридическая литература. 1956. С. 35.

предоставил потерпевшему право возбуждать уголовное преследование. Это позволяло ему свободно обращаться в органы судебной власти с жалобой о совершенном преступлении, в которой содержалась информация о вероятном виновнике, а также требования приступить к расследованию дела.

Отметим, что лицо, потерпевшее от преступления, будучи в статусе частного обвинителя, имело самый широкий спектр прав, которые позволяли ему выступать не только полноправным участником процесса, но и оказывать влияние на ход и результаты по делу. Поэтому профессор И.Я. Фойницкий сравнивал частного обвинителя с «господином процесса...»¹.

Частный обвинитель имел право предъявлять обвинение; определять пределы судебного разбирательства (в рамках заявленной жалобы); представлять доказательства (важно отметить, что суд ограничивался только теми доказательствами, которые представлял частный обвинитель (ст. 104 УУС).

В свою очередь, потерпевший вправе был предъявлять иск; заявлять отвод судьи и рассмотрения дела в закрытом судебном заседании; участвовать в допросе свидетеля; обжаловать приговор мирового суда; получать копии процессуальных документов; требовать ознакомления с протоколом заседания, вносить в него исправления; давать пояснения по сути дела; знакомиться с материала уголовного дела; ходатайствовать о вызове на допрос новых или ранее допрошенных лиц.

Тем самым, УУС поднял на новую высоту не только ориентиры, направленные на обеспечение прав и интересов личности², но и предоставил потерпевшим от преступления доступ к правосудию (доступ ко всему уголовному судопроизводству, как к судебным, так и досудебным его стадиям).

Новеллой УУС, позволяющей обеспечить доступ к правосудию лицу, потерпевшему от преступления, помимо указанных выше прав, стал институт представительства. В своем первостепенном виде этот институт обеспечил потерпевшему возможность делегировать свои прав поверенному (представителю). Процессуальное положение поверенного (представителя) не было в полной мере регламентировано. В тексте УУС не содержалось ответов на такие вопросы: кто мог выступать поверенным; какие у него процессуальные права и обязанности? Однако, не взирая на это, УУС смог открыть абсолютно новые, ранее невиданные, возможности для защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления посредством закрепления института представительства.

На наш взгляд, отдельный вклад УУС в обеспечении потерпевшему права на доступ к правосудию заключается в предоставлении ему возможности получать копии всех процессуальных документов (ст.475 Устава).

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 1996. С. 31.

² Тутынин И.Б. Положение мер процессуального принуждения имущественного характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С.143.

С одной стороны, законодателем была предпринята попытка к обеспечению доступа к правосудию, а с другой – прослеживаются некоторые ограничения доступа к правосудию, так как копии снимались за счет потерпевшего. «По просьбе участвующих в деле лиц следователь выдает им копии протоколов и постановлений: обвиняемому бесплатно, а частному обвинителю или гражданскому истцу – за установленную плату» (ст.475 УУС). В этом случае, о свободном доступе потерпевшего к правосудию можно говорить лишь с большой долей условности, в виду установления платы, что не каждый потерпевший мог позволить.

Таким образом, анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 года позволяет сделать вывод о том, что он выступил важным шагом в становлении правового положения потерпевшего.

Во-первых, этот закон заложил основы доступа потерпевших к правосудию через систему его процессуальных прав; во-вторых, позволил посмотреть на потерпевшего, как на полноправного, самостоятельного участника уголовного судопроизводства; в-третьих, оказал влияние на становление современного процессуального статуса потерпевшего посредством введения термина «потерпевший», установления базовых процессуальных прав для лиц, потерпевших от преступления, закрепления таких институтов, как частное обвинение, представительство, которые нашли своё прямое отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Литература:

1. Васильев Ф.Ю. Процессуальный статус потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864года и его современное состояние в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридическая наука: история и современности. 2019. № 6. С. 174-179.
2. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Избранные произведения. М.: Юридическая литература. 1956. 886 с.
3. Тутынин И.Б. Положение мер процессуального принуждения имущественного характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С.143-145.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. М.: Альфа. 1996. 312 с.
5. Химичева О.В., Андреев А.В. Роль Устава уголовного судопроизводства в становлении института привлечения в качестве обвиняемого // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С.109-111.
6. Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном процессе по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id
7. Шаров Д.В. Понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 141-143.

8. Юношев С.В. Регламентация статуса потерпевшего и его представителя в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1457-1462.

Б.Я. Гаврилов

Уголовный процесс: наследие прошлого и образ будущего

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного уголовного процесса с обращением к содержанию его отдельных институтов в дореволюционном российском законодательстве и нормам уголовно-процессуального права по УПК РСФСР. На основе анализа статистических данных о результатах расследования уголовных дел и их рассмотрения судами с позиции обеспечения качества и сроков предварительного расследования, состояния законности, а также результатов исследования проблем уголовного судопроизводства представителями научного сообщества показано, что рассматриваемые в настоящей публикации вопросы вызывают не только научный, но и значительный интерес практических работников. Среди рассмотренных в публикации вопросов позиция автора о причинах и условия снижения за последние десятилетия эффективности обеспечения органами предварительного расследования и дознания права граждан на доступ к правосудию и возмещению причиненного им ущерба (ст.52 Конституции Российской Федерации), что препятствует должной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, прокурор, уголовное дело, качество расследования, законность, процессуальные сроки, предъявление обвинения, заключение под стражу, протокольная форма расследования.

Современное состояние уголовно - процессуальной науки автором рассматривается с точки зрения её влияния на эффективность уголовного судопроизводства, что непосредственно обуславливается состоянием научной мысли представителей научного сообщества и правоприменителей с конкретными предложениями законодателю в части совершенствования уголовно-процессуального законодательства¹.

Исключительно важным фактором здесь является оценка как в целом уголовно – процессуальных институтов, так и конкретных уголовно-процессуальных норм, что, в свою очередь, видится в преодолении в силу догматизма нашего мышления зашоренности в реальной оценке состояния законодательства.

¹ Гаврилов, Б.Я. Роль законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении прав и свобод человека и гражданина / Б. Я. Гаврилов // Государство и право. – 2023. – № 6. – С.191-192.

Но критическая оценка автором публикации эффективности уголовно – процессуальных институтов современного досудебного производства дается как с научной позиции, так и с учетом правоприменительного опыта службы в органах предварительного расследования более 30 лет.

Учитываются также и результаты проводившегося в течение ряда лет после принятия Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) мониторинга, по результатам которого в уголовно – процессуальный закон вносились соответствующие изменения, в том числе обусловившие появление в нём ряда новых процессуальных институтов. А всего за более чем 20 лет действия УПК РФ в него были внесены изменения свыше 300-ми федеральными законами, за что Кодекс на сегодняшний день подвергается критике как со стороны учёных, так и практикующих юристов.

Однако, не учитывается то, что многие из внесённых в УПК РФ изменений были обусловлены необходимостью реализации положений Конституции РФ, решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека по вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. При этом автор отмечает, что часть из этих изменений не носила системный характер и даже противоречила ряду основополагающих институтов принятого в 2001 г. УПК РФ, нося характер контрреформ, на что указывали как автор статьи, так и профессор В.П. Божьев¹.

Одной из причин столь многочисленных изменений – компромиссные решения законодателя при подготовке и принятии нового уголовно – процессуального закона, а также его отказ от включения в проект УПК РФ положений о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, пересмотре процессуальных правил начала расследования, введении в досудебное производство в качестве участника уголовного процесса начальника специализированного подразделения дознания и ряда других, что было реализовано в последующие годы путём внесения в УПК РФ соответствующих изменений, что безусловно сказалось на их количестве.

Одновременно необходимо указать, что порядка 70 % изменений обуславливались их востребованностью правоприменителями. Так, Федеральным законом от 05.06.2007 №87-ФЗ² из состава органов прокуратуры были выведены следователи с последующим созданием Следственного комитета Российской Федерации, от прокурора руководителю следственного органа переданы полномочия по процессуальному руководству следствием

¹ Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного суда Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 9-11.

² Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст.2830.

с сохранением за прокурором надзорных полномочий¹, из УПК РФ исключены нормы, предусматривающие согласование с прокурором решения следователя, дознавателя органа дознания о возбуждении дела, а также право прокурора на возбуждение уголовного дела². В число участников уголовного процесса на стороне обвинения был введен начальник подразделения дознания, а в последующем - и начальник органа дознания³, на чём автор настаивал на протяжении ряда лет.

Сегодня в числе наиболее актуальных проблем: *обоснованность реформирования указанным Федеральным законом № 87-ФЗ досудебного производства*, о его эффективности свидетельствуют приведённые данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком:

а) уровне процессуального контроля:

Таблица 1

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	След. МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
2022	372 – 1,3	71	655 – 6,6	290
2023	399 – 1,4	46	–	–

б) и одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора, что обусловлено увеличением почти в два раза удельного веса уголовных дел, возвращённых прокурором следователям органов внутренних дел для производства дополнительного расследования (с 3,3% в 2006 г. до 6,1% в - 2023 г.), и следователям Следственного комитета РФ (с 0,8% в 2006 г. до 2,1 % - в 2022 г.), что в свою очередь обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращённых судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (с 4,0% в 1999 г. до 1,2% - в 2022 г.):

¹ Федеральный закон от 06.06.2007 №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. №24. Ст. 2833.

² Гаврилов Б.Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки / Б.Я. Гаврилов // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2, № 2. – С. 28 – 34;

³ Федеральный закон от 06.06.2007 №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. №24. Ст. 2833.

Таблица 2¹

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	След. МВД	Удельный вес (в %)	След. прокур. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В т.ч. след-м/уд. Вес (в %)
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0 %
2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	-
2018	17791	5,6	3569	3,6	6568	4668 – 1,1%
2021	17507	6,0	1847	2,1	6315	4518 – 1,2%
2022	15709	6,9	1769	2,1	5846	4216 – 1,2%
2023	16519	6,1	-	-	-	-

Существенные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ², согласно которому был значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, которые должностные лица органов предварительного расследования сегодня вправе осуществлять при проведении проверки заявления, сообщения о совершённом или готовящемся преступлении (более 10). Этим же законом в УПК РФ был введен институт дознания в сокращённой форме (Глава 32.1), а также осуществлены и ряд других нововведений.

Одним из факторов многочисленных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве являлось то, что ряд положений УПК при его принятии содержали переходные положения как результат компромисса, в соответствии с которым за прокурором сохранялось право на санкционирование следственных действий и процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан (Федеральный закон от 18.12.2001 № 177)³, также и на продление срока содержания обвиняемых под стражей (Федеральный закон от 29.12.2001 № 183)⁴. Их не соответствие Конституции РФ обусловило признание Конституционным Судом РФ ещё в рамках действия УПК РСФСР положений уголовно – процессуального закона о заключении под стражу во внесудебном порядке не соответствующим основному закону⁵. Реализуя данное решение

¹ Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «1 ЕГС» (491) «Сводный отчет о преступности», 1999 – 2023 гг. // Министерство внутренних дел России: сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2024).

² Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. №9. С. 875.

³ Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4924.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ «О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53 (ч. 1). Ст. 5019.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с

Конституционного Суда законодатель ещё до момента вступления УПК РФ в действие внёс в него соответствующие изменения (Федеральный Закон от 28.05.2002 №59-ФЗ)¹.

В числе наиболее обсуждаемых сегодня наличие в УПК РФ *института возбуждения уголовного дела*, в связи с чем учёные и правоприменители ведут активную научную дискуссию о том необходим ли он российскому законодательству и в каком виде? Его наличие сегодня обуславливает не только низкую эффективность предварительного следствия и дознания, поскольку в суд направляется менее 30% уголовных дел от числа возбужденных, но и нарушениями закона при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела, что влечет за собой нарушение ежегодно прав порядка 5 млн. пострадавших от преступлений граждан на их доступ к правосудию и компенсацию причинённого преступлением ущерба (ст. 52 Конституции РФ).

На такое положение негативно влияет и устоявшееся на протяжении десятилетий мнение ряда учёных и практиков юристов о существенной роли данного института в предупреждении фактов необоснованного уголовного преследования.

При этом автор обращается как к ранее проведённым исследованиям в этой области, так и к складывающейся за последние десятилетия следственной и судебной практике, статистическим данным о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях (в 2015-2016 гг. количество отказанных материалов достигло показателя 6,8 млн (в 2023 гг. – 6,2 млн.) против 1,2 млн в 1992 г.) и непосредственно к содержанию уголовно – процессуального законодательства, регламентирующего данную стадию уголовного процесса.

Так, по УПК РСФСР 1922 г. органы дознания, следователь и прокурор обязаны были в соответствии сост. ст. 94-96 принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий начинать производство дознания или предварительного следствия, или принимать решение об отказе в этом².

Появление в уголовном судопроизводстве и соответственно в уголовно-процессуальной науке самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было обусловлено фактами незаконного уголовного преследования в 1934-1937 гг. граждан (репрессиями), с целью противодействия которым Генеральным прокурором СССР были изданы ряд директивных указаний, в том числе Циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что

запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

¹ Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

² «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002). // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 10.01.2024).

возбуждение уголовного дела и начало расследования может иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором¹.

Сегодня не только среди практикующих юристов, но и в научной среде свое влияние усиливает позиция ученых-процессуалистов о необходимости исключения из российской системы уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела.

При этом учитываются как положения Концепции судебной реформы РСФСР в той части, что: «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела»², так и статистические данные о результатах рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях.

В числе указанных выше 6 млн. «отказных» материалов около 1,2 млн. заявлений о кражах и 1,3 млн. фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах и порядка 1 млн. деяний, совершённых путем мошеннических действий, в т.ч. хищения с банковских карт, по данным деяниям лица, как правило, не установлены.

Таблица 3

*Статистические данные о
количестве возбужденных уголовных дел и отказных материалов³*

	2006	2015	2022	2023
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	10,7	12,2	11,9	11,8
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,89	1,62	1,8
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	30,8%	15,5%	16,2%	13,5%
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	4,5	6,8	6,0	6,2

С учетом положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ и постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу Михайлова от

¹ Циркуляр Прокурора СССР № 41/26 от 05 июня 1937 // Советская юстиция – 1937. - №7. С. 55 – 56;

² Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/6318369/> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Отчет по форме 2-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры России от 27.02.2017 № 89 «Об утверждении и введении в действие формы федеральной статистики наблюдения № 2-Е».

15.06.2021 №28-П¹ такие решения являются незаконными и необоснованными и подлежат отмене прокурором.

Более того, на принятие ежегодно 8-9 млн (с повторными) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела затрачиваются усилия порядка 20 тыс. сотрудников полиции и тысяч прокуроров по их отмене, что обусловило резкое снижение показателя раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн. в 2006 г. до 895,6 млн. преступлений в 2023 г.) и тем самым значительное (на 49,8 %) снижение эффективности деятельности, органов внутренних дел и других правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;

Указанные изменения повлекли также значительное изменение «тренда» преступности, значение которого к 2010 г. должно было превысить уровень 4,0 млн. преступлений в год, однако в 2023 г. по отношению к 2006 г. этот показатель сократился на 1,9 млн. преступлений или на 49,3%.

Таблица 4

Сведения о состоянии преступности в 1980 - 2023 гг.

Временной период	1980	1991	1999	2006	2010	2014	2016	2020	2021	2022	2023
Количество зарегистрированных преступлений (млн.)	1,028	2,168	3,002	3,853	4,4	2,166	2,16	2,04	2,004	1,957	1,947

Это потребовало выработки соответствующих предложений, сформулированных в п.4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. В целях его реализации рабочей группой МВД России был разработан проект соответствующего федерального закона, который 3 ноября 2016 г. рассмотрен на заседании Экспертного совета при МВД России с участием представителей всех правоохранительных органов, общественных организаций, научных структур, где большинством специалистов был одобрен, однако его реализация была приостановлена.

На необходимость принципиального изменения процессуальных правил начала производства по уголовному делу в своих ежегодных докладах Президенту Российской Федерации отмечает и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации профессор Т.Н. Москалькова².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/ (дата обращения: 10.01.2024).

² Комментарий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о защите прав потерпевших от преступлений. // URL: электронный ресурс <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/aa32fe08-811c-4b1d-8ee2-8f44b0c8b780> (дата обращения 10.01.2024).

Подлежит исключению из УПК статья 162, регламентирующая сроки предварительного следствия в силу противоречия ее правового содержания норме – принципу (ст. 6¹) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который по уголовным делам не должен превышать 4-х лет. Однако, действующая редакция ч. 5 ст.162 УПК не предусматривает ограничение срока предварительного следствия за исключением истечения сроков давности, что, по мнению автора, служит прямой причиной продолжающихся нарушений органами предварительного расследования разумного срока уголовного судопроизводства.

Реформирования требует и содержание ч.1 ст. 109 УПК, устанавливающей первоначальный (2 месяца) срок содержания обвиняемых под стражей, поскольку в него сегодня входят от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного процессуального решения (ч.1 и ч.1.1 ст.221 УПК РФ) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. А сами первоначальные сроки (2 месяца) предварительного следствия и содержание обвиняемых под стражей «пришли» из УПК РСФСР 1922, 1923 гг.

Для сравнения, в европейских государствах первоначальный срок составляет от 120 до 180 суток. Например, по уголовно-процессуальному законодательству Итальянской Республики первоначальный срок содержания под стражей составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению стороны защиты или прокурора.

Назрела необходимость *исключения из УПК РФ института предъявления обвинения*, нормы которого на протяжении многих десятилетий обеспечивали обвиняемому право на защиту с привлечением адвоката. Сегодня с учетом положений указанного выше Федерального закона №23-ФЗ участие адвоката стало возможным уже на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного лица. Аргументом за реформирование данного института являются также и такие обстоятельства, как фактическое отсутствие в действующем УПК различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47).

В качестве довода следует указать и на то обстоятельство, что в суд за годы действия УПК без «классического» предъявления обвинения направлено порядка пяти миллионов уголовных дел, расследованных в форме дознания. При этом никто из осужденных не обратился ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека (автору о таких фактах не известно) с жалобой об ограничении его права на защиту от обвинения. Следует учитывать и позицию Конституционного Суда РФ «о пределах судебного

разбирательства» (постановление от 16.05.2007 №6-П)¹ и решения ЕСПЧ по делу Экле² и ряда других.

В связи с изложенным об институте предъявления обвинения автор обращается к вопросу о полномочиях суда по изменению обвинения. На протяжении десятков лет основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного производства по УПК РСФСР выступал институт судебного доследования (ст.232), негативным результатом действия которого было ежегодное возвращение судами порядка 50 тыс. уголовных дел следователям и дознавателям для производства по ним дополнительного расследования, которое нередко заключалось в проведении судебной экспертизы, очной ставки и производстве отдельных следственных действия, а также в необходимости перепредъявлять обвинение на более тяжкое. При этом, по каждому второму делу до возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам – от 1,5 до 2-х лет. Как следствие сроки расследования и содержания обвиняемых под стражей достигли 5 и более лет.

Непосредственное исправление в суде дефектов и несоответствий установленным фактам допускается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса и Шотландии. В Италии в ходе судебного следствия прокурор при соблюдении права обвиняемого на защиту и других условий вправе изменить исходное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального путем дополнительного уведомления или нового изложения деяния (ст. ст. 517,519 УПК). Согласно ст.732 Уголовно-процессуального закона Испании³ изменение предварительной квалификации стороной обвинения является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором для необходимости усиления обвинения предусмотрено отложение слушания дела по просьбе защиты для подготовки доказательств в опровержение измененного обвинения. Возможность изменения в судебном разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрена ст. 301, 303 УПК Республики Беларусь⁴ и ст. 340-341 УПК Казахстана¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. ст. 2686.

² Постановление ЕСПЧ от 15.07.1982 «Экле против Федеративной Республики Германия» (жалоба № 8130/78) Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 385 - 394.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Королевства Испании / Ley de Enjuiciamiento Criminal de Espana. Real Deceretode 14 de septiembre de 1882 // La Gaceta. – 1882. 17 de Septiembre

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 19 июля 1999 г., № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 10 янв. 2024 г. № 242-3 // КонсультантПлюс.Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2024.

С учетом особенностей российского уголовного судопроизводства, полагаем, что общая схема судебной процедуры изменения обвинения на более тяжкое может быть реализована следующим образом. Заявление государственного обвинителя об изменении обвинения на более тяжкое может быть реализовано путем представления суду в письменном виде формулировки нового обвинения, после чего следует предъявление прокурором обвиняемому нового, в том числе обвинения в более тяжком преступлении, чем оно предъявлено органом предварительного расследования, и разъяснение его сущности. Затем объявляется перерыв в судебном заседании и стороне защиты предоставляется время, необходимое для подготовки к защите от нового обвинения, после чего судебное разбирательство продолжается в пределах нового обвинения.

Предлагаемые процедуры изменения прокурором обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного производства с правом представить суду дополнительные доказательства видятся в следующем: 1) уголовное дело остается под контролем суда и исключается его разрешение внесудебными органами; 2) движение уголовного дела сохраняет поступательный характер и как следствие существенно сокращаются сроки производства по делу; 3) не ограничивается право участников уголовного процесса на их доступ к правосудию; 4) налицо процессуальная экономия: отпадает необходимость в производстве дополнительных процессуально-следственных действий и повторного судебного рассмотрения дела; 5) в большей степени реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств, повышается объективность его позиции в деле; 6) суд не втягивается в осуществление обвинительной функции, не нарушается принцип состязательности судопроизводства; в большей степени обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

Назрела необходимость *возвращения в досудебное производство протокольной формы расследования* (по УПК РСФСР – так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов, по которой ежегодно в суд направлялось по 250-300 тысяч таких материалов о преступлениях небольшой тяжести. Основная причина в том, что как по оценке ученых, так и практических сотрудников органов внутренних дел введенное в УПК указанным выше Федеральным законом №23-ФЗ дознание в сокращенной форме (Глава 32.1 УПК РФ) практически по объему выполненных по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий и срокам расследования ничем не отличается от дознания в общей форме, а результативность данного института упала со 105 тыс. уголовных дел, направленных в суд в 2012 г. до 45,6 тыс. в 2022 г.

Сущность предлагаемой автором публикации протокольной формы расследования состоит в том, что: 1) расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2023 Параграф Online // online.zakon.kz[сайт] — режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 свободный (дата обращения: 02.02.2024).

когда дознавателю не требуется проведения всех процессуальных действий; 2) постановление о возбуждении уголовного дела не выносится; 3) предлагается ограничить перечень следственных действий по этой категории уголовных дел допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля – очевидца; 4) производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст.196 УПК РФ; 5) закон должен предусматривать задержание подозреваемого лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ с учетом чего срок расследования предлагается установить в 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору, а последним в суд.

Задача перед научным сообществом и практикующими юристами сегодня состоит в том, что побудить законодателя к разработке такой доктрины развития как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства и общества изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует, с одной стороны, устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов, а, с другой, - догматизм нашего мышления и нежелание в этой связи посмотреть на современное состояние законодательства уголовно – правового комплекса хотя бы в государствах бывшего постсоветского пространства.

Литература:

1. Гаврилов, Б.Я. Роль законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении прав и свобод человека и гражданина / Б.Я. Гаврилов // Государство и право. – 2023. – № 6. – С.191-192.
2. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 9-11.
3. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст.2830.
4. Федеральный закон от 06.06.2007 №90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. №24. Ст. 2833.
5. Гаврилов Б.Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки / Б.Я. Гаврилов // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2, № 2. – С. 28 - 34;
6. Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «1 ЕГС» (491) «Сводный отчет о преступности», 1999 – 2023 гг. // Министерство внутренних дел России: сайт. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2024).

7. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. №9. С. 875.
8. Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4924.
9. Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ «О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 53 (ч. 1). Ст. 5019.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.
11. Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002). // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 10.01.2024).
13. Циркуляр Прокурора СССР № 41/26 от 05 июня 1937 // Советская юстиция – 1937. - №7. С. 55 – 56;
14. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/6318369/> (дата обращения: 10.01.2024).
15. Отчет по форме 2-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры России от 27.02.2017 № 89 «Об утверждении и введении в действие формы федеральной статистики наблюдения № 2-Е».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/ (дата обращения: 10.01.2024).
17. Комментарий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о защите прав потерпевших от преступлений. // URL: электронный ресурс <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/aa32fe08-811c-4b1d-8ee2-8f44b0c8b780> (дата обращения 10.01.2024).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. ст. 2686.

19. Постановление ЕСПЧ от 15.07.1982 «Экле против Федеративной Республики Германия» (жалоба № 8130/78) Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 385 - 394.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Королевства Испании / Ley de Enjuiciamiento Criminal de Espana. Real Deceretode 14 de septiembre de 1882 // La Gaceta. – 1882. 17 de Septiembre
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 19 июля 1999 г., № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 10 января 2024 г. № 242-3 // КонсультантПлюс.Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2024.
22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2023 Параграф Online // online.zakon.kz[сайт] — режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 свободный (дата обращения: 02.02.2024).

Р.Г. Гусейнов

Общие проблемы стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе

Аннотация. В статье рассматривается назначение судебного заседания как первоначальная стадия судебного разбирательства в уголовном процессе. Приводятся теоретические основы данного института. Анализируются недостатки законодательного регулирования. Формулируются примеры проблем рассматриваемого института.

Ключевые слова: судебное заседание, назначение, пробелы регулирования, судебное разбирательство, стадия, этап.

Судебный этап уголовного процесса начинается с поступления уголовного дела в суд, в ходе изучения которого судьей принимается одно из решений, указанных в части 1 статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ (далее - УПК РФ). Обобщенно данная стадия, имеющая корни существующего со времен Древнего Рима «предания суду», предназначена для проведения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Текст Кодекса опубликован в "Российской газете" от 22 декабря 2001 г. № 249, в Собрании законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921, в "Парламентской газете" от 22 декабря 2001 г. № 241-242, от 25 декабря 2001 г. № 243-244, от 26 декабря 2001 г. № 245.

организационно-распорядительных действий, связанных с проверкой процессуально верного «оформления» действий участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования. То есть, она еще не связана с разрешением дела по существу, однако позволяет обнаружить нарушения норм УПК РФ до передачи дела в суд, а при их отсутствии - устанавливает условия для дальнейшего судебного разбирательства, осуществляя подготовку к ней.

Итак, назначение судебного заседания - это один из возможных вариантов принимаемого решения при поступлении уголовного дела в суд. Оформление данного процессуального действия осуществляется в постановлении, содержание которого должно соответствовать части 2 статьи 231 УПК РФ.

Каково место анализируемой стадии в судебном этапе производства по уголовному делу? Цыганенко С.С. указывает, что роль и значение данной стадии обусловлены необходимостью формирования по поступившему в суд для рассмотрения уголовному делу условий осуществления непосредственности, устности, гласности, состязательности и равноправия сторон, недопустимости привлечения к уголовной ответственности невиновного¹.

Опираясь на указанное мнение, можно признать, что она имеет важное значение для дальнейшего судебного разбирательства, осуществляя мероприятия по подготовке к нему и «отсеивая» дела, в которых допущены процессуальные нарушения и которые нуждаются в дополнительных действиях на стадии предварительного расследования.

Однако столь короткую стадию не обошли стороной проблемы, заложенные в нормативном регулировании.

Наиболее общей можно назвать проблему определения роли суда. Совершает ли он действия, явно выходящие за рамки организационно-распорядительных, как было названо в начале настоящей работы? Например, при разрешении вопроса о возможности назначить судебное заседание судья определяет, необходимо ли провести предварительное слушание, основания которого оговорены в части 2 статьи 229 УПК РФ. Среди них есть возвращение уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных статьей 237 УПК РФ. А в указанной статье существует, к примеру, пункт 6 части 1, в котором указана частная ситуация, по которому судья может вернуть уголовное дело прокурору. Это допускается, если фактические обстоятельства требуют переквалификации содеянного лицом, по которому сторона обвинения направляет уголовное дело в суд для применения принудительной меры медицинского характера, на более тяжкое преступление или общественно опасное деяние.

Что иллюстрирует анализ вышеуказанных статей? Судья может при поступлении дела обнаружить неверную, «более мягкую» квалификацию деяния лица, в отношении которого, согласно позиции стороны обвинения, должны быть применены принудительные меры медицинского характера.

¹ Цыганенко С. С. Назначение судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и законодательства // Пространство экономики. 2010. № 1. С.88.

Тогда он назначает предварительное слушание и ставит вопрос о возвращении уголовного дела прокурору. Указанное умозаключение демонстрирует, что при изучении уголовного дела судья может выйти за рамки административно-распорядительных функций и приходиться к умозаключениям, напрямую влияющим на дальнейшее отправление правосудия.

Обозначенная проблема близка к теоретической, однако наталкивает на вопрос о нормативной регламентации круга вопросов, которые суд должен тщательно изучить во время проверки поступивших материалов. Существует мнение, что проверять необходимо все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, и чем тщательнее будет проведена проверка, тем надежнее будут выводы суда о дальнейшей судебной перспективе поступившего дела¹. Хотя стоит отметить, что полноценный анализ не должен приводить к формированию у судьи предвзятого мнения о причастности или не причастности уголовно преследуемого лица к деянию.

Второй общей проблемой можно также назвать бессистемность и казуистичность положений части 1 статьи 228 УПК РФ, в которой обозначены вопросы, выясняемые судьей при принятии дела. Например, если идти строго по нормам статьи, то судья не обязан перед назначением судебного заседания проверять наличие мер по принятию гражданского иска в рамках уголовного дела на стадии предварительного расследования (если таковой иск был подан). Оговоримся, что данный пример - единичная иллюстрация. Подробный анализ действий судьи по рассматриваемым перед назначением заседания вопросам требует отдельного исследования.

Стоит также обратить внимание на такую теоретическую проблему, как соотношение стадии назначения судебного заседания с подготовкой к судебному разбирательству, предварительным слушанием. На примере проблемы определения функций судьи было продемонстрировано, что предварительное слушание и назначение судебного заседания неразрывно связаны при изучении судом материалов поступившего дела, несмотря на то, что предварительное слушание может и не проводиться по результатам анализа уголовного дела². Соотношение указанных форм подготовки к заседанию (или к возвращению дела на стадию предварительного расследования) следует сделать предметом анализа в отдельной научной работе.

Таким образом, в рамках настоящей статьи были освещены наиболее общие проблемы стадии назначения судебного заседания в рамках уголовного процесса, причем затронуты не только теоретические, но и нормативные недостатки и пробелы регулирования и оценки проанализированной категории.

¹ Рябинина Т. К. Предмет проверки материалов поступившего в суд уголовного дела / Т. К. Рябинина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 4(33). - С.122.

² Лагуткина Н.Б. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2018. №10 (166). С.123-124.

Литература:

1. Лагуткина Н.Б. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2018. №10 (166). С.122-125.
2. Рябина Т.К. Предмет проверки материалов поступившего в суд уголовного дела / Т.К. Рябина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15, № 4(33). – С. 120-126.
3. Цыганенко С.С. Назначение судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и законодательства // Пространство экономики. 2010. №1. С.87-95.

В.Д. Дармаева

«Собственная власть» судебного следователя по Уставу уголовного судопроизводства

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы собственной власти и усмотрения судебного следователя по Уставу уголовного судопроизводства, содержание и характер деятельности следователя, осуществляющего свою деятельность в соответствии с этими критериями. Проводится сопоставление принципов деятельности судебного следователя и современного следователя, принимающего решения и действующего на основании внутреннего убеждения и в соответствии с процессуальной самостоятельностью

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства, судебный следователь, собственная власть, усмотрение, внутреннее убеждение, процессуальная самостоятельность

Процесс производства по уголовному делу осуществляется в строгом соответствии с нормами права, при этом лицо, осуществляющее расследование и разрешение дела применяет их, основываясь на собственной оценке полученных данных и доказательств. В связи с чем уголовно-процессуальное законодательство содержало и содержит такие понятия, как внутреннее убеждение, усмотрение, процессуальная самостоятельность лица, осуществляющего производство по делу.

Судебный следователь с момента введения его в уголовный процесс был наделен правом самостоятельно определять ход и направление расследования, свободы оценки доказательств при принятии процессуальных решений. Судебный следователь в дореволюционной России являлся деятелем юстиции и представлял судебную власть. В статье 264 Устава уголовного судопроизводства, принятого в 1864 году было установлено: «Все необходимые по предварительному следствию действия и меры судебный следователь предпринимает

собственной властью». Деятельность следователя рассматривалась как подготовительная часть судебного следствия, необходимая в смешанном процессе, которому присуще пассивное положение сторон по сбору и представлению доказательств в досудебных стадиях.

Самостоятельный статус следователь был определен в более ранних законах. Так, «Учреждение судебных следователей» представляло судебному следователю возможность самому принимать все меры, указанные в законах уголовного судопроизводства, исполнять все действия, необходимые «для приведения обстоятельств дела в полную известность» (ч.1 ст. 19)¹. Порядок производства следствия, регулирование правовых отношений следователя с полицией и судами и иных вопросов его правового положения, регламентировались в приложениях к Императорский указ «Об отделении следственной части от полиции»²: «Учреждение судебных следователей», «Наказ судебным следователям»³ и «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключить в себе преступление или проступок»⁴.

По Уставу уголовного судопроизводства судебный следователь, прокурор, суд и другие субъекты принимают решения, основываясь на собственном *усмотрении*. Предусмотрено усмотрение мирового судьи (ст.ст. 74, 101 и др.); суда (ст.688, 692); судебных палат (ст.234); высшего суда (ст. 246); окружного суда (статья 518); председателя суда (ст.686); ближайшего начальства прокурора (ст.609); императорского величества (ст.945); Председательствующего сената по кассационному департаменту гражданских дел (ст.1046); Сената (ст.1059); высочайшее усмотрение (ст.1060, 1065) и т.д.

В Уставе уголовного судопроизводства также предусмотрено усмотрение судебного следователя при возбуждении дела (ст.297); при проведении следствия лишь в том случае, когда застигнет совершающееся или только что совершившееся преступное деяние (ст.313).

В Уставе уголовного судопроизводства применяется категория *внутреннее убеждение*: мировой судья, судьи, присяжные заседатели решают вопрос о вине или невиновности подсудимого по внутреннему своему убеждению (ст.119, 766, 804). Относительно судебного следователя такие требования на принятие решения не распространяются.

В отделении втором «Существо обязанностей и степень власти судебных следователей» предусмотрена *собственная власть* судебного следователя. Согласно ст. 264 «Судебный следователь предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в которых власть его положительно ограничена законом». В статье 493 упоминается, что жалобы на действия следователя, как предпринятые им собственной властью, так и по требованию прокурора или его товарища

¹ Устав уголовного судопроизводства

² Полное собрание Законов Российской Империи. Издание второе. Т. 52. № 35799. – СПб., 1864.

³ Там же. № 35891.

⁴ Там же. № 35892.

приносятся окружному суду. Также близкими по содержанию требованиями является полное беспристрастие следователя (ст.265); заявление прокурора по совести (ст. 740)

Что такое собственная власть, как соотносится по смыслу и содержанию с процессуальной самостоятельностью современного следователя? Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее - УПК РФ) закрепляет, что следователь уполномочен *самостоятельно* направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения и санкции прокурора (п.3 ч.2 ст.38). Следователь, наряду с судьей, присяжными заседателями, прокурором и дознавателем свободен в оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ), он оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Можно ли сопоставить категории усмотрение и собственной власти судебного следователя с категориями современного уголовного процесса, такими как процессуальная самостоятельность и внутренне убеждение следователя.

При все относительной схожести принципов деятельности следователей в разные исторические эпохи, их назначение связано с задачей защиты интересов общества, государства и граждан от преступлений, восстановления справедливости. Поэтому какими бы полномочиями и в каком объеме не был наделен следователь, главное реализация предназначения, которое заключается в важной социальной функции. И наделение следователя самостоятельностью в решении разнообразных вопросов в ходе проведения расследования – необходимое условие выполнения возлагаемых на него обязанностей. Без свободы выбора следователь не может осуществлять своих уголовно-процессуальных обязанностей².

В основе процессуальной самостоятельности следователя лежит возможность оценки доказательств и принятия решений по своему *внутреннему убеждению*. Закрепление свободы оценки доказательств в системе принципов, позволяет обеспечить необходимые условия и юридические гарантии для достижения конечных целей уголовного процесса, в том числе осуществления эффективного предварительного следствия, защиты прав и интересов участников процесса. В то же время данный принцип не будет полностью реализован без обеспечения самостоятельности следователя. Без гарантий самостоятельности становится возможным принуждение следователя дать оценку доказательств, отличную от той, в правильности которой он убежден, что в конечном итоге отразится на осуществлении правосудия.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2023).

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. – М., 2002. С. 82.

Б.Я. Гаврилов считает, что конституционные права граждан должны обеспечиваться и путем совершенствования института процессуальной самостоятельности и независимости следователя¹. Ограничение самостоятельности значительно снижает творчество, инициативу и активность в работе следователя, отсюда и отношение к результатам расследования.

Таким образом полное сопоставление и анализ содержания категории самостоятельности у дореволюционного следователя и следователя современного, невозможно в первую очередь из-за изменения парадигмы, конструкции досудебного производства. Судебный следователь непосредственно относился к судебной власти, власть прокурора относительно его деятельности была условной. Современный следователь – это исполнитель воли руководителя следственного органа, движение уголовного дела зависит от решений прокурора, а судебный контроль распространяется на многие его решения.

Литература:

1. Гаврилов Б.Я. Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина: Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. – М., 2002.
3. Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, №35891
4. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, №35890
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2023).
6. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // URL.: <https://base.garant.ru/57791498/?ysclid=lpkvuccog9597153665>

Е.А. Денисов

Регламентация процессуальных документов следователя Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регламентации процессуальных документов следователя Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Отмечается, что подход российского законодателя

¹ Гаврилов Б.Я. Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина: Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001. С. 6.

XIX века в части регламентации документирования процессуальной деятельности следователя имеет много общего с подходом, используемым современным законодателем. Вместе с тем, подчеркивается, что законодательное регулирование Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. отдельных вопросов является более совершенным по сравнению с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Ключевые слова: следователь, следственный документ, следственный акт, протокол, постановление.

В 2024 г. исполняется 160 лет со дня принятия первого отечественного самостоятельного кодифицированного источника уголовно-процессуального права – Устава уголовного судопроизводства 1864 г.¹ Указанный нормативный правовой акт имел большое значение для российского законодательства, поскольку в нем впервые были отражены многие понятия, принципы и процедуры уголовного судопроизводства.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. представляет интерес и для современного российского уголовно-процессуального законодательства и науки уголовно-процессуального права. Понимание содержащихся в нем правовых норм, анализ законодательной техники и степени регламентации общественных отношений являются важнейшими элементами успешного и эффективного создания, толкования и применения уголовно-процессуальных норм в настоящее время.

Так, одной из сфер уголовно-процессуальной деятельности, которой Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. уделялось особое внимание, является процессуальная деятельность следователя² по расследованию преступлений. Указанным нормативным правовым актом регулировались вопросы, связанные с порядком проведения отдельных следственных действий, определением подследственности, поводами к началу предварительного следствия и т.д.

Одним из таких вопросов также являлся порядок документирования процессуальной деятельности следователя. В настоящее время действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ)³ также регламентируется порядок составления следователем процессуальных документов, при этом данный правовой институт имеет значительное количество различных правовых пробелов и коллизий.

В связи с этим рассмотрим некоторые особенности регламентации Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. процессуальных документов следователя, а также проведем краткий сравнительно-правовой анализ с действующими положениями уголовно-процессуального законодательства:

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения – 26.03.2024).

² Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., лицом, осуществляющим предварительное следствие, являлся судебный следователь.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, № 249, 22.12.2001.

1. При обозначении составляемых следователем документов Устав уголовного судопроизводства 1864 г. использовал такие понятия как «следственные акты» (ст. 503, 1024, 1025) и «бумаги, относящиеся к следствию» (ст. 481).

Действующий же УПК РФ содержит такие понятия как «следственные документы» (ч. 3 ст. 18 УПК РФ) и «процессуальные документы» (например, ч. 3 ст. 474.2 УПК РФ).

2. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. в главе девятой подробно регламентирует форму и содержание документов, составляемых следователем в связи с производством следственных и иных процессуальных действий.

Так, согласно ст. 467, «о каждом из главных действий следствия составляется отдельный протокол».

В ст. 468-471 содержались конкретные требования, которым должны были соответствовать такие протоколы: кем, когда, где и какие именно произведены следственные действия, сведения об участвующих лицах, поступившие от них замечания, их подписи и др.

Аналогичные требования содержатся и в ст. 166-167 УПК РФ.

Также, к документам следователя Устав уголовного судопроизводства 1864 г. относил постановления, которые составляются «... для объяснения хода следствия или распоряжений следователя». В ст. 473 было регламентировано содержание таких документов: время составления, законные поводы и основания предпринимаемых по следствию действий.

Аналогичные требования содержатся и в статьях УПК РФ, предусматривающих юридические основания производства следственных и иных процессуальных действий (например, ч. 2 ст. 179, ч. 2 ст. 182, ч. 2 ст. 183, ч. 3 ст. 202 УПК РФ).

3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. регламентировал правовой механизм устранения допущенных следователем ошибок в тексте процессуальных документов. Так, согласно ст. 474, «подчистки в протоколе и постановлениях следователя не допускаются, но явственные поправки и дополнения могут быть делаемы с тем, однако, чтобы они были оговорены до подписания протокола или постановления».

При этом, следует отметить, что действующее же уголовно-процессуальное законодательство не содержит аналогичных норм, что является правовым пробелом и несомненно требует законодательного урегулирования.

4. Предусматривал конкретные процессуальные документы следователя: объявления (ст. 306-307); протокол о причинах, побудивших оставить явку с повинной без последствий (ст. 310); протоколы осмотра и освидетельствования (ст. 319); письменная повестка (ст. 377); протокол допроса (ст. 469) и др.

Аналогичного подхода придерживается и современный законодатель (например, ст. 180, ч. 1 ст. 188, ст. 190 УПК РФ).

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, можно сделать вывод о том, что регламентация документирования процессуальной деятельности следователя по расследованию преступлений с точки зрения

Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и действующего уголовно-процессуального законодательства имеет много общего. Вместе с тем, имеются отдельные вопросы, регламентация которых с точки зрения российского законодателя XIX века является более совершенной по сравнению с регламентацией современного законодателя. В связи с этим идеи Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в рассмотренных вопросах заслуживают дальнейшего изучения, осмысления и воплощения в современное уголовно-процессуальное законодательство.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
2. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения – 26.03.2024).

А.С. Домашенко

Особенности соблюдения процессуальных сроков проверки сообщений о преступлениях: история и современность

Аннотация. В статье раскрываются особенности правоприменения положений, регулирующих сроки принятия процессуального решения по результатам проверки сообщения о преступлении; освещены некоторые из проблем, препятствующих своевременному принятию решения по результатам проверки сообщения о преступлении в установленные законом сроки и предложены пути их законодательного решения.

Ключевые слова: разумный срок; проверка сообщения о преступлении; стадия возбуждения уголовного дела; принятие решения, идеальный срок; допустимый срок; реальный срок; продление сроков.

Порой права участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела нарушаются неоднократной отменой решений, принимаемых по результатам проверки сообщения о преступлении, поскольку такие решения приводят к фактическому увеличению срока проведения проверки, исчисляющегося с момента регистрации сообщения о преступлении и до момента принятия последнего решения. То есть, при формальном соблюдении положений УПК РФ о процессуальных сроках проверки сообщения о преступлении, происходит нарушение принципа разумного срока уголовного судопроизводства и назначения уголовного судопроизводства.

Как справедливо отметил И.В. Маслов¹, «...выполнение назначения уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела во многом зависит не только от обоснованности принятого решения по сообщению о преступлении, но и от своевременности его принятия».

Проблемы правоприменения стадии возбуждения уголовного дела являлись предметом исследования различных ученых процессуалистов. Например, Б.Я. Гаврилов² полагал, что наличие в УПК РФ данной стадии влечет за собой ограничение прав граждан на их доступ к правосудию, многочисленные нарушения законности при отказе в возбуждении уголовного дела, а также недостоверности статистики о состоянии преступности, предлагая фактически исключить эту стадию из уголовно-процессуального законодательства.

Аналогичное предложение выдвинуто и В.И. Кушнеревым³, указывающим, в том числе, на неоднократные отмены решений, принимаемых по результатам проверки сообщений о преступлениях, а также использовании возможности продления срока проверок (до 10 и 30 суток) для сокрытия бездействия должностных лиц их проводящих.

Противоположной точки зрения придерживается И.А. Федорова⁴, рассматривая проблемные вопросы обеспечения прав, свобод и законных интересов участников судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела и обосновывая необходимость сохранения указанной стадии, предлагая пути ее реформирования для наиболее эффективного обеспечения прав и законных интересов личности.

С позиции реализации института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела, соблюдение процессуальных сроков исследованы Н.В. Османовой⁵, которая сформулировала предложения, направленные, в частности, на сокращение случаев рассмотрения на протяжении нескольких лет сообщений о преступлениях при их неоднократной незаконной и необоснованной передачи по подследственности.

Действительно, само существование факта непринятия в течении столь длительного времени «окончательного» решения по результатам проверки сообщения о преступлении уже само по себе говорит о назревшей проблеме

¹ Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве. Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С 72.

² Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнения практиков и ученых. //Вестник Московского университета МВД России. 2016 № 4. С.33-40.

³ Кушнрев В.И. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела//Труды Академии управления МВД России. 2016 № 3 (39). С.19-22.

⁴ Федорова И.А. Обеспечение прав личности на первоначальном этапе досудебного производства//ВЕСТНИК УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ. 2017 № 4. С.48-50.

⁵ Османова Н.В. К вопросу об оценке статистический сведений о передаче по подследственности сообщений о преступлениях//Вестник Московского университета МВД России. 2012 № 8. С.112-117.

несоблюдения процессуальных сроков, предусмотренных УПК РФ для данной стадии уголовного судопроизводства.

Для анализа сложившейся проблемы и поиска путей ее решения необходимо выяснить в какой момент она возникла, ведь «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Для реализации, поставленных перед автором задач, уместно кратко рассмотреть историю становления и развития процессуальных сроков стадии возбуждения уголовного дела.

Так, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) законодательное закрепление стадии возбуждения уголовного дела отсутствовало, проведение проверки не требовалось и уголовное преследование начиналось сразу.

При этом анализ указанного нормативного источника свидетельствует о том, что, в некоторых случаях, дознание служило фактическим способом проверки сообщения о преступлении (ст. 253) и имело регламентацию порядка проведения такой «проверки» (ст. 254). При этом законодатель не предусматривал сроков принятия решений по результатам дознания.

Дальнейшая трансформация законодательства привела к появлению УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., но и эти нормативные источники не получили закрепления стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель также предусмотрел фактическую возможность проверки сообщений о преступлениях, возлагая эти функции на органы дознания и ограничивая указанную процедуру месячным сроком.

Правовое закрепление стадии возбуждения уголовного дела с возможностью проведения проверки сообщения о преступлении произошло в УПК РСФСР 1960 года. Срок рассмотрения сообщений о преступлении составлял не более трех, а в исключительных случаях не более десяти суток.

Первоначально УПК РФ 2002 года предусматривал такие же сроки проверки сообщения о преступлении, однако уже в 2003 году законодатель предусмотрел возможность продления указанного срока до 30 суток. В таком виде правовая регламентация процессуальных сроков для принятия решения по результатам проверки сохранилась и в действующем уголовно-процессуальном законе.

Указанное нововведение представляется разумным и обоснованным, поскольку служит своего рода фильтром, позволяющим в короткие сроки, не подвергая существенному ущемлению прав лиц, чьи интересы затрагиваются такой проверкой, объективно установить необходимость в уголовном преследовании, сохраняя при этом правоохранный ресурс, поскольку проведение проверки сообщения о преступлении имеет меньшую регламентацию и упрощенную форму в сравнении со стадией предварительного расследования.

Для анализа проблем правоприменения положений УПК РФ, регулирующих сроки принятия решения по результатам проверки сообщения о преступлении, условно обозначим три вида соблюдения процессуальных сроков – идеальное (принятие решения в установленный 3-х суточный срок), допустимое

(применение положений ч. 3 ст. 144 УПК РФ, принятие решения в 10-и или 30-и суточный срок) и реальное, о котором мы поговорим далее.

На практике встречаются и другие случаи: когда принятие законного и обоснованного решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ, невозможно в установленные ст. 144 УПК РФ сроки.

К несоблюдению ни идеального, ни допустимого вида соблюдения процессуальных сроков приводят различные факторы, одним из которых уместно указать фактически сложившуюся практику реализации прокурором положений ч. 6 ст. 148 УПК РФ, поскольку показатель принятия решений о возбуждении уголовного дела после отмены прокурором решения об отказе в возбуждении уголовного дела находится на крайне низком уровне, что свидетельствует об обоснованности выводов органа предварительного расследования об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела и низкой практической значимости существующего порядка отмены «незаконного или необоснованного» процессуального решения.

При этом, уголовно-процессуальный закон не содержит дефиниции термина «незаконное или необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела», что приводит к некоторому произволу со стороны надзорного ведомства, что объясняется «гонкой» за статистическими показателями эффективности работы и принимаемых прокурором мер реагирования.

Решение выделенной проблемы видится в регулировании полномочий прокурора, изложенных в ч. 6 ст. 148 УПК РФ, изложенных в редакции, действовавшей до 15.01.2011, то есть когда прокурор, в случае признания постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, мог лишь выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Следующей немаловажной проблемой является вопрос принятия необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а чаще – передаче сообщения о преступлении по подследственности, что неизбежно ведет к нарушению процессуальных сроков проверок.

Анализ причин принятия таких решений необходимо проводить с правоприменительной точки зрения.

Отметим, что при проверке сообщения о преступлении следователь, наряду с другими полномочиями, вправе назначать проведение судебных экспертиз и получать их заключение в разумный срок. Вот тут и возникает некая беспомощность следователя, действия которого регулируются положениями ст. 144 УПК РФ, а на экспертов, проводящих экспертизу, положения указанной нормы не распространяются, а её сроки, с учетом различных факторов и обстоятельств, могут значительно превышать 30 суток. Должностное лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении не имеет никаких правовых механизмов повлиять на срок проведения экспертизы. Это

обстоятельство лишает следователя результатов проверочного мероприятия в установленные процессуальные сроки. Эта проблема достаточно подробно освещена Н.А. Подольным¹, исследующим проблему определения разумности срока получения заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела, но до настоящего времени законодательно она не урегулирована.

Аналогичные сложности возникают и при предоставлении органом дознания результатов оперативно-розыскных мероприятий. Срок для исполнения такого рода поручения не имеет закрепления и должной регламентации в уголовно-процессуальном законе. Складывающаяся практика исполнения поручений в 10 суточный срок имеет лишь аналогию с положениями ч. 1 ст. 152 УПК РФ, которая для исполнения поручения устанавливает срок не позднее 10 суток.

Решением указанных проблем, на наш взгляд, является закрепление в уголовно-процессуальном законе срока предоставления заключений экспертов (например, не позднее 10 суток с момента поступления материалов в экспертное учреждение) и результатов оперативно-розыскных мероприятий (не позднее 10 суток с момента получения поручения органом дознания) или согласование указанных сроков с органом предварительного следствия.

Следующим проблемным вопросом является проведение в ходе процессуальной проверки некоторых проверочных мероприятий.

Так, порядок вызова на допрос определен ст. 188 УПК РФ, но порядок вызова для принятия объяснений не урегулирован вовсе. Указанный пробел в некоторых случаях, например, нежелание граждан давать объяснение, влечет необоснованное затягивание проверки сообщения о преступлении.

Нельзя недооценивать значение указанного проверочного действия, имеющего важную роль при принятии процессуальных решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ поэтому указанный вопрос также требует вмешательства со стороны законодателя.

Возможным выходом из сложившейся ситуации может послужить добавление в УПК РФ положения, регулирующего порядок принятия объяснения и наделение органа предварительного расследования полномочиями по использованию положений ст. ст. 188 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела.

Подводя итог, хочется отметить, что отсутствие законодательного регулирования названных проблем «загоняет в угол» правоприменителей и вынуждает принимать решения по результатам проверки сообщений о преступлении без достаточных на то оснований, то есть заведомо необоснованные, существование которых неминуемо приводит к нарушению предусмотренных процессуальных сроков проверки.

У правоприменителей существует мнение о том, что в случае сомнений в наличии сомнений и невозможности принять законное и обоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо возбуждать уголовное дело и давать уголовно-правовую оценку исследуемым событиям в рамках

¹ Подольный Н.А. Разумный срок получения заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела //Правовое государство: теория и практика. 2021 № 4. С.210-218.

возбужденного уголовного дела, даже в случае очевидности его последующего прекращения.

Такой подход имеет свое право на существование, однако такой выход из ситуации создает угрозу парализовать следственный орган, поскольку «правила» предварительного расследования существенно сложнее «правил» проверки сообщения о преступлении. Кроме того, указанное решение влечет нарушение прав участников уголовного судопроизводства, выражающимся в недопустимости необоснованного уголовного преследования.

С другой стороны, необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, как и передачи сообщения о преступлении по подследственности, также нарушает права участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию и также нарушает предусмотренные процессуальные сроки проверки.

На основании изложенного мы приходим к выводу о важности принять законное и обоснованное решение по результатам проверки сообщения о преступлении, для чего требуется совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства.

Так, наряду с предложенными вариантами решения озвученных проблем, в целях повышения эффективности стадии возбуждения уголовного дела предлагается следующее:

1) предусмотреть в исключительных случаях, когда к моменту истечения 30 суточного срока проверки сообщения о преступлении результаты некоторых проверочных мероприятий (проведение судебной экспертизы или оперативно-розыскных мероприятий) не получены, порядок продления срока проверки сообщения о преступлении свыше 30 суток правами вышестоящего руководителя следственного органа;

2) определить порядок возврата сообщения о преступлении по подследственности в орган, где оно зарегистрировано впервые через вышестоящего руководителя следственного органа.

Литература:

1. Гаврилов Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнения практиков и ученых. //Вестник Московского университета МВД России. 2016 № 4. С.33-40.
2. Кушнарев В.И. Проблемы правового регулирования уголовно-процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела//Труды Академии управления МВД России. 2016 № 3 (39). С.19-22.
3. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве. Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
4. Османова Н.В. К вопросу об оценке статистический сведений о передаче по подследственности сообщений о преступлениях//Вестник Московского университета МВД России. 2012 № 8. С.112-117

5. Подольный Н.А. Разумный срок получения заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела //Правовое государство: теория и практика. 2021 № 4. С.210-218
6. Федорова И.А. Обеспечение прав личности на первоначальном этапе досудебного производства//Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017 № 4. С.48-50.

Е.А. Зайцева

О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: от Устава уголовного судопроизводства к современной регламентации

Аннотация. В статье анализируется регламентация оснований к возобновлению производства по уголовному делу в главе 5 Устава уголовного судопроизводства и главе 49 УПК РФ. Критикуется подход современного российского законодателя к систематизации вновь открывшихся и новых обстоятельств. Выявлено избыточное нормативное регулирование вопросов о сроках возобновления производства в УПК РФ.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства, возобновление производства по уголовному делу, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, сроки возобновления производства по уголовному делу.

По мнению ряда исследователей, именно благодаря разработчикам УУС в отечественном уголовном судопроизводстве появился такой исключительный способ пересмотра судебных решений как возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, который в преобразованном в ходе Великой Судебной реформы уголовном процессе выступал единственным способом пересмотра вступивших в силу судебных решений¹. Эта деятельность занимает особое место в системе экстраординарных судебно-проверочных производств в силу его специфики, позволяющей суду опять обратиться к проблемам проверки фактической основы дела, что выгодно отличает этот способ устранения судебных ошибок от кассационного производства и производства в надзорной инстанции, предмет которых ограничен исключительно формальными нарушениями материального и процессуального законов. Указанное производство выступает резервным механизмом для исправления вышестоящими судами ошибок фактического характера, допущенных при производстве по уголовному делу, – естественно, с учетом специфики оснований к возобновлению уголовно-процессуальной

¹ См.: Зумакулов А.Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2005; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. [Электронный ресурс]. М.: Статут, 2016. Доступ их СПС «КонсультантПлюс».

деятельности, в которые должны «вписаться» конкретные обстоятельства по уголовному делу.

Безусловно, такую миссию анализируемое производство будет выполнять только в том случае, когда уровень нормативной регламентации обеспечивает законченное, цельное, непротиворечивое и беспробельное регулирование соответствующих правоотношений.

Обращение к главе 5 УУС в части закрепления правил и оснований возобновления уголовных дел показывает лишь частичное восприятие положений Устава современным уголовно-процессуальным законодательством. Так, ст. 935 УУС жестко лимитировала основания к возобновлению уголовных дел:

«1) осуждение различными приговорами нескольких лиц за одно и то же и притом такое преступление, совершение коего одним из осужденных доказывает невозможность совершения его другим;

2) осуждение кого-либо за убийство человека, оказавшегося после живым, или за иное преступление, которое не совершилось, и вообще открытие доказательств невинности осужденного или понесение им наказания по судебной ошибке, свыше меры содеянного;

3) открытие подложности документов или лживости показаний, на которых основан приговор;

4) доказанные по суду корыстные или иные личные виды судей по тому делу, о возобновлении коего поступили просьбы или сделано представление».

Как видно, только п.п. 3 и 4 по своему нормативному выражению наиболее близки к таким основаниям, которые современный УПК РФ трактует как вновь открывшиеся обстоятельства. В контексте действующей концепции данного вида судебно-проверочных производств пункты 1 и 2 могут быть отнесены к так называемым «иным новым обстоятельствам» (при этом содержащим явно позитивные для осужденного лица обстоятельства, не влекущие ухудшение его положения, что снимает остроту вопроса о сроках возобновления уголовного дела по данным обстоятельствам).

Анализ же собственно содержания нормативных установлений, сосредоточенных в Главе 49 УПК РФ, дает основание для вывода о низком качестве законодательной техники этих положений.

Прежде всего обращает на себя внимание попытка российского законодателя пойти по пути «инноваций» - нетрадиционным обозначением Главы 49 «Возобновление производства по уголовному делу *ввиду новых* или вновь открывшихся обстоятельств». Подход разработчиков УПК РФ к наименованию главы отразил вводимую в текст закона новую систему оснований к возобновлению уголовно-процессуального производства, которая включила в себя наряду с традиционными вновь открывшимися обстоятельствами и так называемые «новые» обстоятельства. «Новизной» отличался и способ подачи нормативного материала, что выразилось в попытке законодателя дать легальные определения выделяемым группам оснований.

Как же в УПК РФ определяются данные группы оснований? В п.1 ч. 2 ст. 413 вновь открывшимися именуется обстоятельства, указанные в ч. 3 данной

статьи, существовавшие на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, *но не известные суду, постановившему это решение*. Обращение непосредственно к содержанию ч. 3 показывает, что под признаки данного определения никоим образом не подпадает третья группа вновь открывшихся обстоятельств, обозначаемая в тексте закона как «установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела». Безусловно, суд, совершивший преступление против правосудия, не мог не осознавать преступный характер своих действий, что дает основание утверждать о некорректности легальной дефиниции, закрепленной в п. 1 ч. 2 ст. 413 УПК РФ.

Не лучше обстоит дело и с определением, содержащимся в п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ, раскрывающим сущность новых обстоятельств, которые в видении законодателя представлены были до недавнего времени тремя группами обстоятельств: первые две группы были связаны с принятием решений Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) и Европейским Судом по правам человека решений (далее – ЕСПЧ¹), которые изначально ассоциировались в тексте УПК РФ с обстоятельствами, не известными суду на момент вынесения судебного решения, *исключающими преступность и наказуемость деяния*, а третья группа, генерированная благодаря знаменитому постановлению КС РФ по делу Гадаева², подразумевает обстоятельства, «подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления» (п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ).

Что касается исключения преступности и наказуемости деяния благодаря решениям КС РФ, то за весь период действия УК РФ можно указать соответствующие этому признаку только постановления от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.06.2014 № 18-П, от 16.07.2015 № 22-П – т. е. 4 из 13 вынесенных КС РФ постановлений, посвященных проблематике уголовного закона. Деятельность ЕСПЧ и влияние его решений на признание деяний неправомерными в контексте темы настоящей статьи полагаем обсуждать некорректным ввиду исключения упоминания ЕСПЧ в нормах главы 49 УПК РФ³, а также ввиду политизированности значительного ряда правовых позиций этого Суда.

¹ Как известно, в связи с началом СВО, с исключением России 16 марта 2022 года из Совета Европы, выходом нашего государства из-под юрисдикции ЕСПЧ и денонсацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, содержание ст. 413 УПК РФ претерпело существенные изменения (см. Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ).

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

³ Тем не менее, решения ЕСПЧ, вступившие в силу до 15 марта 2022 года включительно, сохраняют свою актуальность в качестве источника сведений о новых обстоятельствах.

Таким образом, анализ положений ч. 2 ст. 413 УПК РФ показывает, что попытки современного российского законодателя систематизировать нормативный материал при группировке оснований для возобновления производства по уголовному делу оказались не совсем успешными.

Следующим аспектом в нашем сравнительном историческом анализе является нормативная регламентация сроков возобновления производства по уголовному делу с учетом установления запрета поворота к худшему¹ по истечении одного года со дня установления соответствующих обстоятельств и в пределах давности привлечения к уголовной ответственности. Опорным моментом в этой регламентации выступает день открытия новых или вновь открывшихся обстоятельств, что, в принципе, не вызывает нареканий с точки зрения логики выстраивания нормативного материала.

Однако совершенно *алогичным* представляется включение в ч. 4 ст. 414 УПК РФ в таком контексте положения о «вступлении в силу решения Конституционного Суда Российской Федерации о несоответствии закона, примененного в данном уголовном деле, Конституции Российской Федерации» (п. 2). Толкование нормоустановлений о постановлениях КС РФ, открывающих новые обстоятельства, в системном единстве с положениями п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ, определяющими их сущность как «исключающих преступность и наказуемость деяния», однозначно указывает на то, что проблема пресекательных сроков на решения КС РФ не распространяется, т.к. эти решения априори влекут улучшение, а не ухудшение положения лица, в отношении которого возможно возобновление производства по уголовному делу. Следовательно, упоминание в ч. 4 ст. 414 УПК РФ постановлений КС РФ некорректно.

Подводя итог предпринятому анализу, следует констатировать наличие дефектов законодательной техники при построении положений главы 49 УПК РФ, что диктует необходимость переосмысления этих законоустановлений и придания им надлежащего качества.

Литература:

1. Зумакулов А.Д. Институт возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств как гарантия прав и свобод личности: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2005.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. [Электронный ресурс]. М.: Статут, 2016. Доступ их СПС «КонсультантПлюс».
3. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом

¹ УУС в ст. ст. 21 и 22 устанавливал запрет поворота к худшему после вступления приговора в законную силу - за исключением случаев, когда «судом будет признано, что прежде состоявшийся приговор был последствием подлога, подкупа или иного преступления» (ст. 23 УУС).

А.А. Ильюхов

Исторические типы моделей суда присяжных заседателей

Аннотация. В статье изложены особенности исторических типов моделей суда с участием представителей народа от Древней Греции до настоящего времени, выделены их преимущества и недостатки.

Ключевые слова: присяжный заседатель; шеффен; правовая семья.

Суд присяжных заседателей в зарубежных странах берет свое начало с афинской гелии и римского суда постоянных комиссий, созданных в V в. до нашей эры. Гелия (от греч. *Helios* – солнце) пошла от народных собраний Греции, неся в себе политические и судебные функции и выступала первой формой участия народа в отправлении справедливого правосудия. Как писал И.Я. Фойницкий, в суде в отправлении правосудия имели право участвовать любые свободные граждане¹.

В Древнем Риме суд с участием присяжных заседателей представлял квестии – постоянные комиссии, рассматривающие гражданские и уголовные дела в которые входили свободные граждане Рима. Как пишет М.А. Чельцов-Бебутов такие «народные судьи» были наделены компетенцией для решения вопросов, как о виновности, так и наказания².

Первое упоминание о таких судах отмечено в Кларендонской ассизе (суд ассизов), законодательном акте средневековой Англии, принятом в 1166 году королем Генрихом II Плантагенетом, и как отмечает Н.Г. Стойко уже тогда стал формироваться состязательный тип процесса, в котором присутствовала активность сторон процесса при пассивной роли суда по предоставлению в суде доказательств³. Причем уже тогда разграничивалась компетенция между профессиональным судьей и присяжными заседателями относительно порядка исследования в суде доказательств, тем самым сформировав базовые основы англосаксонской модели суда присяжных заседателей, сохраняющие свою силу до сих пор. В базовые основы входили и продолжают входить и такие положения, как:

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С.119.

² Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа, Равена, 1995. С.107.

³ Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: дисс. на соиск. степени докт. юрид. наук. СПГУ, 2009. С. 42.

возрастной ценз и ценз оседлости, ограничения по категориям граждан (отсутствие судимости, служба в полиции или в вооруженных силах, родство с любым участником судебного процесса);

формирование списка кандидатов в присяжные заседатели методом случайной выборки из списка избирателей соответствующего округа;

напутственное слово председательствующего присяжным заседателям перед вынесением ими вердикта;

немотивированность вердикта¹.

Другой правовой конструкцией участия представителей общественности в отправлении правосудия выступил суд шеффенов («Schoffe» – буквально «судебный заседатель»), берущей свое начало с конца VIII века. Судья в процедуре судебного разбирательства не участвовал, а наблюдал за ходом рассмотрения дела и организовывал судебное заседание, а шеффены контролировали соблюдение сторонами формальных правил и фиксировали результат их ордалий или поединков, отправляя таким образом правосудие.

Позже, в начале XIX века, суд шеффенов в Германии начал приобретать, как писал И.Я. Фойницкий, такие характерные черты, как нераздельность судебных заседателей с коронными судьями в ходе отправления правосудия, при вынесении приговора и при назначении наказания, а вердикт шеффенов был мотивированным². В настоящее время германский суд шеффенов рассматривает уголовные дела о тяжких преступлениях, в составе 3-х судей и 2-х шеффенов³.

Характерные черты имеет французский суд присяжных заседателей, что состоит в разделении компетенций между судьями факта и права; отборе кандидатов путем случайной выборкой; приведением присяжных заседателей председательствующим судьей к присяге, тайном голосовании присяжных заседателей⁴. Указанные особенности свидетельствуют о присутствии черт англосаксонской правовой системы, однако также наличествуют и элементы континентальной системы права, что проявляется в разрешении вопроса виновности подсудимого при наличии квалифицированного большинства голосов; ведение присяжными заседателями письменных заметок в судебном заседании; пересмотр вердикта в рамках апелляционного производства иной коллегией присяжных заседателей; возможность отмены (изменения) приговора, вынесенного на вердикте при нарушении норм материального и/или

¹ Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1997 С.112; Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // LexRussica. 2013. Т. ХСV. № 4. С. 379–390.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С.119.

³ Леонкина А.А. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2017. Т. 5, № 2 (18) – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online).

⁴ Яровая М.В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 62.

процессуального права, либо дело направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции (ст. 572 УПК Франции)¹.

К концу XIX началу XX века по причине унификации англосаксонской и континентальной правовых систем суд с участием присяжных заседателей гибридизируется, с учетом политических, социально-экономических условий, национальных традиций и интересов к процессуальной системе отдельно взятой страны². Ключевой отличительной чертой гибридизации выступает подход к разрешению присяжными заседателями и судьей вопросов факта и права. В частности, в одних правовых моделях доказательства исследуются присяжными заседателями, а вердикт выносится совместно с председательствующим судьей, а в других доказательства присяжными заседателями и председательствующим исследуются совместно.

В целом смешение архетипов английской, германской, французской моделей суда присяжных заседателей, привело к тому, что в таких странах, как Франция, Италия, Германия, Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Испания, Португалия, Швейцария, Швеция, Финляндия в полной мере или частично присяжными и председательствующим судьей разрешаются вопросы факта и права. Тогда как в Великобритании, Бразилии, Канаде и Испании, а также в отдельных штатах США суд присяжных заседателей заимствует черты англосаксонской модели права, с ее четким разделением компетенций между присяжными заседателями и председательствующим судьей.

Таким образом, в разных странах сформировались архетипы моделей суда присяжных заседателей, в которых присутствуют такие характерные отличительные черты, как:

численный состав коллегии присяжных заседателей, где в одних моделях зарубежных стран он составляет 12 человек, а в других численный состав иной;

в одних моделях позиция обвиняемого учитывается при разрешении вопроса о рассмотрении уголовного дела присяжными заседателями, а в других нет;

вопросы права и факта в одних правовых моделях разрешаются присяжными заседателями совместно с председательствующим, а в других отдельно.

К примеру, научный интерес вызывает итальянская модель присяжных заседателей, в которой в качестве характерной черты выступает численный состав коллегии присяжных заседателей, состоящий из шести присяжных заседателей и двух профессиональных судей, образуя этим единую коллегию, которая выносит приговоры в ходе их совместного совещания. Приговоры пересматриваются апелляционными судами присяжных заседателей³, что схоже

¹ Камнев А.С. Формы и основания пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей во Франции // Вестник Томского государственного университета. 2015. №3. С.125.

² Радутная Н.В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах // Советская юстиция. 1993. №3. С.4; Гавло В.К. Суд присяжных в странах Содружества Независимых Государств / В.К. Гавло, Н.А. Дудко. - Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/jurs/TheNewsOfASU-2011-2-1-jurs-02.pdf>.

³ Корнеева И.В., Ковтун Н.Н. Суд присяжных как социальное и правовое явление современной России. Н.Новгород. 2001. С.122.

с российским правовым механизмом обжалования, за исключением отсутствия в российских судебных апелляционных округах присяжных заседателей.

Несмотря на схожесть моделей западноевропейских судов присяжных заседателей, отличие у них присутствует и оно состоит в количественном составе коллегии присяжных заседателей и разделении вопросов права и факта. К примеру, состав суда присяжных заседателей в Дании – три профессиональных судьи и двенадцать присяжных заседателей; в Финляндии – один профессиональный судья и трое присяжных заседателей¹. В Нидерландах и Швейцарии численный состав присяжных заседателей определяется тяжестью преступления. Если совершено тяжкое преступление – трое присяжных заседателей и один профессиональный судья, а особо тяжкое преступление – один судья и пять присяжных заседателей. При этом председательствующий судья находится в совещательной комнате при разрешении присяжными заседателями, поставленных перед ними вопросов и вынесении вердикта. Совместно с ними он также определяет вид и размер наказания².

Сравнивая российскую модель суда с участием присяжных заседателей с зарубежными моделями, можно констатировать, что она вобрала в себя черты, как континентальной, так и англосаксонской правовых систем, образуя смешанную модель со своими характерными чертами. Черты англосаксонской правовой системы проявляются:

в равных возможностях стороны защиты и обвинения в судебном заседании с участием присяжных заседателей;

разграничении полномочий председательствующего и присяжных заседателей в разрешении вопросов факта и права;

в суде допросу подлежат свидетели стороны обвинения, а затем стороны защиты.

Черты континентальной правовой системы проявляются возможности исследовать присяжными заседателями в определенных случаях личность подсудимого, отмены обвинительного вердикта, если тот не правосуден.

Присутствие же в российской модели суда присяжных заседателей черт англосаксонской и континентальной систем права позволило сформировать свои характерные черты смешанной модели, заключающиеся в том, что:

во-первых, обвиняемый вправе выбрать традиционное производство или производство в суде присяжных заседателей, в то время как в английской правовой системе право выбора у подсудимого связано с признанием им своей вины (заключившее сделку с органом уголовного преследования лицо предстает перед судьей, назначающим наказание после непродолжительного слушания, а отрицающий вину переносит спор в заседание с присяжными). Похожий механизм присутствует также и в России в виде упрощенной формы

¹ Калиновский Г.А. Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних городов Юга России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д, 2001. С. 18.

² Заславская Т.И., Шабанов М.А. Социальные механизмы трансформации не правовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 24.

судебного разбирательства, но в ней суд присяжных заседателей в качестве обязательной формы отправления правосудия не предусмотрен;

во-вторых, российский присяжный заседатель единолично исследует вопросы факта, устанавливая вину подсудимого с позиции здравого смысла и совести, но не разрешает вопросы, связанные с назначением наказания, тогда как в ряде зарубежных моделей присяжные заседатели разрешают вопрос, связанный с назначением наказания, совместно с председательствующим;

в-третьих, расширение с 1 июня 2018 года подсудности суда присяжных на районные (городские) и приравненные к ним суды привело к отходу от количества в 12 присяжных заседателей, численно уменьшив состав коллегии присяжных заседателей 8 в областных и приравненных к ним судах и 6 в районных (городских) и приравненных к ним судах.

Заимствование зарубежных моделей суда присяжных заседателей с чертами англосаксонской и континентальной правовых систем, а также использование российского дореволюционного опыта свидетельствует о постоянном совершенствовании данной формы отправления правосудия.

Литература:

1. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1997 С.112.
2. Гавло В.К. Суд присяжных в странах Содружества Независимых Государств / В.К. Гавло, Н.А. Дудко. - Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/jurs/TheNewsOfASU-2011-2-1-jurs-02.pdf>.
3. Заславская Т.И., Шабанов М.А. Социальные механизмы трансформации не правовых практик // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 24.
4. Калиновский Г.А. Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних городов Юга России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д, 2001. С. 18.
5. Камнев А.С. Формы и основания пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей во Франции // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. №3. С.125.
6. Корнеева И.В., Ковтун Н.Н. Суд присяжных как социальное и правовое явление современной России. Н.Новгород. 2001. С.122.
7. Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. М., 1995. С. 9–10.
8. Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // *LexRussica*. 2013. Т. ХСV. № 4. С. 379–390.
9. Радутная Н.В. Суд присяжных в зарубежных правовых системах // *Советская юстиция*. 1993. №3. С.4.
10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и

романо-германской правовых систем: дисс. на соиск. степени докт. юрид. наук. СПбУ, 2009. С. 42.

11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С.119.
12. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Альфа, Равена, 1995. С.107.
13. Яровая М.В. Особенности англо-американской и континентальной моделей суда присяжных и проблемы его реставрации в России // Российская юстиция. 2006. № 1. С. 62.

Н.А. Колоколов

Суд с участием присяжных заседателей в призме суждений Николая Андреевича Буцковского и его современников

Аннотация. Автор анализирует феномен суда с участием присяжных заседателей через призму его исторических и социальных функций, большое внимание уделяет историографии данного вопроса и роли зарубежных и русских ученых в развитии его теоретической базы.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей; Н.А. Буцковский; судебная реформа 1864 г.; Устав уголовного судопроизводства

Роль истории в нашей повседневной жизни переоценить крайне трудно. Не случайно, ученый—натуралист, фантаст И.А. Ефремов (1908-1972 гг.) в своих романах: утопии «Туманность Андромеды» (1957 г.) и антиутопии «Час Быка» (1968 г.), рефреном в стиле рондо упоминал: человечество все возможные ошибки уже совершило, главное сейчас для него – научиться их не повторять. Очевидно, что для этого современникам нужно внимательно изучать всеобщую и свою историю, естественно, что история государства и права в целом, история уголовного судопроизводства исключением из этого правила не является.

Заслуживает ободрения подход к изучению истории уголовного процесса, избранный руководством Московской академии Следственного комитета России им. А.Я. Сухарева (далее – Академия).

15 апреля 2021 года в Академии состоялись I-е «Стояновские чтения» по теме «Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее» (К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского (1821-1900 гг.) и к 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации)¹, - тогда изучался «уголовный процесс письменный»², суть которого, между

¹ См.: I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 211 с.

² Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству, составленное Николаем Стояновским. СПб, 1852. – 312 с.

прочим, надлежащей оценки до настоящего времени пока получила¹. Скажем больше, письменный уголовный процесс (правда, пока только некоторые его элементы) переживает «второе рождение». Причина – неискоренимые в принципе недостатки процесса устного.

16 ноября 2023 года в Академии прошла научно-практическая конференция по теме «Устав уголовного судопроизводства 1864 года и его влияние на совершенный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского (1811-1873 гг.)), в рамках которой анализировался уже «уголовный процесс устный».

О значимости Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Значимость Устава уголовного судопроизводства 1864 года (Далее - УУС) для современного российского уголовного процесса переоценить практически невозможно². В тоже время, попробуем осознать парадокс: документу (напрочь отвергнутому в 1917 году) - 160 лет! Казалось бы, все в нем (да и вокруг него) «изучено и переизучено», «проанализировано и раскритиковано». Тем не менее, современная российская юридическая наука, а в вместе с ней «послушный» законодатель, пренебрегая предупреждением Древних греков (Гераклит, около 544 до н.э. – около 483 до н.э), вот уже три десятилетия подряд с маниакальной настойчивостью (заслуживающей, безусловно, лучшего применения) пытаются «войти в одну и ту же реку» стремительной реки под названием «История».

В частности, современные российские ученые, выхватив из контекста прошлого институт «судебных следователей» (следственных судей) увлеклись его восстановлением. Точнее, его реанимацией. В частности, при проведении «Стояновских чтений» данный вопрос поднял доц. Ю.А. Цветков³. Об этом очень много говорили проведенной в Академии участники конференции, посвященной регламенту «власти следственной»⁴.

Позволим себе выразить уверенность: занятие это, ориентированное на реанимацию технологий начала XIX века (эпоха революции индустриальной) изначально обречено на провал, ибо смена большинства базисных составляющих нашего бытия (сейчас эпоха революции информационной) неизбежно влечет перемены в надстройке: в постиндустриальном в обществе

¹ См. об этом: Складенко М.В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья №1. Эволюция института срока на обжалование в «досоветской» России (конец XVIII – 1917 год) // Уголовное судопроизводство. 2023. №2. С. 13-18.

² См. об этом: Колоколов Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 1-2.

³ Цветков Ю.А. Возможно ли воссоздать институт судебных следователей в Российской Федерации // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – С. 25—29.

⁴ См. подробнее: Аппарат власти следственной / Под. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. – 384 с.

второго модерна¹ старому в современности просто нет места. Смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых система уголовного судопроизводства. Не будем забывать все тех же Древних греков, ибо Гераклит прав: «все течет все изменяется».

История государства, права и правосудия в СССР. Мы же вернемся к истории права. Рассуждения продолжим с обсуждения вопроса: нужна ли будущим практикам, основной массе которых предстоит трудиться «на земле», эта специфическая учебная дисциплина? Если да, то в каком объеме ее следует изучать?

Автору этих строк на рубеже седьмого и восьмого десятилетий прошлого века в Кишиневском государственном университете им. В.И. Ленина (КГУ) на первом курсе довелось изучать «Историю государства и права СССР» и «Историю государства и права Молдавской ССР», которые по сути своей являлись не более чем дополнением к сталинской «Истории ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.)².

В соответствии с требованиями ст. 6 Конституции СССР 1977 года первые темы, включенные в названные курсы, были практически идентичны темам, изучаемым в рамках других общественных наук: «Общей теории государства и права», «Государственного права», «Истории государства и права зарубежных стран», «Государственного права зарубежных стран» (отдельно – капиталистических, отдельно – социалистических), «Марксистско-ленинской философии права», «Политической экономии» и, естественно двухлетнего курса «Истории КПСС». Знания, полученные в процессе изучения этих и некоторых других смежных дисциплин на первом втором курсах, были закреплены на пятом курсе в процессе освоения «Проблем теории государств и права» и «Научного коммунизма». Совершенно очевидно, что системное доведение перечисленных курсов до неокрепших умов комсомольцев и членов КССС (партийно-неориентированных студентов среди нас не было) преследовало одну цель: раз и навсегда «промыть мозги», доказать, что существует только одно единственно верное учение Карла Маркса (1818-1883 гг.) и Владимира Ильича Ленина (1870-1924 гг.), все остальные изыскания – лженаука.

Наши Учителя. Автору этих строк несказанно повезло в том, что «Историю государства и права СССР» и «Историю государства и права Молдавской ССР» нам (студентам юридического факультета КГУ) преподавал крупный ученый – директор Института истории Академии наук Молдавской ССР – доктор исторических наук, проф. П.В. Советов (1927-1991 гг.), которого я почитаю за

¹ Колоколов Н.А. Организация судебной деятельности в эпоху второго модерна // Правотворчество в XXI веке: Эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): Сборник научных статей. М: ИЗИСП, Норма, ИНФРА-М, 2022. – 344 с. С. 282-290.

² Текст впервые опубликован в газете «Правда» в десяти (с 9 по 19) номерах в сентябре 1938 года. Позже «Краткий курс» переиздавался с 1938 по 1956 год в общем количестве 42.816.000 экз. Книга была издана в 67 странах, ее общий тираж превысил 60 млн. экземпляров.

своего основного Учителя (в самом широком смысле этого слова), с которым у меня сложились пусть краткие, но весьма специфические отношения. Обычно я заблаговременно встречал Павла Васильевича у входа в ВУЗ (из АН его привозили на машине), смело «приставал» к нему с каким-нибудь очень «умным» вопросом, после чего мы минут 20-30, «не спеша» шли к аудитории и вели увлекательную беседу.

Проф. П.В. Советов, в первую очередь, был исследователем древних (древнейших) источников права¹. Он знал семь иностранных языков: румынский, французский, турецкий, болгарский, польский, немецкий, венгерский. В этом не было ничего удивительно, ибо его родители «старые революционеры-большевики» были родом их Южной Бессарабии. Весьма пестрое население этой некогда совершенно безлюдной территории («Здесь лирой северной пустыни оглашая, скитался я...»²), начиная с 1812 года (Бухарестский мирный договор) и заселенной Александром Первым Благословенным (1777-1825 гг.) сначала беженцами из турецких владений: румынами, болгарами и гагаузами (турками, принявшими христианство), а затем и земляками его бабушки (Екатерины Второй Великой, 1729-1796 гг.) немцами, естественно, также и разного рода «новороссами».

Примечательно, что Павел Васильевич ориентировал своих учеников изучать историю СССР «вообще», начиная ее познание с трудов В.Н. Татищева (1686-1750 гг.)³, М.Н. Карамзина (1766-1826 гг.)⁴, С.М. Соловьева (1820-1879 гг.)⁵, В.О. Ключевского (1841-1911 гг.)⁶ и многих других классиков.

Проф. П.В. Советов, успешно окончивший в 1952 году юридический факультет Одесского государственного университета⁷, был не только теоретиком, но и практиком, которому в 1953 году довелось познать вкус работы следователя «на земле». В частности, Павел Васильевич поведал нам о своем первой деле: арестованное руководство одного из колхозов

¹ См., например: Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. I. Кишинев: Штиница, 1972. – 509 с. Дополнительное название: Очерки истории землевладения в XV-XVII вв. Предмет исследования: Стефан III Великий господарь молдавский 14.29-1504 гг.

² Пушкин А.С. К Овидию. 1821.

³ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором (Название дано историком Г.Ф. Миллером). М.: Императорский Московский университет, Т. I. 1768. Переиздана в 8 т. М.: Ладомир, 1994-1996.

⁴ Карамзин М.Н. История государства Российского. В 12 т. 1818 г.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. СПб, 1851-1879.

⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории в девяти томах. М.: Мысль, 1987-1990.

⁷ ВУЗ основан в 1856 году, как Ришельевский лицей, в 1865-1920 гг. Императорский Новороссийский университет, включавший в себя юридический факультет преподаватели и выпускники которого вошли в когорту носителей юридической мысли в России. Новороссийский университет, расформированный в 1920 году, был воссоздан на базе Одесского института профессионального образования, но уже под названием Одесский государственный университет, в 1945 году ВУЗу присвоено имя Нобелевского лауреата И.И. Мечникова.

(председатель, главный бухгалтер), расположенного в Дубоссарском районе МССР, обвинялось в хищении значительной части урожая. «Больше всего», - рассказывал бывший следователь П.В. Советов, - «меня удивил тот факт, что арестованные обвинялись в хищении тех продуктов (кукуруза зерно), которые на самом деле выращены не были, но за производство которых, они боясь признаться в невыполнение плана, успели отчитаться (приписки)».

К такому выводу следователь П.В. Советов пришел, изучив весь процесс выращивания и уборки кукурузы на зерно от момента посева культуры, до ее уборки. Обнаружение комплекса соответствующих документов, позволило ему переqualificировать содеянное виновными с дерзкого хищения многих тон общественного имущества (в особо крупных размерах), на приписки, которые, впрочем, карались в те времена тоже весьма строго.

По этому поводу Павел Васильевич говорил, что исследователю (в том числе и следователю в по делам «хозяйственным») необходимо (очень желательно) найти первичный документы. Этому правилу он следовал всю свою сознательную жизнь, в том числе уже и в ранге крупного ученого. Знания языков позволяли проф. П.В. Советову работать в архивах Турции, Румынии, Болгарии, Венгрии и Польши, в которых он обнаружил «крупницы» информации подтверждающие выдвинутые им тезисы относительно путей развития права в Северном Причерноморье.

В те годы у историков было «железное правило», сначала найти, как минимум, три указания на то или иное событие (явление), только после этого заявлять в печати о научном открытии. К сожалению, современные историки довольствуются обнаружением только одного указания на событие (явление), после чего спешат в констатацией факта открытия. Как видим, исследователь П.В. Советов в рамках формирования собственной научной школы шел от практики к теории.

Нужна ли практика история уголовного процесса? Если теория утратила функцию формирования конкретной идеологии (ст. 13 Конституции РФ), то, может быть, ее и изучать не надо? Например, что даст современному следователю знание неких общих положений УУС 1864 года? Так, военный историк (узкий специалист) М.Ю. Токарев считает, что подробная история армий, флотов и войн «рядовому» офицеру не нужна, так как масштаб его деятельности не выходит за рамки стремительно устаревающей тактики. С ним спорит его коллега (также узкий специалист) М.Э. Морозов (род. 1969 г.), считающий: соответствующий профессии аспект истории должен хорошо знать любой специалист. Такой же позиции придерживается и историк (еще один узкий специалист) А.В. Исаев (род. 1974 г.).

Нам следует честно признаться в том, что в практической деятельности к вопросам истории права (уголовного и уголовно-процессуального) обращаться доводилось крайне редко. Речь, в первую очередь, шла об уяснении сути судимостей отдельных обвиняемых. Так в 1984 году в производстве автора находилось уголовное дело в отношении некоего Коркодел, который в 12-летнем возрасте был привлечен к уголовной ответственности в соответствии с

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Данным актом наряду с УК РСФСР 1926 года водилась уголовная ответственность (вплоть до расстрела) для детей, начиная с 12 лет. Коркодел, будучи в 1948 году привлеченным к уголовной ответственности за поджег щитов для снегозадержания в 12-летнем возрасте, до момента его задержания за совершение преступления (покушение на грабеж) в 1984 году на «свободе» успел побыть только 1 год 3 мес. и 23 дня. Это к эффективности лишения свободы как вида наказания. Впрочем, характеристики на особо опасного рецидивиста Коркодел из мест лишения свободы были исключительно положительные. Наш ответ на вопрос (далеко нериторический), почему вновь совершил преступление: слишком суровые условия жизни на свободе.

Во-вторых, в производстве Верховного Суда РФ всегда были, так называемые «КРовские» («контрреволюционные») дела, в рамках которых разрешался вопрос о реабилитации (отказе в реабилитации) «контрреволюционеров», а равно лиц, подвергавших их репрессии. В текущий момент времени Президиум Верховного Суда перерассмотрел несколько судебных решений 20-30 годов, которыми были осуждены контрреволюционеры с «дореволюционным стажем».

В частности, реабилитирован вятский полицеймейстер В., осужденный по приговору Вятского Губернского суда от 5-8 августа 1927 года, отличившийся реальными успехами в борьбе с революцией в 1905-1907 годах¹. Мотив для реабилитации: честно и добросовестно служил законному Государю Императору².

К вопросу об источниках по истории. Заместитель диктора института истории СПбУ С.Б. Назаренко (1976 г.) молодым людям предлагает ограничиться исключительно изучением книг по истории, подготовленных современными авторами, так как непосредственно труды классиков они не поймут?

Действительно, что может вдруг подумать студент, который выхватит из контекста, например, суждение Н.А. Буцковского (1881-1873 гг.) о том, что «составители законов большую часть не имели специального юридического образования» в силу чего составленные ими документы сплошь пробельны³. Можно ли так сразу сказать об этом студентам, не обладающим соответствующим иммунитетом? Проф. П.А. Лупинская считала, что нельзя, поэтому предложенное нами название «УПК РФ – плохо сбалансированная

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 июля 2023 года №20-П23ПРСС. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2023 год.

² См. подробнее: Скляренок М.В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья №2. Идеология «советская»: полный отказ от института апелляции (1917-2001 гг.); идеология «постсоветская»: неспешное поэтапное восстановление апелляции (2001-2019гг.) обусловили образование массивного пробела в практике выявления процессуальных ошибок, исправлять которые суды вынуждены в наши дни // Уголовное судопроизводство. 2024. №1. С. 40-45.

³ Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). СПб, 1872. С. 3.

система в чужеродной среде», в своем сборнике заменила на более нейтральное; «Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК»¹.

Вместе с тем, отсутствие у большинства законодателей соответствующего уровня познаний в сфере права - факт, который характерен для их корпуса и в наши дни. Помнится, 5 марта 2004 года в процессе обсуждения проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 «О применении судами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» заместитель Генерального прокурора РФ – С.Г. Кехлеров предложил включить в документ положение, реанимирующее институт возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования. У автора этой идеи спросили, где он был, когда принимали УПК РФ? Ответ С.Г. Кехлерова был таким: «Дай Бог, чтобы из всего состава депутатов суть проблемы понимали человек 15-дцать». Как видим, минуло более 150 лет, но ничего не изменилось: законодатели и практики живут каждый своею жизнью.

Отметим только, что под давлением совокупного разума институт «возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования» был все-таки реанимирован, правда, под другим названием².

Помнится, председатель Курского областного суда В.Г. Золоторев, почтавав в 2002 году нашу статью «Судебная система Курской области 100 лет назад»³, отметил, что и в наши, как и 100 лет назад, суды области возвращают на дополнительное расследование все те же 20% уголовных дел.

Итог всему вышесказанному: история уголовного процесса серьезного прикладного значения для практиков «на земле» не имеет. Более того, история эта сложна и запустана, для ее познания одного учебника мало, даже если это «Курс уголовного процесса», подготовленный в МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством проф. Л.В. Головки⁴.

Если читатель решился на изучение истории уголовно-процессуального права, то мы ему во всяком случае не рекомендуем ограничиваться, например трудом М.А. Чельцова-Бebutова «Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих,

¹ Колоколов Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). – М.: МГЮА, 2007. – С. 49-52.

² Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 28-35.

³ Колоколов Н.А. Судебная система Курской области 100 лет назад // Российский судья. 2002. №7. С. 42-48.

⁴ По вопросам истории см.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 3-е изд. М.: Статут, 2021. – 1328 с. С. 129-231.

феодалных и буржуазных государствах»¹ уже хотя бы потому, что когда того эта книга была издана с добавлением термина «советского».

Представляется, что юрист, решившийся погрузиться с глубины истории уголовно-процессуального права, должен, как и наш Учитель проф. П.В. Советов изучить все доступные для него источники, не исключено, что тогда совокупность знаний (количество), перейдет в искомое исследователем качество.

Суд присяжных. Суд, состоящий из коронного (профессионального) судьи и коллегии из дюжины присяжных заседателей (непрофессиональных судей), именуемый в просторечии коротко «судом присяжных» в начале XIX веке в процессе наполеоновской экспансии² большинстве стран Континентальной Европы практически мгновенно превратился в один из важнейших, фактически базовых элементов имиджевого набора, характеризующего основные подходы к организации судебной власти.

«Заморский институт». Суд присяжных – институт сугубо «заморский», насколько эту культуру удалось «районировать» в на просторах России, в том числе и современной. Русский историк С.М. Соловьев по этому поводу писал, что «чужие формы берутся тогда, когда нет своих»³. Несколько подробнее процесс заимствования чужих технологий в государственном устройстве и правосудии описал профессор парижского юридического факультета Адемар Эсмен (1848-1913 гг.) в своей книге «Основные начала государственного права», оба тома которой в России увидели свет в переводе Н. Кончевской и под редакцией М.М. Ковалевского (1851-1916 гг.) соответственно в 1888⁴ и 1889⁵ годах.

Проф. А. Эсмен практически всегда всюду воспевал «свободу» («новую свободу») в Англии, совершенство ее институтов (неписаная конституция, парламент, суды). Которым, по его мнению, до начала Великой Французской революции (1789-1794 гг.), а равно в последовавшие за ней полвека истории на континенте «настоящей цены» все еще не знали⁶. Ниже А. Эсмен подробно пишет о массовом «подражании» англичанам во Франции (видимо это только в одежде Париж – законодатель мод). При этом автором констатировался тот

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб: Равенна, Альфа, 1995. – 846 с.

² Вспомним, Наполеон – не только великий полководец, но и проводник революционных юридических идей, применительно к освещаемой теме незабвенна роль его УПК 1808 года (Code d'Instruction Criminelle – CIC). См. подробнее: Стойко Н.Г. Уголовный процесс России: история и перспективы развития // Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2011. – 1038 с. С. 110-128.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. – 701 с. С. 20.

⁴ Эсмен А. «Основные начала государственного права». М., 1888. Т. 1. – 450 с.

⁵ Эсмен А. «Основные начала государственного права». М., 1889. Т. 2. – 450 с.

⁶ См. подробнее: Эсмен А. Учреждения и принципы, заимствованные из английского права. Каким образом английская конституция сделалась одним из элементов новейшей свободы. Указ соч. Т. 1. С. 29-36.

факт, что в точном соответствии с правом континентальным заимствования («подражания») «на манер» английским «санкционировались» вновь изобретенными нормами права позитивного, письменного¹.

Для нас примечательно то, что проф. А. Эсмен не только идеализирует государственное устройство Англии, но пусть, правда, и не без удивления, но все-таки обнаруживает, что английское common law – «результат обычая, традиции или практики», то есть национальное, пришедшее в правовую культуру народа снизу, а не нечто чуждое, привнесенное в жизнь французов на острие санкции закона (писанной конституции)².

По этому вопросу еще более определенно высказывался восхищавшийся в Наполеона величайший из философов Г.В.Ф. Гегель (1770-1831 гг.), констатировавший, что «нельзя дать народу чуждый ему закон», ибо таковой «есть нечто большее, чем порождение мысли. То, что Наполеон дал испанцам, было разумнее того, чем они обладали прежде, и все-таки они отвергли это нечто им чуждое, потому, что они еще не достигли необходимого для этого уровня развития»³.

Jury trial на родине. Мы же вынуждены признать, что в материковой Европе мало кого смущал тот факт, что суд присяжных (jury trial) порождение на 100% «заморское». Сам по себе генезис суда присяжных на островах Туманного Альбиона уникален, а его эволюция весьма извилиста. Изучение структуры английского общества в XVII-XIII веках позволяет сделать вывод о том, что его базовой ячейкой в те годы был приход (территория, обслуживаемая конкретным священником), особо подчеркнем, англиканской церкви, представители которой исповедовали «средний путь» (via media) между протестантизмом и католицизмом.

Именно выбор этого среднего пути подтолкнул корону к допустимости генерации активного участия управляемых церковью (читай, конкретными ее представителями) прихожан в отправлении правосудия. В этой связи неудивительно, что сепарация членов общества на категории достойных прихожан (подчеркнем не «граждан», а верноподданных короны), коих можно было допустить к «таинству судебного разбирательства» (таковые включались в списки кандидатов в присяжные) и прихожан (еще раз подчеркнем, опять-таки не «граждан», а верноподданных короны), которых в такие списки просто не включались. Нет ничего удивительного в том, что списки кандидатов в присяжные заседатели (members of the jury) вывешивались в приходах, настоятели которых ориентировали свою паству на верноподданническое уважение к королю или королеве (King and Queen), а равно к коронному королевскому суду.

Такой культуры в подавляющем большинстве стран Континентальной Европы не было, поэтому нет ничего удивительного, что для некоторых территорий институт jury подходил как «корове седло». Впрочем, это никого не

¹ Там же. С. 23-24.

² Там же. С. 34.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия прав. М: Мысль. 1990. – 524 с. С. 315.

смущало, поскольку вера в эффективность «модного» института – суда присяжных была безграничной. Не миновала сия мода и Матушку Россию.

Россия проиграв объединившемуся Западу Восточную (Крымскую) войну (1853-1856 гг.) в поиске моделей судостроения обратила свой взор на победителя. Эх, Франция: нет в мире лучше края... Отсюда французский УПК 1808 года (Code d'Instruction Criminelle – CIC). Мировая юстиция, так та вообще родом из Великой Британии (Keepers of the Peace, later JPs, justices of the peace)¹.

Современники Великой реформы 1864 года о суде присяжных.

Джеремии Бантам (1748-1832 гг.). Ответ на вопрос, как должна быть устроена судебная система сначала дети Великой французской революции, а затем и отцы Великой российской судебной реформы нашли (1864 г.) нашли у «старика» Д. Бантама, книга которого «О судостроения» (датируемая 1792 г.) была сначала Э. Дюмоном (1759-1829 гг.) была переведена на французский, язык (для «подражателей первой волны»), а в 1860 году и на русский язык для «подражателей второй волны».

В этой книге применительно к определенной части Англии того времени плотности насаждения мы найдем массу актуальных и в наши дни полезных советов по теме: как обустроить удобную для народа двух уровневую (первая инстанция + апелляция) судебную систему. Не будем забывать главного: заинтересованной публики в зале судебного заседания, основной предназначение которой следить за данностью, обоснованностью и справедливостью функционирования суда (не в театр пришли).

Изучение трудов Д. Бантама позволяет сделать вывод в процессе: первичны не присяжные, а коронный судья. Еще лучше, если дело он разрешает единолично. Особый интерес представляет тот факт, что признавая в принципе апелляцию, как инструмент исправления судебных ошибок, основного контролера за деятельностью судьи Д. Бантам видел в публике, наполняющей залы судебных заседаний. Видимо, Д. Бантам в своих суждениях был далеко не одинок, апелляция в Англии в качестве самостоятельного института появилась в 1907 году (criminal appeal act).

Карл Иосиф Антон Миттенмайер (1787-1867 гг.). В его книгах «Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке (1864)», «Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, недостатки и средства к устранению этих недостатков» (1869-1871, два издания) мы найдем массу интересного о процессе становления и развития jury trial.

Николай Андреевич Буцковский (1811-1873 гг.). Н.А. Буцковский – выдающийся русский правовед, тайный советник (генерал-лейтенант), сенатор, один из отцов Великой судебной реформы Александра II Освободителя. Его труды для нас ценны тем, что он в отличие от очень многих прочих авторов обладал точной ситуационной осведомленностью, ее наличие позволяло ему во время отловить ускользающий от стороннего наблюдателя контент (суть,

¹ См. подробнее: Колоколов Н.А. Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Мировой судья. 2018. №8. С. 3-11.

содержание) и от нарротива (предположения) смело перейти к интерпретационности. Речь идет о таких его книгах, как «О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей»¹, «О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной»² и «Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым)»³.

Применительно к избранной теме для современного читателя особый интерес представлению высказывания сенатора Н.А. Буцковского по вопросу рецепции суда присяжных в России середины XIX века. Уважаемый мэтр, «не оспаривая преимуществ английской системы»⁴, честно писал, что «система эта хорошо только при существующих для нее в Англии благоприятных условиях», в числе которых он называл: во-первых, «государственный и общественный строй»; во-вторых, авторитет судей; в-третьих, особенности тамошнего уголовного права»⁵. Ниже сенатор Н.А. Буцковский констатировал: «Без этих условий, система английского процесса неосуществима в простоте ее форм, и не может представлять достаточных гарантий в беспристрастии суда, ни пользоваться доверием общества»⁶.

В тоже время, сенатор Н.А. Буцковский был вынужден констатировать, что «в юридической литературе вошло, так сказать, в обычай резко порицать французский уголовный процесс и превозносить английский»⁷. Ниже Николай Андреевич предостерегал, что «одним лишь подражанием порядку английского судопроизводства ситуации в России не изменить»⁸. На память приходят сужения некоторых «отцов» последней (1991 г.) судебной реформы, что дескать суды – то звено системы, наличие которого позволит вытащить страну из отсталости. Как видим, ничего не изменилось.

Заслуживают внимания и прописанные скепсисом слова Н.А. Буцковского о том, что в суде с участием присяжных это только в теории «факты» - отдельно, «законы» - отдельно. На самом деле данные категории порознь существовать не могут, «председатели судов обязаны объяснить присяжным законы, относящиеся к определению свойства рассматриваемого преступления»⁹.

Юлий Антон Глазер (1831-1885 гг.). Данный автор личность во всех отношениях примечательная, родился он в еврейской семье, из иудаизма

¹ Буцковский Н.А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. СПб, 1866. – 178 с.

² Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб, 1867. – 80 с.

³ Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). СПб, 1872. – 59 с.

⁴ Буцковский Н.А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. СПб, 1866. – 178 с. С. 29.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Буцковский Е.А. См. указ. выше соч. С. 32.

перешел в христианство. Уже в 18-ть лет (1849 г.) Глазер в университете Цюриха получил степень доктора философии. На следующий год (1850 г.) он выступил с работой «Das engl.-schott. Strafverfahren», в которой на анализе английского («заморского») судопроизводства отметил все положительные черты суда присяжных. В последующие годы Глазер «ушел» в политику Австро-Венгрии. К сорока годам его уже назначают министром юстиции в кабинете министров (правительстве) Карла Вильгельма фон Ауэршперга. В период своей министерской деятельности (1871-1879 гг.) Глазер разработал Устав уголовного судопроизводства (проект Глазера), который 23 мая 1873 года стал полновесным законом. Особенность этого Устава - допуск к участию в защитника в стадии предварительного расследования. Скажем еще больше, Устав разработанный Глазером в Австро-Венгрии явился образцом для составителей германского уголовно-процессуального кодекса¹. В 1879 году Глазер назначен генерал-прокурором кассационного суда, с этого момента он активизирует свою научную деятельность: выпускает книгу, посвященную реформе австрийского гражданского судопроизводства. Его капитальный курс «Handbuch des Strafprozesses» («Учебник уголовного процесса») до наших дней имеет исключительное значения для развития науки уголовно-процессуальное право. На русский язык еще при жизни автора переведены его работа о функционировании jury trial («О влиянии суда на приговор присяжных», СПб., 1868), а также первый том его курса («Руководство по уголовному процессу», СПб., 1884). Применительно к избранной теме нас интересует суждение Глазера о том, что «границы между фактом и правом не существует», все рассуждения на эту тему от лукавого. Отсутствие этой границы – факт, ее наличие – нарратив.

Александр Михайлович Бобрищев-Пушкин (1851-1903 гг.). Автору довелось выступить официальным оппонентом по двум докторским диссертациям Т.А. Владыкиной² и С.А. Насонова³. Мы вынуждены констатировать, что данные исследования, несмотря на могучее по объему «послезнание», в части фундаментальности обстоятельности существенно уступают труду сначала председателя Санкт-Петербургского окружного суда, затем товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента сената А.М. Бобрищева-Пушкина «Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных»⁴.

Свое повествование А.М. Бобрищев-Пушкин начинает с эпитафии: «Начаьти же ся той песни по былинам сего времени, а не позамышлению Бояню» (из «Слово о полку Игореве»). По мнению этого автора, применительно к

¹ Strafprozessordnung 1977 года.

² Т.А. Владыкина. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей: диссертация на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс. Екатеринбург, 2018. – 442 с.

³ Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: диссертация на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс. М. 2022. – 450 с.

⁴ Бобрищев Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896. – 615 с.

рассуждениям о суде присяжных вредны: как «принижение» анализируемого института, так и его «идеализация».

Впечатляет эмпирическая база проведенного данным авторам исследования: он лично прослушал (предварительно изучив письменные материалы) 716 процессов (председатель суда), проанализировал 1.508 вердиктов (товарищ обер-прокурора), составил таблицу, включающую 230.000 клеток.

Помимо этого А.М. Бобрищев-Пушкин изучил все известные на тот период времени доводы pro или contra и констатировал, нового нет ничего. Сказанное может быть истолковано так, что суду присяжных имманентно присущи недостатки. Дело политиков: идти на издержки, которые неизбежно влечет учреждения суда присяжных или нет.

Опираясь на прения, происходившие на XVIII съезде юристов в Висбадене в сентября 1886 года, А.М. Бобрищев-Пушкин пишет: «слишком мало наблюдений, чтобы высказаться о необходимости реформ данного суда». Таким образом, вывод может быть только один: суд присяжных – инструмент вполне работоспособный, проблемы следует искать в следствии и поддержании обвинения.

Павел Исаакович Люблинский (1882-1938 гг.). Ценность научных изысканий П.И. Люблинского заключается в том, что он анализировал суд присяжных в Англии и доказал, что присяжные – «ребята далеко не святые» еще как могут ошибаться, установлено, что вполне могут «засудить» невиновного¹. Наполненные многими интересными фактами, написанные живым русским языком, работы данного автора будут интересны тем, кто интересуется процессом становления апелляции в Англии в 1850-1907 годах.

Владимир Данилович Спасович (1829-1906 гг.). Российский юрист-правовед, адвокат В.Д. Спасович, читая в 1861 году публичные лекции, не предчувствовал возможности введения в России суда присяжных. Однако в 1990 году он заявил, что опыт всех состоялся и увенчался успехом². При этом В.Д. Спасович подчеркивал, что «наши присяжные» забывают, что обязанность наказывать преступников обязанность не только правительства. Наши присяжные не злобствуют, они скорее мягкосердечны³.

Щегловитов Иван Григорьевич (1961-1918 гг.). Действительный тайный советник, министр юстиции Российской империи (1906-1915 гг.), последний председатель Государственного совета Российской империи (1917) в своей предельно краткой работе «Новые попытки изменить постановку присяжного суда в западной Европе⁴» писал, что «многое, во что веровали незабвенные творцы Судебных Уставов, оказалось идеализмом, на который не только не

¹ Люблинский П.И. Очерки уголовного суда в современной Англии. СПб: Сенатская типография, 1911. – 715 с.

² Спасович В.Д. Вопрос о праве присяжных заседателей оправдывать лиц, повинившихся в преступлениях // Вестник права. 1901. №1.

³ Там же.

⁴ Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в западной Европе. СПб, Сенатская типография, 1914. – 41 с.

откликнулась наша будничная действительность, но даже подвергла его самому жесткому поправанию и уничтожению»¹, «ибо жизнь течет не по руслу, намеченному идеализмом», «а по руслу, которое получается в итоге сосредоточенного приложения к одному явлению всей совокупности имеющихся, а также развивающихся в последствии причин»².

О суде присяжных писали многие, в их числе и сенатор *И.П. Закревский*³, книги которого неоднократно переиздавались и в наши дни. *Леонид Евстафьевич Владимиров (1845-1917 гг.)* в 1873 году защитил докторскую диссертацию «Суд присяжных»⁴. Роман *Льва Николаевича Толстого* «Воскресенье» (1889-1899) – смертельный приговор суду присяжных. *Алексей Андреевич Демичев* дал наиболее полный и взвешенный анализ суд с участием присяжных заседателей в Российской империи, который можно найти в коллективной монографии под редакцией А.А. Демичева⁵. *Геннадий Александрович Есаков* – автор монографии «Роман Л.Н. Толстого «Воскресенье». Историко-правовая реконструкция» через призму воззрений нашего классика в очередной раз оценил идею учреждения анализируемого института в Императорской России⁶.

Jury trial – институт мирного времени. 29 ноября 2022 года в Хомутовский районный суд Курской области для рассмотрения по существу поступило уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 118 УК РФ. Обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, однако отобрать коллегию присяжных не смогли, так как п. Хомутовка расположена рядом с границей Украины, идет СВО.

Постановлением Курского областного суда от 26 июля 2023 года уголовное дело в отношении К. было направлено в Железногорский городской суд⁷.

Апелляционным постановлением Первого АСОЮ от 5 октября 2023 года данное постановление было отменено, как не основанное на законе⁸, фактически Хомутовскому суду предлагалось «лучше работать с присяжными».

Очевидно, что предусмотренное ч. 5 ст. 32 Конституции РФ полноценное участие народа в правосудии возможно только в мирное время.

¹ Щегловитов И.Г. Указ. соч. С. 4.

² Щегловитов И.Г. См. там же. С. 4.

³ Закревский И.П. Еще раз о суде присяжных. СПб, 1896. – 29 с. Он же, О настоящем и будущем суда присяжных. СПб, 1997 – 201 с.

⁴ Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков: Университетская типография, 1873. – 236 с.

⁵ Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность. М.: Юрлитинформ, 2015. – 488 с.

⁶ Есаков Г.А. Роман Л.Н. Толстого «Воскресенье». Историко-правовая реконструкция. М.: Проспект, 2023. - 264 с.

⁷ Постановление Курского областного суда о направлении уголовного дела по подсудности от 26 июля 2023 года №2-12-10/2023. Электронный архив Курского областного суда за 2023 год.

⁸ Апелляционным постановлением Первого АСОЮ от 5 октября 2023 года №55-1482/2023. Электронный архив Первого АСОЮ за 2023 год.

Основные научно-практические выводы:

1. Суд присяжных (jury trial) – один из множества вариантов разрешения спора.

2. В ходе Великой судебной реформы 1864 года в царской России был учрежден суд с участием присяжных заседателей. В историографии данный факт принято беспорным достижением. Любая критика адрес суда присяжных, даже исходящая от общепризнанного писателя Л.Н. Толстова рассматривалась, как неприемлемая (см. открытое письмо «Старого судьи» // Журнал Министерства юстиции. 1899. №8. С. 140-146).

3. Для современных россиян институт jury trial – категория чуждая, «заморская»

4. Единственное беспорное достоинство анализируемого института – непосредственное вовлечение населения в государственное управление (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ).

5. Все прочие доводы pro или contra относительно суда присяжных от лукавого.

6. Реанимация в постперестроечной России суда с участием присяжных в формате максимально приближенном к суду, существовавшему в 1864-1917 году, осуществлена под лозунгом «Вперед в прошлое!» лишена всякой логики, ибо технологии прошлого канули в лету.

Литература:

1. I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – 211 с.
2. Аппарат власти следственной / Под. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. – 384 с.
3. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896. – 615 с.
4. Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков: Университетская типография, 1873. – 236 с.
5. Владыкина Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей: диссертация на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс. Екатеринбург, 2018. – 442 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия прав. М: Мысль. 1990. – 524 с. С. 315.
7. Буцковский Н.А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. СПб, 1866. – 178 с.
8. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб, 1867. – 80 с.
9. Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). СПб, 1872. – 59 с.

10. Есаков Г.А. Роман Л.Н. Толстого «Воскресенье». Историко-правовая реконструкция. М.: Проспект, 2023. - 264 с.
11. Закревский И.П. Еще раз о суде присяжных. СПб, 1896. – 29 с. Он же, О настоящем и будущем суда присяжных. СПб, 1997 – 201 с.
12. Карамзин М.Н. История государства Российского. В 12 т. 1818 г.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории в девяти томах. М.: Мысль, 1987-1990.
14. Колоколов Н.А. Судебная система Курской области 100 лет назад // Российский судья. 2002. №7. С. 42-48.
15. Колоколов Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 1-2.
16. Колоколов Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). – М.: МГЮА, 2007. – С. 49-52.
17. Колоколов Н.А. Долгожданный возврат к расследованию // Уголовный процесс. 2013. №11. С. 28-35.
18. Колоколов Н.А. Мировая юстиция: вчера, сегодня, завтра // Мировой судья. 2018. №8. С. 3-11.
19. Колоколов Н.А. Организация судебной деятельности в эпоху второго модерна // Правотворчество в XXI веке: Эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): Сборник научных статей. М: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2022. – 344 с. С. 282-290.
20. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 3-е изд. М.: Статут, 2021. – 1328 с. С. 129-231.
21. Люблинский П.И. Очерки уголовного суда в современной Англии. СПб: Сенатская типография, 1911. – 715 с.
22. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: диссертация на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс. М. 2022. – 450 с.
23. Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. I. Кишинев: Штиница, 1972. – 509 с. Дополнительное название: Очерки истории землевладения в XV-XVII вв. Предмет исследования: Стефан III Великий господарь молдавский 14.29-1504 гг.
24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. СПб, 1851-1879.
25. Складенко М.В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья №1. Эволюция института срока на обжалование в «досоветской» России (конец XVIII – 1917 год) // Уголовное судопроизводство. 2023. №2. С. 13-18.
26. Складенко М.В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья №2. Идеология «советская»: полный отказ от института апелляции (1917-2001 гг.); идеология «постсоветская»: неспешное поэтапное восстановление апелляции (2001-2019гг.) обусловили образование массивного пробела в

- практике выявления процессуальных ошибок, исправлять которые суды вынуждены в наши дни // Уголовное судопроизводство. 2024. №1. С. 39-44.
27. Спасович В.Д. Вопрос о праве присяжных заседателей оправдывать лиц, повинившихся в преступлениях // Вестник права. 1901. №1.
 28. Стойко Н.Г. Уголовный процесс России: история и перспективы развития // Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2011. – 1038 с. С. 110-128.
 29. Суд присяжных в Российской империи: идея, законодательство, практическая деятельность. М.: Юрлитинформ, 2015. – 488 с.
 31. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором (Название дано историком Г.Ф. Миллером). М.: Императорский Московский университет, Т. I. 1768. Переиздана в 8 т. М.: Ладомир, 1994-1996.
 32. Цветков Ю.А. Возможно ли воссоздать институт судебных следователей в Российской Федерации // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее: Материалы научно-практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года). М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. – С. 25—29.
 33. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб: Равенна, Альфа, 1995. – 846 с.
 34. Щегловитов И.Г. Новые попытки изменить постановку присяжного суда в западной Европе. СПб, Сенатская типография, 1914. – 41 с.
 35. Эсмен А. Основные начала государственного права. М., 1888, 1889. В 2-х т.

К.А. Костенко

Об отцах, вдохновителях и авторах Судебной реформы 1864 года

Аннотация. Практически сто шестьдесят лет прошло со времени рождения феномена Судебной реформы 1864 г. Споры и дискуссии об идеологии, принципах и новых правовых институтах родившихся вместе с ней не утихают до сих пор. Между тем, неоспоримым является тот факт, что проведенная Судебная реформа со всеми ее положениями и новыми принципами, состоялась во многом благодаря деятельности выдающихся ученых и юристов того времени Сергея Ивановича Зарудного, Николая Андреевича Буцковского и Николая Ивановича Стояновского. В связи с этим, автор в своей статье анализируя некоторые дискуссионные проблемы подготовки и реализации Судебной реформы 1864 г., акцентирует особое внимание на вклад вышеуказанных ученых, как в проекты по Судебным Уставам, так и в целом Российскую правовую науку.

Ключевые слова: судебные уставы 1864 г.; Судебная реформа 1864 г.; суд присяжных; С.И. Зарудный; Н.А. Буцковский; Н.И. Стояновский.

Нельзя не согласиться с особым значением преемственности в праве и неслучайном возвращении в современную судебную систему принципов и институтов, к которым пришли выдающиеся дореволюционные реформаторы в ходе подготовки Судебной реформы 1864 г.¹.

При изучении процессов реформирования судебной системы или других важных изменений в государстве, неизбежно сталкиваешься не только с проектами, но и с талантливыми реформаторами. При этом, деятельность или вклад отдельно взятого человека, порой, может быть значительнее, чем целого коллектива или группы людей занимающихся одной проблемой.

Если мы изучим различные исторические источники, то несомненно найдем большое множество очерков, статей, книг о родоначальниках и духовных вдохновителях судебной реформы 1864 года.

Так, профессор Муратова Н.Г.² среди таких личностей XIX века, выделяет сенатора Николая Андреевича Буцковского, при этом представляя его, как видного деятеля судебной реформы, равнодушного правоведа, общественного деятеля, автора знаменитых «Очерков судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года»³.

Исторические материалы свидетельствуют, что именно Н.А. Буцковский принял наиболее деятельное участие в выработке «Основных начал» реформы, являясь при этом приверженцем суда присяжных. В комиссии для составления проектов судебных уставов Буцковский занял место председателя уголовного отделения. При этом его усиленным трудом Устав уголовного судопроизводства обязан своею точною и сжатою редакцией, а также обширной объяснительной запиской к нему. Считается, что именно благодаря его усилиям, как тогда, так и сейчас под влиянием законодательства тех лет, мы имеем такой уголовно-процессуальный институт, как суд присяжных⁴.

Известный русский ученый современности Дмитрий Олегович Серов⁵, как

¹ Шайхутдинова А. Р. Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 1. С. 94–101.

² Муратова Надежда Георгиевна, профессор Казанского (Приволжского) государственного университета, доктор юридических наук.

³ См.: Муратова Н.Г. История первых и современных дней судебной реформы 1864 года (взгляды современников) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014, № 3 С. 130.

⁴ Костенко К.А. Об отцах, вдохновителях и авторах судебной реформы 1860-х гг. // Следственная деятельность: вопросы истории, теории и практики: сборник материалов Межрегион. научно-практической конференции (Хабаровск, 23 марта 2023 года) – Хабаровск: Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2023. С. 52– 134 с.

⁵ Дмитрий Олегович Серов, российский историк, доктор исторических наук, профессор, до конца жизни (2019) — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, специалист в области истории государства и права России XVIII—XX вв.

активного проводника и идейного вдохновителя судебной реформы 1860-х гг. в своих трудах также называет Николая Ивановича Стояновского — русского юриста, ученого, занимавшего в середине XIX века должность товарища министра юстиции.

Д.О. Серов отзывается о Н.И. Стояновском, как о непосредственном разработчике «Устава уголовного судопроизводства». Между тем, Николай Иванович положил немало сил в разработку и других законов, таких как: «Учреждения судебных следователей», «Наказа судебным следователям». Кроме этого, Н.И. Стояновский является автором одного из первых учебников по уголовно-процессуальному праву (1852).

В своих трудах Н.И. Стояновский писал: «Высшая цель уголовного судопроизводства есть справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов. Цель эта достигается посредством... такого направления уголовного судопроизводства, при котором скоро, легко и верно открывается виновный.... А невинный остается в возможной неприкосновенности»¹.

Изучая труды Николая Ивановича Стояновского, невольно приходишь к мысли, насколько глубоко надо знать право и понимать цели и задачи правосудия, чтобы выстроить систему прав обвиняемого именно так, чтобы их соблюдение привело к однозначному результату – к достижению высшей цели уголовного судопроизводства².

Если следовать теории Н.И. Стояновского, получается, что «справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов» в отношении обвиняемого, позволяет получить нам истину, причем не формальную, а материальную!³ Сегодня мы приходим к осознанию того, что именно идеи Н.И. Стояновского позволяют нам сейчас видеть насколько им был законодательно организован пристальный надзор за предварительным следствием, позволяющий оградить подозреваемого от незаконного помещения под стражу, а обвиняемый во время производства следствия имел право предъявлять все, что могло подтвердить его невиновность.

Изучая исторические источники, многие ученые⁴ указывают нам, что

¹ Цит. по: Серов Д.О. Стояновский Н.И. и образование судебных следователей в России (1860-1864) [Электронный ресурс] // URL: https://bstudy.net/656767/literatura/stoyanovskiy_obrazovanie_instituta_sudebnyh_sledovateley_rossii_1860_1864 (дата обращения 14.03.2023).

² Костенко К.А. Обвиняемый и подозреваемый в состязательном уголовном процессе: монография. – ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2021. С. 6-7.

³ Костенко К.А. Историко-правовые аспекты современной модели права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела // I Стояновские чтения «Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее»: материалы научно практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года) / М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2021. С. 169-170.

⁴ Федоров К.В., Суздалева Т.Р. С.И.Зарудный и подготовка судебной реформы 1864 года // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (51), 2020 С. 33-38; Шигильдеева, Л. В. С. И. Зарудный и судебная реформа 1864 года // Исторические

наиболее значительный вклад в возникновение и принятие Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года внес Сергей Иванович Зарудный¹.

Деятельность и заслуги Сергея Ивановича были признаны не только многими его современниками, но и учеными последующих поколений.

В личности Сергея Ивановича примечательно то, что он не имел юридического образования, однако получив степень кандидата математических наук по воле судьбы попал на службу в министерство юстиции на должность старшего помощника столоначальника.

Так как С.И. Зарудный ранее учился на математическом факультете, то практически не имел представления о судебной системе России. Между тем, через столоначальника проходила вся переписка, связанная с преобразованиями в законодательстве России, а ее изучение, в течение нескольких лет, позволило ему вникнуть в суть многих вопросов законотворчества в России того времени, самостоятельно освоить и понять законы и их несовершенство. Этому также способствовало и самостоятельное изучение им законодательства иностранных государств.

Самообучение и личные качества Зарудного С.В. позволили ему приобрести авторитет. Он стал старшим юрисконсультантом при министерстве юстиции и к нему часто за советом обращались обер-прокуроры и сенаторы. Он блестяще выступал с докладами, они были образцом по содержанию и по поднесению. Один раз в его адрес вслух прозвучала неожиданная похвала от человека весьма жесткого и скупого на доброжелательность в отношении подчинённых, министра юстиции Панина В.Н, который с восхищением вслух произнес следующее замечание: «Если бы я раз в жизни написал такой доклад, то я считал бы, что жизнь моя прожита не напрасно»².

В октябре 1858 г. совместно с Н.И. Стояновским С.И. Зарудный принял участие в разработке реформы полиции. Результатом их совместной кропотливой работы стало принятие Государственным Советом в 1860 г. составленного ими «Закона о судебных следователях».

Но главным в его жизни стала подготовка высочайшего доклада о положении работ по судебной реформе, суть которого заключалась в передаче дел судебной реформы в Государственную Канцелярию, с привлечением к делу наиболее опытных юристов-специалистов А. М. Плавского, Н. А. Буцковского, Н. И. Стояновского и некоторых других.

И здесь опять большую роль сыграл его талант в подготовке докладов. 24 октября 1861 года по Высочайшему повелению при Государственной Канцелярии была образована особая Комиссия, с прикомандированными к ней

исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 128-131.

¹ Шигильдеева, Л. В. С. И. Зарудный и судебная реформа 1864 года // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 128-131.

² См.: Там же.

вышеуказанными известными юристами.

Работая над Уставами практически несколько лет Комиссия составила проекты Судебных Уставов и к ним образцовые научно-мотивированные обширные объяснительные записки (около 18000 печатных страниц). Проект был разослан для представления замечаний министрам, а их заключения вместе с поступившими раньше замечаниями были доложены Зарудным Государственному Совету. 20 ноября 1864 г. в Царском Селе «Судебные Уставы» удостоились Высочайшей подписи.

Является достоверно установленным историческим фактом, что после подписания 20 ноября 1864 года Судебных Уставов самый первый их печатный экземпляр 22 ноября был отправлен руководителем комиссии по разработке судебной реформы Бутковым В.П. С.И. Зарудному с следующей припискою: «Этот первый отпечатанный экземпляр Судебных уставов вручается Сергею Ивановичу Зарудному, как лицу, которому Судебная реформа в России более других обязана своим существованием. Он занимался этим делом со времени поступления в Государственный Совет первых проектов II отделения и вел все дело до конца. Он участвовал в работах по составлению основных положений, руководил работами по Уст. гражд. суд., деятельно занимался при обсуждении всех других проектов. При таких его трудах, цель коих было одно — искреннее желание совершить всю столь необходимую для пользы России реформу, конечно, первый отпечатанный экземпляр по праву должен принадлежать Сергею Ивановичу»¹.

В заключение следует отметить, что судебная реформа, проведенная в 1864 году со всеми ее положениями и новыми принципами, состоялась во многом благодаря деятельности Сергея Ивановича и группы талантливых юристов, в составе которых были Николай Андреевич Буцковский и Николай Иванович Стояновский. Они внесли огромный вклад не только в проекты по Судебным Уставам, но и в Российскую правовую науку.

Литература:

1. Костенко К.А. Об отцах, вдохновителях и авторах судебной реформы 1860-х гг. // Следственная деятельность: вопросы истории, теории и практики: сборник материалов Межрегион. научно-практической конференции (Хабаровск, 23 марта 2023 года) – Хабаровск: Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2023. – 134 с.
2. Костенко К.А. Обвиняемый и подозреваемый в состязательном уголовном процессе: монография. – ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2021. – 191с.
3. Костенко К.А. Историко-правовые аспекты современной модели права обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела // I Стояновские чтения «Российские следственные органы: прошлое,

¹ См.: Там же.

настоящее, будущее»: материалы научно практической конференции (Москва, 15 апреля 2021 года) / М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2021. С. 169-170.

4. Муратова Н.Г. История первых и современных дней судебной реформы 1864 года (взгляды современников) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014, № 3 С. 130.
5. Серов Д.О. Стояновский Н.И. и образование судебных следователей в России (1860-1864) [Электронный ресурс] // URL: https://bstudy.net/656767/literatura/stoyanovskiy_obrazovanie_instituta_sudebnyh_sledovateley_rossii_1860_1864 (дата обращения 14.10.2023).
6. Федоров К.В., Суздалева Т.Р. С.И.Зарудный и подготовка судебной реформы 1864 года // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 12-1 (51), 2020 С. 33-38.
7. Шайхутдинова А. Р. Подготовка и принятие Судебных уставов 1864 г.: основания реформы и источники. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 1. С. 94–101.
8. Шигильдеева, Л. В. С. И. Зарудный и судебная реформа 1864 года // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 128-131.

Л.А. Коханец

Проблемы применения института присяжных заседателей в России в работах Н.А. Буцковского

Аннотация. В статье приводятся и анализируются некоторые проблемные вопросы применения института присяжных заседателей в пореформенной России, обозначенные одним из разработчиков Судебных Уставов 20 ноября 1864 года – Николаем Андреевичем Буцковским в самом начале реализации судебной реформы. Приведенные проблемные вопросы сопоставляются с проблемами реализации института присяжных заседателей во второй половине XIX в.

Ключевые слова: судебная реформа, институт присяжных заседателей, Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, система судопроизводства.

Начало реализации судебной реформы в России связано с опубликованием Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, которые помимо принципиально новой, модернизированной системы судоустройства и положений нового судопроизводства содержали разъяснения по наиболее сложным вопросам их применения.

Представляя читателям свою работу «О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей» Николай Андреевич

Буцковский ставит целью не подготовку научного труда с серьезной проработкой текста Устава уголовного судопроизводства¹, в разработке которого он принимал самое активное участие, или подготовку комментариев, а обозначение основных проблемных вопросов по наиболее сжатым положениям этого устава которые, по его мнению, будут требовать подробного последующего разъяснения. «В виду исполнения этой обязанности, мы сделали ряд заметок, которые и предлагаем нашим читателям, как сырой материал»².

Представим лишь некоторые из проблемных вопросов, которые обозначил Н.А. Буцковский в своей работе.

К вопросам, которые потребуют более подробного разъяснения, Н.А. Буцковский относит проблему распределения судебных функций между присяжными заседателями и судьями. Если с первого взгляда, разрешение этой задачи, по мнению Николая Андреевича, представляется незатруднительной, то в действительности, это не так легко сделать, так как именно присяжные заседатели, помимо установления виновности подсудимого, достоверности фактов, доказывающие его виновность и «раскрытия внутреннего содержания этих фактов, как признаков настроения воли подсудимого», совместно с судьями должны участвовать в «определении, по закону, уголовной ответственности подсудимого», так как во-первых, мера наказания должна соответствовать мере вины, признанной присяжными, а во-вторых, перед определением уголовной ответственности подсудимого необходимо определить «юридический характер рассматриваемого дела, т.е. какому именно преступлению соответствует, по закону, признаки этого деяния», в чем присяжные заседатели, в силу неимения специализированного юридического образования, разбираться не должны³. Предвосхищая заявления некоторых «ученых теоретиков», с которыми сталкивался Николай Андреевич в ходе подготовки Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на которых они основаны, Н.А. Буцковский справедливо полагал, что в этом случае ни в одной из стран, где действует суд присяжных, не удалось бы организовать его работу, по причине отсутствия необходимого количества присяжных заседателей, имеющих должный уровень юридического образования.

Еще одной проблемой, беспокоящей Н.А. Буцковского, стала недопустимость требований, предъявляемых некоторыми «учеными теоретиками» к решениям присяжных заседателей в России по аналогии с английскими присяжными заседателями: «...разрешать единогласно наибольшее число дел, на совещании между собой в течение нескольких минут,

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – С.-Петербург, 1866.

² Буцковский Н. А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. - С.-Петербург, 1866. С. 5.

³ Там же. С. 13.

не сходя даже со своей скамьи»¹. При этом заявлялось, что такой принцип не приводит к безнаказанности преступников. В качестве аргументации приводилось значительно большее количество осужденных лиц английскими присяжными заседателями, нежели присяжными заседателями других стран, где действует принцип принятия решения большинством голосов присяжных заседателей. Николай Андреевич полагал и убедительно доказывал, что специфика работы английской судебной систем не может быть применима к российским реалиям и требует собственного переосмысления. «Чем более уголовный закон вдается в категорические определения и в разделения и подразделения преступлений на роды, виды, степени и различные оттенки злой воли, тем более он представляет пунктов в которых встречающиеся на практике случаи могут не указываться в его отражении и следовательно, тем труднее его применение и сохранение единообразия в его толковании»². Такое правильное и единообразное толкование закона может быть только у юридически грамотных, опытных присяжных заседателей, коими российские присяжные заседатели не являлись.

Уже тогда Буцковский Н.А. ясно осознавал и высказывал опасения на счет возможных проблем, связанных с недостаточной подготовленностью и незнанием процедуры ведения судебных заседаний присяжными заседателями. «Трудно заранее знать, каковы будут у нас судьи и присяжные. Но в виду того, что по судебным уставам судьями могут быть только лица, юридически образованные и удостоенные этого звания Высочайшей властью, а избрание присяжных не обусловлено никаким цензом умственного развития, и зависит более или менее от случая...»³.

Таким образом, введение института присяжных заседателей в России в ходе судебной реформы 1864 года было значительным прогрессивным явлением, однако его применение стало сопровождаться целым рядом проблем.

1. Недостаток профессиональной подготовки: Присяжные заседатели не имели специального образования или опыта работы в судебной системе. Это приводило к тому, что они не всегда полностью понимали правила процесса и могли делать ошибки при принятии решений.

2. Непредсказуемость решений: Присяжные заседатели, не состоящие на постоянной службе, могли испытывать давление общественного мнения и медиа. Это приводило к непредсказуемому и несистематическому принятию решений, которые не всегда соответствовали закону и доказательствам.

3. Манипуляции со стороны судей и прокуроров: Судьи и прокуроры имели возможность оказывать влияние на присяжных заседателей, управлять процессом и выносить решения, соответствующие своим интересам. Это подрывало принцип независимого и беспристрастного судебного решения.

¹ Буцковский Н. А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. - С.-Петербург, 1866. С. 21.

² Там же. С.22.

³ Там же. С. 32.

4. Коррупция: Введение института присяжных заседателей не привело к устранению коррупции в судебной системе. Были случаи, когда присяжные заседатели принимали решения в пользу взяточников или под воздействием коррупционных схем.

5. Нарушение принципа конфиденциальности: Работа присяжных заседателей часто приводила к публичному обсуждению деталей дела и имен его участников. Это нарушало принцип конфиденциальности и иногда вредило репутации заинтересованных сторон.

В целом, применение института присяжных заседателей после судебной реформы 1864 года стало даже вызывать сомнения в эффективности и справедливости судебной системы России. Во многом благодаря деятельности и трудам Буцковского Н.А., эти проблемы были признаны и в последующие годы проводились реформы с целью повысить профессионализм и независимость присяжных заседателей. Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей¹, не стоит забывать о том, что сами Судебные уставы значительно эволюционировали к уже к концу 80-х годов XIX века, появилось множество новых законодательных актов, уточняющего, дополняющего, разъясняющего характера; возникли расхождения между нормами судебных уставов и практикой их применения российскими судами, наблюдались различия в реализации судебной реформы в центре России и на ее окраинах.

Литература:

1. Буцковский Н. А. О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. – С.-Петербург, 1866. – 178 с.
2. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. – 256 с.
3. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. – С.-Петербург, 1867. – 503 с.

М.С. Кузнецов

Теория формальной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве: инструментарий для анализа правовых аргументов

Аннотация. В статье рассматривается с юридико-технических позиций теория формальной оценки доказательств как одна из технологий доказывания в дореформенном уголовном судопроизводстве. Автором исследуется законодательный переход от правовой опоры суда на юридическую

¹ Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. С.7.

достоверность, к главенству внутреннего убеждения суда, и совершенно новому типу уголовно-процессуального доказывания, принятому по итогу судебной реформы 1864 года. Автор приходит к выводу, что вопреки созданной идеологической пленке вокруг несостоятельности формальной теории оценки доказательств, ее действительное значение необходимо воспринимать как достижение общечеловеческого опыта в разрезе становления уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; формальная теория оценки доказательств; внутреннее убеждение суда; оценка доказательств; механизм доказывания; доказательственная модель.

Современное Российское государство нацелено на то, чтобы обеспечить социальную справедливость во всех сферах общественной жизни. Подобное стремление невозможно представить без эффективного уголовного судопроизводства, которое, с одной стороны, должно обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех виновных, а с другой, создать надежные условия соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина.

Для решения этой двуединой задачи наука уголовного процесса должна включить в свою орбиту все достижения отечественного и мирового уголовного судопроизводства. В первую очередь, данная целевая установка касается методологического ядра уголовного судопроизводства – теории доказательств.

На современном этапе развития юридической науки пришло время для беспристрастного исследования прошлых достижений уголовного процесса, данный тезис носит особую актуальность, в связи с постоянным внесением изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ¹.

Автор разделяет позицию исследователя М.А. Тюленевой, что «в условиях продолжающегося в России реформирования судебной системы и адвокатуры актуальным представляется обращение к историческому опыту решения сложнейших научно-теоретических и политико-правовых проблем в сфере правосудия и правозащитной деятельности»².

В процессе развития отечественного уголовного судопроизводства применялись различные доказательственные модели. Бесспорно, формальная теория оценки доказательств имеет продолжительную историю развития как некий инструментарий для анализа правовых аргументов используемый судом. Данный тезис предопределяет исследовательский интерес к рассмотрению технико-юридических достижений данной доказательственной парадигмы.

Автор поддерживает мнение исследователя А.С. Александрова, отмечавшего в своей монографии, посвященной судебной лингвистике, место формальной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Электронный ресурс. Москва, 2023. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.11.2023).

² Тюленева М.А. Влияние политико-правовых взглядов В.Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве (вторая половина XIX - начало XX вв.): дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2021. С. 3.

теории оценки доказательств как одну из технологий доказывания на ее первоначальном этапе становления: «имеющая базовой интеллигибельной моделью признание и жанр письменной речи (протокол), как средство удостоверения (производства) юридического смысла (техники: присяга, пытка, допрос подсудимого, очная ставка, повальный обыск)»¹.

Рассматриваемая доказательственная модель при производстве по уголовному делу, во многом использовала специфические процессуальные приемы и способы отыскания юридической истины, которые вытекали из реалий развития общественных отношений в рассматриваемый исторический этап.

Предваряя исследование технико-юридических особенностей формальной теории оценки доказательств, автор желает остановиться на характеристике такой правовой категории как юридическая достоверность. Заслуживает уважение мнение исследователя А.Я. Вышинского констатирующего что: «теория формальных доказательств заботилась о том, что бы судебский приговор соответствовал так называемой юридической достоверности»².

Подобного мнения придерживается и исследователь Л.Е. Владимиров: «основная идея, на которой опирается формальная теория доказательств, заключается в том, что приговор судебский должен основываться на юридической достоверности»³.

Представляется что в содержании данной доказательственной теории, юридическая достоверность вытекала из целой совокупности нормативных положений, посвященных степени «доказательственности» каждой категории улик.

В подтверждении изложенного тезиса, на основе анализа отечественной эмпирической базы, посвященной формальной теории оценки доказательств, представим авторскую классификацию элементного состава составляющего оригинальный процессуальный механизм доказывания рассматриваемой теории: закрытый перечень видов (источников) доказательств; формальные требования к доказательствам; развитые критерии оценки доказательств; юридические презумпции; фрагментарные нормативные положения, посвященные свойствам доказательств.

Кроме выделенных автором основных элементов в содержании формальной теории оценки доказательств, возможно, выделить особую роль устоявшейся практики применения норм уголовно-процессуального законодательства, которая не была формализована законодательством.

Выделим классификацию в отношении интерпретации доказательств на примере Отделения второго «О силе доказательств и улик в особенности»

¹ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003 г. С. 125-126.

² Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. С. 87.

³ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части общая и особенная. Спб., 1910. С. 58.

Книги 2 «Законов о судеустройстве по делам о преступлениях и проступках» Тома XV Свода законов Российской империи 1832 года:

1. Несовершенное доказательство. В данную категорию, возможно, отнести судейский осмотр, показание одного свидетеля, письменные доказательства, личный осмотр, «заклучения сведующих людей» и др., которые в совокупности не образовывали совершенное доказательство и «не исключали возможность недоумевать о вине подсудимого».

2. Совершенное доказательство. Образовывалось отдельными уликами, например показаниями двух «достоверных» свидетелей или вытекало из собственного признания, которое при соблюдении требований прекращало производство по делу с вынесением соответствующего приговора.

3. Смешанное доказательство. Формировалось различными доказательствами, количество которых в совокупности было недостаточным для вынесения обвинительного приговора, образовывало разумные сомнения в виновности лица.

4. Улики или признаки преступления. Под данной характеристикой источник выделял 15 обстоятельств, указывающих на совершение преступления.

5. Факты, обыкновенно вызывающие только предположение.

В продолжение к сказанному остановимся на некоторых нюансах постановления судами приговоров в рамках формальной теории оценки доказательств. Исследуемая доказательственная модель, кроме традиционного, для современного отечественного уголовного процесса, видового разделения приговоров на обвинительный и оправдательный, выделяла «оставление в подозрении» как дополнительную разновидность итогового решения суда.

Формальная доказательственная модель, действующая на основе Свода Законов Российской империи 1832 года, содержала следующую нормативную установку: если в рамках производства по уголовному делу было собрано несколько несовершенных доказательств, не образовывавших доказательственного значения совершенного, относящихся соответственно к виновности обвиняемого, то в отношении данного гражданина выносился приговор – «оставление в подозрении». Стоит отметить, что данная разновидность приговора суда, не подразумевала применение к гражданам тяжких видов наказаний и тем более смертной казни.

Предметно к вопросу о регламентации разделения доказательств в рассматриваемой доказательственной модели автор желает привести мнение ученого В.Т. Томина: «доказательства брались не из дела, а совершенно вне его; они сводились к полю, ордалиям и присяге; суд не оценивал доказательства по связи их с делом, а лишь удостоверял наличность и правильность представления их...»¹.

Автор разделяет мнение заслуженного исследователя М.Н. Гернета, сводившего механизм доказывания формальной теории оценки доказательств к

¹ Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин и др. М.: Издательство Юрайт, 2009. С. 221.

«механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее были определены законом»¹.

Подводя итог, отметим что в процессе достижения правосудия, в рамках формальной теории оценки доказательств использовались специфические правовые пути, незнакомые действующему уголовному судопроизводству, но они соблюдали общие логические принципы на рассматриваемом этапе развития уголовно-процессуальных норм. Не вызывает сомнений что уровень развития процессуальных норм в рассматриваемый период времени, с его особенностями уголовно-процессуальных отношений, должен рассматриваться с условной оговоркой. Рассматриваемая доказательственная модель, несомненно, с ее, во многом радикальными, нормативными положениями, должна рассматриваться как результат многовекового человеческого опыта в рамках развития уголовно-процессуального законодательства.

Литература:

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия. 2003. 419 с.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части общая и особенная. Спб., 1910. 400 с.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 248 с.
4. Гернет М.Н. Устав Уголовного судопроизводства. Систематический комментарий.- М.: Издание М.М. Зива, 1914. 306 с.
5. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин и др. М.: Издательство Юрайт, 2009. 376 с.
6. Тюленева М.А. Влияние политико-правовых взглядов В.Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве (вторая половина XIX - начало XX вв.): дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тюленева Марина Александровна. Нижний Новгород. 2021. 210 с.

А.В. Ламтева

Уголовно-процессуальный порядок: притяжение состязательных и розыскных начал

Аннотация. Уголовный процесс начиная с 1864 года перестроился на состязательные рельсы. Был введен институт присяжных заседателей, была сделана ставка на теорию свободной оценки доказательств и др. Современный уголовный процесс базируется на Уставе уголовного судопроизводства 1864

¹ Гернет М.Н. Устав Уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. М.: Издание М.М. Зива, 1914. С. 2-3.

года и за прошедшие 159 лет были улучшены юридико-техническая и концептуальная составляющие отдельных процессуальных действий, форм, стадий и институтов. В этой связи возникает закономерный вопрос: к какому порядку (типу) относится отечественный уголовный процесс 19 века и 21 века если последний базируется на первом?

Ключевые слова: тип, порядок, суд, присяжный заседатель, судебный следователь, повод, притяжение.

Г.В.Ф. Гегель в своем научном труде «Наука Логики» проводит интересную параллель между такими понятиями как «отталкивание» и «притяжение». «Отталкивание – это, прежде всего, саморасщепление «одного» на «многие»... отталкивание переходит в притяжение, многие «одни» в единое «одно»¹. Г. Гегель отмечает, что отталкивание – это реальность, а притяжение – положенная идеальность. Отталкивание выступает предпосылкой притяжения.

Данную логико-философскую формулу можно распространить и на уголовно-процессуальную сферу. Состязательность, словно процессуальное солнце, осветило собой уголовное судопроизводство 1864 года, оттолкнув розыскные начала и отказавшись от многих апробированных технологий (система формальной оценки доказательств, период расследования, не подчиненных институту сроков, пытка как способ проверки и получения доказательств и др.). Визитной карточкой уголовного процесса 19 века является внедрение института присяжных заседателей, признание за обвиняемым положения стороны по уголовному делу с правами, равными стороне обвинения и др.

Но при этом, современный уголовный процесс мало кто в чистом виде считает состязательным, более популярной является точка зрения о его смешанном характере, что позволяет судить о нем как о следственно-состязательном. Если руководствоваться философией Г. Гегеля, то мы наблюдаем закономерный процесс: идея состязательности вытесняет розыскной тип, чтобы в дальнейшем притянуть его к себе вновь, потому как отталкивание – предпосылка притяжения.

И.Я. Фойницкий отмечал, что вся система уголовно-процессуальных институтов определенного исторического периода образует именно *порядок* уголовного судопроизводства. С учетом более современной терминологии уместно говорить о *типах* уголовного процесса.

Относительно наименования порядков (типов) всегда имело место множество дискуссий. Одна из точек зрения звучит так: с момента принятия Устава Уголовного судопроизводства в 1864 году уголовный процесс перестроился на состязательные рельсы, изменив траекторию своей направленности и полностью отказавшись от розыскных (инквизиционных) начал. Другая позиция заключается в том, что такой однозначный и полный концептуальный отказ и смена уголовно-процессуальной идеологии

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Издательство АСТ. 2021. С. 174.

невозможны одновременно. Скорее всего, базисом стала идея состязательности, но надстройкой продолжила оставаться розыскная теория с определенными гуманистическими коррективами.

В этой связи центральный вопрос данной статьи заключается в следующем: является ли отечественный уголовный процесс с 1864 года состязательным или имело место слияние розыскных и состязательных начал?

Рассмотрим пять критериев, по которым будем анализировать уголовно-процессуальный порядок 19 века:

1). Поводы для возбуждения уголовного дела.

Формула для инициирования уголовного преследования идентична как для 2023 года, так и для 1864 года: должны быть повод и основание (ст. 262 Устава уголовного судопроизводства 1864 года и ст. 140 УПК РФ). Согласно ст. 297 УУС 1864 года выделялось пять поводов для возбуждения уголовного дела: 1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) возбуждение дела прокурором и 5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя. По сравнению с ч. 1 ст. 140 УПК РФ изменился взгляд законодателя на роль прокурора в решении вопроса о возбуждении уголовного дела, сегодня этого полномочия он лишен, но при этом его постановление согласно п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ является одним из ключевых поводов для возбуждения уголовного дела. Из УУС 1864 года наиболее интересным представляется возможность самого судебного следователя возбуждать уголовное дело по своему усмотрению и тот факт, что это расценивается законодателем 19 века как самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела. Не смотря на большую процессуальную самостоятельность следователя XXI века последний возбуждает уголовное дело только при наличии повода (не связанного с его личностью) и основания, получаемого по итогам доследственной проверки, длящейся в течение трех (до десяти, либо до тридцати суток).

2). Функция следователя.

Согласно ст. 265 УУС 1864 года «При производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие».

Это важное положение, раскрывающее сущность работы как следователя современного, так и судебного следователя. Задача – установить истину по уголовному делу и если при этом обнаруживаются оправдательные доказательства, они приобщаются к материалам уголовного дела. При необходимости – уголовное дело подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям. Именно об этом, в том числе, свидетельствует ч. 2 ст. 6 действующего УПК РФ.

УПК РФ относит следователя к участникам со стороны обвинения в соответствии со ст. 38 УПК РФ и гл. 6 УПК РФ в целом. Большинство действующих практических сотрудников убеждено, что следователь выполняет

именно функцию обвинения, в то время как доктринальное воззрение на эту проблематику абсолютно противоположно. В этом смысле согласимся с рассуждениями советских ученых-процессуалистов, связанными с выделением ими функции предварительного расследования, присущей именно следователю, работа которого состоит из симбиоза задач по защите, обвинению и в отдельных случаях – в разрешении уголовного дела по существу на своем процессуальном этапе, например, при прекращении уголовного дела, либо при направлении уголовного дела прокурору вместе с обвинительным заключением и др.

УУС 1864 года в качестве технологических инструментов для собирания, проверки и оценки доказательств в своем арсенале предусматривал: осмотр и освидетельствование (ст. 321), обыск и выемка (ст. 258), допрос (ст. 398 и 433), очная ставка (ст. 452). В действующем УПК РФ по разным подсчетам можно выделить от 12 до 16 следственных действий, в частности, добавился следственный эксперимент, предъявление для опознания, назначение судебной экспертизы и др.

3) Движение по уголовному делу.

В соответствии со ст. 277 УУС 1864 года судебный следователь самостоятельно был не вправе сам прекратить уголовное дело. Это мог сделать только судья. Когда отсутствовали основания для продолжения следствия, судебный следователь должен был приостановить производство и спросить разрешения для прекращения уголовного дела у судьи через прокурора.

Современный следователь в этом смысле обладает большей процессуальной самостоятельностью. Он вправе сам определять ход расследования. В соответствии со ст. 276 УУС 1864 года в случае, если обвиняемый скрывался от следствия или не был установлен, судебный следователь продолжал осуществлять следствие. Аналогичная ситуация имеет место и сегодня – только по истечении срока следствия и выполнения всех возможных и необходимых следственных действий следователь может приостановить производство по уголовному делу по п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Возникает один интересный парадокс: уголовный процесс 1864 года и последующие десятилетия принято именовать состязательным. Современный процесс, который базируется на постулатах 1864 года, приобрел технологические черты, повысившие качественную составляющую этой состязательности, но при этом он именуется смешанным (или следственно-состязательным). Полагаем, что он либо был состязательным начиная с 1864 года и им же остался. Либо же он изначально с 1864 года был следственно-состязательным, эти пропорции немного скорректировались, но сама его сущность от этого кардинальных изменений не приобрела.

Приведем на этот счет точку зрения Случевского В.К. В контексте следственного (розыскного) типа он отмечает, что суды рассматривали раскаяние подсудимого не как доказательство нравственного возрождения сознавшего, но как доказательство враждебного отношения к обществу и необходимости применения к нему наказания. Публичный интерес для судов

связан с необходимостью применения наказания к преступнику. Все средства, обеспечивающие торжество материальной истины, стали признаваться пригодными. На смену такой научной парадигме пришел следственно-обвинительный тип процесса: «сознание несостоятельности формальной теории доказательств вывинуло на первый план необходимость создания, в форме внутреннего убеждения, судейского критерия для оценки уголовных доказательств»¹, затем стало набирать популярность идея участия народного элемента в отправлении правосудия. Необходимость в новых правилах и критериях для оценки доказательств привела к идее соединить обвинительный и следственный типы процесса, а именно при помощи обогащения господствующего следственного типа примерами обвинительной формы. За эталон было взято законодательство Англии, так как судебный режим этой страны никогда не знал следственного процесса. Там имел место обвинительный тип уголовного процесса с рядом национальных особенностей².

Фактически, можно предположить, что под *следственно-обвинительным* типом процесса В.К. Случевский имеет в виду именно *состязательный тип* уголовного процесса.

В пользу авторского предположения свидетельствует следующая цитата: «Когда не существует настоящей нужды в усиленном ограждении государственных интересов и поглощении ими интересов личности, полицейский элемент исчезает из процесса, и судъ из орудія управления превращается въ нормальный институтъ правосудія... - процессъ становится обвинительнымъ, или состязательнымъ»³.

4) Права лица, подавшего жалобу (можно вести речь о правах потерпевшего): согласно ст. 304 УУС 1864 года гражданин, подавший жалобу, имел право в том числе «присутствовать *при всех* следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям», а также «требовать на свой счет выдачи копий всех протоколов и постановлений»⁴. Это представляется разумным. Современный законодатель несколько сузил права потерпевшего в этой части. Согласно п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший может участвовать в следственном действии с разрешения следователя, если он сам (потерпевший) ходатайствовал о его производстве. И только по завершению предварительного расследования потерпевший может ознакомиться со всеми материалами уголовного дела. Согласно ст. 216 УПК РФ потерпевший знакомится с материалами уголовного дела только при заявлении соответствующего ходатайства с его стороны. Полагаем, что потерпевший должен иметь право на бесплатное получение копий ключевых процессуальных

¹См.: Случевский В.К. Учебникъ русскаго уголовного процесса // Издание 4, доп. и испр. С. – Петербургъ. Типографія М.М. Стасюлевича. 1913. С. 46.

²См.: Случевский В.К. Учебникъ русскаго уголовного процесса // Издание 4, доп. и испр. С. – Петербургъ. Типографія М.М. Стасюлевича. 1913. С. 47.

³См.: Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ Н.Н. Розина // Издание Юридическаго книжнаго склада «Право». 1916. С. 342.

⁴См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // URL.: <https://base.garant.ru/57791498/?ysclid=lpkvuccog9597153665> (дата обращения: 30.11.2023).

документов для качественной подготовки к выступлению в суде со стороны обвинения. Наличие профессионального государственного обвинителя не должно поглощать собою функцию потерпевшего.

5) Состав суда и его роль в разрешении уголовного дела по существу.

Согласно ст. 595 УУС 1864 года судебное заседание осуществлялось в количестве *не менее трех судей*, один из которых должен был быть председателем суда. Кроме этого, в суде должен был присутствовать прокурор (или его товарищ), а также секретарь судебного заседания (либо его помощник).

В соответствии со ст. 612 УУС 1864 года «Председатель суда должен предоставлять каждому подсудимому всевозможные средства к оправданию». Согласно ст. 630 УУС 1864 года у прокурора и подсудимого обладали равными правами в судебном состязании на предоставление доказательств, заявление отводов, дачу замечаний и объяснений по поводу действий, происходящих в суде, а также право на опровержение доводов оппозиционной стороны.

Если уголовное дело разрешалось с участием присяжных заседателей, то их количество должно было быть равным 12, а также 2 присяжных находились в суде в качестве запасных. Сегодня количество присяжных сокращено вдвое – для районного суда (должно присутствовать 6 человек), для суда субъекта необходимо наличие 8 присяжных заседателей. Аргумент в пользу изменения общей численности сводится к неявке граждан для выполнения своего гражданского долга. Однако этот фактор имел место и в 19 веке. Согласно ст. 651 УУС 1864 года если присяжный заседатель не являлся в суд без уважительной причины, то в первый раз ему назначалось денежное взыскание от десяти до ста рублей, во второй раз - от двадцати до двухсот рублей. Этот механизм следовало бы распространить и на современных присяжных, заменив лишь единицы исчисления денежного взыскания с рублей на тысячи.

Николай Андреевич Буцковский, будучи одним из разработчиков Устава уголовного судопроизводства 1864 года, высказывает ряд важных положений, связанных с судом присяжных: «Казалось бы, что для этого стоит только фактическую сторону дела отделить от его юридической стороны, и предоставить обсуждение первой – присяжнымъ, а второй – судьямъ. Но в действительности это не такъ легко сделать, какъ кажется»¹. В рассуждениях Н.А. Буцковского усматривается идея о том, что присяжные в полной мере влияют на итоговый приговор, постановляемый судьей, даже не смотря на то, что они оценивают лишь фактическую сторону дела. Приведем подтверждения этому тезису: судья определяет наказание с учетом того деяния, которое, по мнению присяжных заседателей, совершил (или не совершил) подсудимый. Установление объективной стороны преступления также находится в определенной зависимости от мнения присяжных. Вердикт суда присяжных ХХI века также имеет определяющее значение для судьи, но с учетом

¹См.: Н.А. Буцковский. О приговорахъ по уголовнымъ деламъ, решаемымъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей // Санкт-Петербургъ. 1866. Типографія Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцеляріи. С. 13.

благоприятного положения для подсудимого: если вердикт оправдательный – судья обязан вынести оправдательный приговор, если вердикт обвинительный, судья при наличии внутреннего убеждения и достаточной доказательственной базы может вынести оправдательный приговор.

Статья 766 Устава уголовного судопроизводства 1864 года демонстрирует переход на свободную систему оценки доказательств: «Судьи должны определять вину или невинность подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на обсуждении в совокупности всех обстоятельств дела»¹.

*Bonum factum*²: Именно такой посыл нес в себе Устав уголовного судопроизводства 1864 года для отечественной юриспруденции в целом. Н.А. Буцковский, являясь одним из его разработчиков, в своем научном труде «О приговорахъ по уголовнымъ деламъ, решаемымъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей» отмечает, что для того, чтобы внедрить в уголовное судопроизводство России новые начала, были созданы судебные уставы в 1864 году. Они должны были «развить новые въ юридическомъ быту начала, примененію которыхъ весьма мало можетъ способствоватьъ прежняя судебная практика...»³. Альтернативная точка зрения ученых и практиков того периода заключается в том, что уставы вносят в «судебную практику чужеземные приемы и порядки, определяемые более или менее тою средою, въ которой общечеловеческія начала суда приводятся въ действіе».

Полагаем, что разработка и принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года – несомненное благо. Современный УПК РФ во многом базируется на нем, лишь точно отшлифовывая отдельные институты и добавляя новые статьи с учетом меняющихся реалий – институт особого порядка уголовного судопроизводства, дознание в сокращенной форме, цифровизация отдельных процессуальных действий и др.

Полагаем, что уголовный процесс 19 века по сравнению с предшествующим ему розыскным порядком можно именовать именно состязательным, так как любое сравнение производится относительно конкретного предмета и временного хронометража. За прошедшие 159 лет уголовное судопроизводство приобрело еще больше состязательных штрихов, но большая часть ученых и практиков теперь именуют его смешанным. Это происходит потому, что его сравнивают с самим собой и он уже не кажется таким идеальным как 159 лет назад. Общество ориентировано на увеличение количественной и качественной составляющих состязательных процедур, не замечая при этом, что уголовное

¹См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // URL.: <https://base.garant.ru/57791498/?ysclid=lpkvuccog9597153665> (дата обращения: 30.11.2023).

²См.: На благо и счастье! С этой фразы начинались указы римских императоров // Вечные истины на вечной латыни. De verbo in verbum: Латинские изречения / Сост. С.Б. Барсов. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф. 2015. С. 58.

³См.: Н.А. Буцковский. О приговорахъ по уголовнымъ деламъ, решаемымъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей // Санкт-Петербургъ. 1866. Типографія Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцеляріи. С. 10.

судопроизводство давно перестроено на состязательные рельсы, просто совершенству нет предела.

Литература:

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // URL.: <https://base.garant.ru/57791498/?ysclid=lpkvuccog9597153665> (дата обращения: 30.11.2023).
2. Буцковский Н.А. О приговорахъ по уголовнымъ деламъ, решаемымъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей // Санкт-Петербургъ. 1866. Типографія Второго Отделенія Собственной Е.И.В. Канцеляріи. С. 13.
3. Вечные истины на вечной латыни. De verbo in verbum: Латинские изречения / Сост. С.Б. Барсов. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф. 2015. С. 58.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Издательство АСТ. 2021. С. 174.
5. Случевский В.К. Учебникъ русскаго уголовного процесса // Изданіе 4, доп. и испр. С. – Петербургъ. Типографія М.М. Стасюлевича. 1913. С. 46.
6. Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ Н.Н. Розина // Изданіе Юридическаго книжнаго склада «Право». 1916. С. 342.

О.В. Макарова

**Очерки Н.А. Буцковского о кассационном порядке
по Судебным уставам 1864 г.**

Аннотация. Статья посвящена творчеству Н.А. Буцковского, одному из авторов судебных преобразований второй половины XIX века. Важнейшим направлением научной деятельности Н.А. Буцковского, на протяжении многих лет, являлось исследование проблем, связанных с учреждением Высшего кассационного суда и введением кассационного порядка обжалования судебных решений и приговоров. Его идеи оказали определенное влияние на развитие контрольно-проверочных производств в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., Буцковский, очерки, кассационный порядок.

Николай Андреевич Буцковский является одним из авторов судебных преобразований второй половины XIX века. Он принимал самое деятельное участие в составлении проектов, как основных положений судебных преобразований, так и самих Судебных уставов 1864 г. Так, будучи главным редактором Устава уголовного судопроизводства подготовил записки «Об основных началах уголовного судопроизводства». Занимая пост сенатора

Уголовного кассационного департамента, Н.А. Буцковский совмещал практическую деятельность с научно-исследовательской. Для него было важным в своих исследованиях сравнить основные положения судебной реформы, реализованные в Судебных уставах, с практическим их применением, с выводами из судебной практики в решениях кассационных департаментов правительствующего Сената.

Огромное историческое значение имеют его научные изыскания по уголовному процессу, которые занимают видное место в отечественной юридической литературе. Незадолго до своей смерти Н.А. Буцковским был подготовлен к печати сборник его юридических трудов, которые в разное время были опубликованы в виде брошюр и журнальных статей. В указанном сборнике содержатся очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. Задача этих очерков состояла в том, чтобы ознакомить читателей с новыми судебными порядками «в их главных основаниях и в существенных условиях и требованиях»¹. Они давали точку опоры для верного распознавания как смысла отдельных статей законов, так и целых институтов. При этом в сборнике вначале рассмотрены вопросы по уголовным делам, поскольку, во-первых, в Уставе уголовного судопроизводства правила кассационного порядка изложены более подробно, чем в Уставе гражданского судопроизводства. Во-вторых, Н.А. Буцковскому представляется очевидным, и с ним нельзя не согласиться, что при рассмотрении уголовных дел нельзя допустить такого же простора в толковании закона, какой допускается по делам гражданским. Иначе любое нарушение порядка производства (процедуры) может быть рассмотрено как не соответствующее закону.

Рассматриваемый период явился началом развития отечественного института кассации по уголовным и гражданским делам.

Общеизвестно, что учреждение кассационного суда и зарождение института кассации, берут свое начало во Франции, где кассационное обжалование являлось экстраординарной процедурой пересмотра законности итоговых решений судов и продолжает оставаться в этом статусе².

В Судебных уставах 1864 года кассационное учреждение, в целом, похоже на существующее во Франции, но с определенными отличительными, характерными чертами российского кассационного суда.

Предназначение кассационного суда заключалось в том, чтобы не позволять судьям на местах под предлогом справедливости, часто произвольной, отступать от предписанных правил и выполнять волю законодателя, поскольку это считалось равноценным уничтожению законодательной власти. В этом смысле кассационный суд был учреждением, обеспечивающим необходимую опору для законодателя. Следовательно, неизменным условием для

¹ Буцковский, Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Санкт-Петербург, 1874. Предисловие.

² Спиридонов М.С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск. 2020.

устройства и поддержания порядка в государстве является контроль за точным исполнением законов судьями. Таким образом, призвание кассационного суда реализуется в укреплении государственной власти и упрочении незыблемости государства.

Судебные преобразования во второй половине XIX века были связаны с идеей поставить во главе судебного устройства правительствующий Сенат в статусе Верховного (Высшего) кассационного суда. Не рассматривая дел по существу, на него возлагались полномочия по надзору за точным исполнением законов, а также за его единообразным исполнением всеми судами Российской Империи.

Мировой съезд являлся судом второй инстанции, который пользовался кассационными правами как придаточной властью. Толкуя закон по одному делу, мировой съезд сам применял его к другому делу, и таким образом совмещал в себе и толкование, и исполнение закона¹.

Существовали разные подходы к инстанционности кассационных судов. Например, сенатор Н.А. Буцковский считал, что единство кассационной практики возможно было обеспечить через «товарищей прокуроров», которые в своих заключениях должны были ссылаться именно на решения Сената².

Предварительное рассмотрение просьб о кассации в особом департаменте кассационного суда признавалось излишним. Также, как и вызов, участвующих в деле лиц, поскольку кассационное производство не требует состязательности сторон.

Европейское законодательство, рассматриваемого периода, знало два типа кассации: в интересах закона и в интересах дела. Кассация в интересах закона была чужда классической русской кассации. Кассация строилась на таких принципах как: равный для всех сословий порядок обжалования; состязательность сторон – пересмотр может происходить только по желанию сторон и в пределах кассационного отзыва; гласность и устность кассационного разбирательства.

Объектом кассационной проверки подлежали только окончательные приговоры, постановленные по существу дела, которые при этом в законную силу еще не вступили.

По мнению Н.А. Буцкого, кассационный пересмотр уголовного дела ограничивается только рассмотрением юридических вопросов состоявшегося приговора и не касается рассмотрения дела по существу³.

Очерки Н.А. Буцкого, которые по сути представляют собой комментарии и личные размышления по поводу положений, определяющих кассационный порядок по Судебным уставам 1864 г., имели большое практическое значение в

¹Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Санкт-Петербург, 1874. С. 194.

²Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 165-166.

³ Буцковский Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). - Санкт-Петербург: тип. 2-го Отд. Собственной е. и. в. канцелярии, 1872. С. 30.

деятельности кассационных департаментов Сената, а также для подсудимых того времени, которые «не изучали юриспруденции и едва ли в состоянии будут благоразумно пользоваться новым способом судебной защиты, без подробного комментария на эти положения»¹.

Изучение очерков Н.А. Буцковского о кассационном порядке по Судебным уставам 1864 г. позволяет поддержать вывод о том, что «классическая русская кассация заметно повлияла на дальнейшее эволюционирование контрольно-проверочных производств в уголовном процессе. Ее отдельные черты были переняты как советской кассацией, так и современной кассацией»².

Литература:

1. Буцковский, Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Санкт-Петербург, 1874. [6] VI. - 616 с.
2. Буцковский, Н.А. Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным (предсудимым). Санкт-Петербург, 1872. 59 с.
3. Пржиленский И.В. Развитие оснований пересмотра приговора в дореволюционном уголовном процессе России // Общество и право. 2016. №2 (56). С. 34-38.
4. Спиридонов М.С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Челябинск. 2020.

И.В. Маслов

Эволюция оценки уголовно-процессуальных доказательств в свете фундаментальных научных открытий XX века

Аннотация. В статье рассматривается история оценки доказательств от средневековых ордалий, через формальную теорию к свободной оценке. Подчеркивается, что без признания обвиняемым вины, толика сомнений в достижении объективной истины всегда остается. Указываются гносеологические основы доказывания – достижения естественных наук. Делается вывод, что современное доказательственное право, предусматривающее лишь два когнитивных исхода уголовно-процессуального познания: доказано, не доказано отстало от достижений квантовой физики и теории относительности.

¹ Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. Санкт-Петербург, 1874. С. 14.

² Пржиленский И.В. Развитие оснований пересмотра приговора в дореволюционном уголовном процессе России // Общество и право. 2016. №2 (56). С. 38.

Ключевые слова: теория доказательств; доказывание; оценка доказательств; формальная логика; классическая физика; теория относительности; квантовая физика.

Не вдаваясь глубоко в историю вопроса о порядке оценки достаточности доказательств для постановления обвинительного приговора в период средневековья, а по данной теме есть достаточное количество литературы как обзорного¹, так и монографического характера². Кратко отмечу, что в те времена либо вопрос виновности представлялся судьям самоочевидным, когда выдвинутые против обвиняемого улики увенчивались его признанием. Либо оценка достаточности доказательств производилась через ордалии.

В последующем ордалии заменяются формальной оценкой доказательств, когда одно из доказательств в силу своего характера имеет большее значение, чем другое и одна совокупность доказательств имеет преимущества над другой. Доказательства делятся на:

совершенные – достаточные для вынесения обвинительного приговора;
несовершенные – количественное накопление которых никогда не претерпевало качественных изменений и всегда было недостаточно для признания виновным.

Укажем лишь отдельные совершенные доказательства:

- явка с повинной и признание вины, являются не только совершенным доказательством, но и «царицей доказательств»³, но при условии признания в суде. Признание вне суда – несовершенное доказательство;

- показания двух уважаемых свидетелей об одних и тех же обстоятельствах – совершенное доказательство, когда показания одного такого лица признавалось недостаточным (несовершенным доказательством);

- показания сведущих лиц, если они не противоречат обстоятельствам дела – совершенное доказательство. Следует отметить, что на современном процессуальном языке «показания сведущих лиц» означает «заключение эксперта».

Теория формальных доказательств имела под собой определенные научные основы, сделанные на основе эмпирических закономерностей и номотетических обобщений.

¹ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки, изд. 2-е испр. М., 2017. Истории развития уголовного процесса посвящены Главы 3-5, где затронутые проблемы, излагаются в самом сжатом виде. С. 125-225.

² Средневековому уголовному процессу и судоустройству России посвящена монография *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени, пер. с англ. П.И. Прудовского, М.С. Меньшиковой, А.В. Воробьева, Е.А. Кирьяновой, Е.Г. Домниной, науч. ред. А.Б. Каменский. М., Новое литературное обозрение. 2016, - 616 с. Электронный ресурс URL: <https://pravo.studio/prava-rossii-gosudarstva-istoriya/prestuplenie-nakazanie-rossii-rannego-novogo.html>. Дата обращения 5.12.2018.

³ В ст. 316 т. XV Свода законов Российской Империи употребляется дефиниция «собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света».

Это теория являлось отзеркаливанием законов классической физики, которые в свою очередь основываются на статистике: повторяемости экспериментов, дающих один и тот же результат.

Формальная теория оценки доказательств учитывала психологию поведения человека и ориентировала судей на применение данных закономерностей.

Человеку не свойственно сознаваться в совершении негативных поступков, скорее наоборот приписывать себе поступки позитивные. Тем более несвойственно брать на себя чужую вину, когда за признанием неминуемо наступит наказание.

Таким образом, признание вины, при соблюдении двух условий:

- добровольности этой транзакции;
- отсутствия иных оснований к признанию (взять на себя вину любимого человека; несовершеннолетний, руководствуясь ложной солидарностью, берет на себя вину взрослого, стремясь к повышению своего статуса в криминальной иерархии и пр.);

по ценности и силе своих качественно-количественных характеристик перевешивает любое другое доказательство.

Ордали и формальная оценка доказательств заменяется свободной оценкой доказательств. В России смена доказательственной парадигмы происходит при принятии Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Парадигма свободной оценки доказательств базировалась на безграничной вере в могущество человека, помещенного философами гуманистами в центр мироздания и являющегося высшей формой организации материи. Свое завершение эта философия получила в диалектическом материализме: *Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм*¹. Человеку доступна объективная истина не только в теоретическом плане, но и при осуществлении любой иной, в том числе и судопроизводственной деятельности.

Гносеологическую основу диалектического материализма и свободной формы оценки доказательств составили *Механицизм физики Исаака Ньютона*, основанной на трех законах классической механики:

тело находится в состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения при равнодействии всех сил или их отсутствия;

сила действия равна силе противодействия;

ускорение, пропорционально равнодействующей всех сил и обратно пропорционально массе тела. Механицизм физики Ньютона получил свое философское развитие в трудах Пьер-Симона Лапласа. Если Архимед, обещал перевернуть Землю, если ему предоставят точку опоры (рычаг подразумевался по умолчанию), то Лаплас говорил: «Дайте мне положения и скорости всех

¹ При этом мало кто обращает внимание на то, что указанные мыслители привнесли в понятие объективной истины крупинку неопределенности, когда ранее истина представлялась чем-то незыблемым и раз и навсегда установленным.

частиц в мире, и я рассчитаю его будущее на сколь угодно далекие времена, вплоть до каждого отдельного события»¹.

Вторая фундаментальная составляющая гносеологии диалектического материализма – *формальная логика Аристотеля*, когда любое утверждение может быть только истинным или только ложным: либо *доказано*, что А. – виновен, либо *не доказано*, а промежуточные варианты исключены.

Соответственно, для нашего юридического исследования механицизм Ньютона и формальная логика Аристотеля означают, что: «Трудности установления истины на предварительном следствии и в суде есть трудности практического, а не гносеологического свойства ... (преступление) как частица действительности наибольшего масштаба, обладающая количественной и качественной определенностью, может быть точно и глубоко познано именно таким, каким оно было в момент совершения»². «Нет преступлений которые, нельзя было раскрыть, есть преступления, которые органы следствия и дознания не сумели раскрыть»³.

Однако развитие физики XX века требует создания новой гносеологии и пересмотра существующей теории доказательств.

1) Согласно теории относительности Альберта Эйнштейна истина зависит от скоростей системы, за которой производится наблюдение и системы, из которой производится наблюдение.

2) Важнейшим принципом квантовой физики является неопределенность. Как отмечал Альберт Эйнштейн: «За необычайный успех этой теории пришлось платить двойной ценой: отказаться от требования причинности (ее никак нельзя проверить в атомной области) и оставить попытки описания реальных физических объектов в пространстве и времени»⁴.

В своем творческом завещании Стивен Хокинг указал, что «принцип неопределенности, по-видимому, является фундаментальным свойством Вселенной, в которой мы живем. Поэтому любая успешная единая теория непременно должна включать в себя этот принцип»⁵. Хотя наш разум отрицает неопределенность, стремиться контролировать окружающую действительность, отрицает «приблизительное» и хочет избежать любой возможной неудачи»⁶.

¹ Цит. по *Фрэнк Вильчек*. Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2018. Электронный ресурс URL: <https://knigism.net/view/293935>. Дата обращения 14.10.2018.

² *Кустов И.С.* Принцип объективной истины в советском уголовном процессе: автореф ... дисс. канд. юрид. наук. Оренбург, 1970. С. 34.

³ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 145.

⁴ Альберт Эйнштейн. Как изменить мир к лучшему. Электронный ресурс URL: <https://profilib.net/kniga/146053/albert-eynshteyn-kak-izmenit-mir-k-luchshemu.php>. Дата обращения 24.02.2018.

⁵ Стивен Хокинг. Теория всего: Происхождение и судьба Вселенной. Электронный ресурс URL: <http://www.e-libra.ru/read/364318-teoriya-vsego-proishojdenie-i-sudba-vselennoy.html>. Дата обращения 22.01.2018.

⁶ Оливье Массело. Бизнес и Трансерфинг. Нейро-квантовый метод успеха // пер. М.С. Мкртычева. М.: Эксмо, 2015. Электронный ресурс URL: <http://iknigi.net/avtor-olive->

Однако неопределенность как познания прошлого, так и предсказания будущего вытекают как из принципа неопределенности, математически доказанном Вернером Гейзенбергом (1927) для квантового мира, так и «Катастрофой фон Неймана (или полностью, катастрофа бесконечного регресса фон Неймана) ... сводящийся к тому, что мы можем прибавлять бесконечное число инструментов к нашим уже существующим инструментам и все же не избавимся от некоторой степени неуверенности и неопределенности»¹.

В свою очередь «законы субатомного мира и законы человеческого «ума» (или нервной системы) находятся в полном, точном и изящном соответствии – вплоть до мельчайших аспектов»².

Возьмём на себя ответственность утверждать, что объективная истина в уголовном судопроизводстве появляется только тогда, когда в законную силу вступает процессуальное решение, которое в дальнейшем уже никто не вправе отменить (исключение составляют новые или вновь открывшиеся обстоятельства). Как указал Ю.А. Цветков, с точки зрения квантовой логики «судья “коллапсирует волновую функцию” и переводит дело из состояния неоднозначности в состояние определенности»³

Далее. Классическая теория доказательств, основанная на гносеологии диалектического материализма: механицизме классической физики и формальной логике Аристотеля, предусматривает лишь два возможных когнитивных исхода расследования и судебного рассмотрения дел: «вина не доказана», и, по сути, её логический аналог «доказана невиновность»; и «вина доказана».

«Аристотелева логика признает лишь два класса – «истинное» и «ложное», - пост-копенгагенская наука склонна признавать четыре, хотя один лишь доктор Анатолий Раппопорт⁴ четко сформулировал их: «истинное», «ложное», «неопределенное» (пока еще не проверяемое) и «бессмысленное» (в принципе не проверяемое)⁵.

Применительно к сфере уголовно-процессуальной деятельности однозначные термины «истинное» и «ложное» следует заменить на распределение вероятностей на четыре варианта:

masselo/102485-biznes-i-transerfing-neyro-kvantovyy-metod-uspeha-olive-masselo.html. Дата обращения 09.05.2018.

¹ Роберт Антон Уилсон. Квантовая психология: как работа вашего мозга программирует Вас и Ваш мир. Электронный ресурс URL: <http://www.avidreaders.ru/book/kvantovaya-psihologiya.html>. Дата обращения. 21.12.2017.

² Роберт Антон Уилсон. Там же.

³ Цветков Ю.А. Квантовая логика и юридическая техника уголовного и уголовно-процессуального законов // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 27.

⁴ Раппопорт Анатолий Борисович 1911 (Лозовая Харьковская губерния) - 2007 (Торонто). Философ, биолог, психолог, представитель операционализма, профессор психологии и математики в Университете Торонто.

⁵ Уилсон Р.А. Квантовая психология: как работа вашего мозга программирует вас и ваш мир.

- высокая вероятность виновности лица, так как доля неопределенности, касательно установления субъективной стороны преступления; различной интерпретации доказательств, и пр. всегда остается;

- низкая вероятность виновности лица, например, мы располагаем сведениями, что лицо действительно находилось на месте происшествия в момент совершения преступления, но были ли им совершены действия по выполнению объективной стороны преступления осталось не выясненным;

- качественно-количественная характеристика имеющихся доказательств не позволяет делать какие-либо выводы о виновности или невиновности (неопределенность);

- версия как стороны обвинения, так и стороны защиты бессмысленна в связи с непроверяемостью.

Данный подход, как представляется, позволит вернуться к формальной оценке доказательств, но на более высоком качественном уровне и даст возможность оценивать достаточность доказательства на основании математических алгоритмов.

Литература:

1. Вильчек Ф. Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2018. Электронный ресурс URL: <https://knigism.net/view/293935>. Дата обращения 14.10.2018.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки, изд. 2-е испр. М., 2017.
3. Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени, пер. с англ. П.И. Прудовского, М.С. Меньшиковой, А.В. Воробьева, Е.А. Кирьяновой, Е.Г. Домниной, науч. ред. А.Б. Каменский. М., Новое литературное обозрение. 2016. Электронный ресурс URL: <https://pravo.studio/prava-rossii-gosudarstva-istoriya/prestuplenie-nakazanie-rossii-rannego-novogo.html>. Дата обращения 5.12.2018.
4. Кустов И.С. Принцип объективной истины в советском уголовном процессе: автореф ... дисс. канд. юрид. наук. Оренбург, 1970.
5. Массело О. Бизнес и Трансерфинг. Нейро-квантовый метод успеха // пер. М.С. Мкртычева. М.: Эксмо, 2015. Электронный ресурс URL: <http://iknigi.net/avtor-olive-masselo/102485-biznes-i-transerfing-neyro-kvantovyy-metod-uspeha-olive-masselo.html>. Дата обращения 09.05.2018.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
7. Уилсон Р.А. Квантовая психология: как работа вашего мозга программирует Вас и Ваш мир. Электронный ресурс URL: <http://www avidreaders.ru/book/kvantovaya-psihologiya.html>. Дата обращения. 21.12.2017.
8. Хокинг С. Теория всего: Происхождение и судьба Вселенной. Электронный ресурс URL: <http://www.e-libra.ru/read/364318-teoriya-vsego-proishozhdenie-i-sudba-vselennoy.html>. Дата обращения 22.01.2018.

9. Цветков Ю.А. Квантовая логика и юридическая техника уголовного и уголовно-процессуального законов // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 18—29.
10. Эйнштейн А. Как изменить мир к лучшему. Электронный ресурс URL: <https://profilib.net/kniga/146053/albert-eynshteyn-kak-izmenit-mir-k-luchshemu.php>. Дата обращения 24.02.2018.

А.В. Молохов

Эволюция роли специалиста в уголовном процессе

Аннотация. Статья посвящена проблеме урегулирования статуса специалиста в российском уголовно-процессуальном праве. Анализируются основные тенденции в правоприменительной практике Верховного Суда РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ. Сделан вывод о несовершенстве уголовно-процессуального законодательства применительно к возможностям защиты привлечь специалиста к участию в деле, что влечет за собой нарушение принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс; специалист; защита; эксперт; состязательность; равноправие.

Как известно, российский уголовный процесс исторически принадлежит к смешанному романо-германскому континентальному типу. Принятие нового УПК безусловно способствовало появлению «ростков» состязательности, в частности, адвокатура возлагала большие надежды в связи с появлением у защиты права на привлечение специалистов в соответствии с положениями ст.53,74,80,86 УПК РФ.

Однако в досудебном производстве следователь до сих пор имеет полную свободу усмотрения в принятии решения по заявленным ходатайствам благодаря возможности принять или отклонить их на том основании, что обстоятельства, которые указаны в ходатайстве, «не имеют значения по данному уголовному делу» (ст. 159 УПК РФ).

Вместе с тем в судебной стадии уголовного судопроизводства с появлением нового УПК РФ первоначально все обстояло несколько иначе, поскольку в 271 статье УПК РФ появилась норма об обязательном допросе специалиста, явившегося в суд по инициативе защиты.

Пленум Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» обозначил, что специалист привлекается для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта, подчеркнул, что заключение и показания специалиста имеют полноценный статус доказательств и суд не вправе отказать в допросе специалиста при условии относимости

сведений, которыми он располагает, а также предварительного выяснения его компетентности и обладания необходимыми специальными познаниями.

В последнее время судебная практика пошла по пути ограничения права защиты на привлечение специалистов, все чаще встречаются отказы в допросе и приобщении заключений специалистов в ходе судебного разбирательства на том основании, что специалист не был привлечен к участию в деле на этапе предварительного следствия, он не имеет права критиковать заключение эксперта, не может оценивать доказательства в силу положений ст. ст. 17 и 88 УПК РФ, не предупреждается защитой по ст.307 УК РФ и его миссия это всего лишь высказывание профессиональных суждений для разъяснения сторонам вопросам, входящих в его компетенцию, оказание содействия суду при формулировании экспертных задач и выполнение прочих технических функций.

Тем самым фактически заключения и показания специалистов постепенно превратились во «второсортные» средства доказывания.

Пленум Верховного Суда РФ от 19.12.2017г. №51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» только закрепил эту тенденцию.

Было установлено, что специалист допрашивается по правилам допроса свидетеля и что специалист, принимавший участие в процессе в ходе следствия, может допрашиваться в суде, что на практике зачастую интерпретируется судами ограничительно – если на следствии адвокату было отказано в привлечении специалиста, то и рассчитывать на допрос специалиста в суде также не стоит.

Пленум отмечает, что полномочия эксперта и специалиста в силу закона не совпадают. В частности, в отличие от эксперта специалист не проводит исследования. Специалист может привлекаться к участию в судебном разбирательстве для оказания содействия сторонам и суду в осмотре предметов и документов, в применении технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Поэтому, когда по делу требуется проведение экспертизы, заключение специалиста не может его подменить. Однако если мнение специалиста идет вразрез с заключением эксперта — это повод обсудить вопрос о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

В свою очередь, законодатель в 2017 году внес поправки в ст.58 УПК РФ, установив в ч. 2.1 указанной статьи, что защите не может быть отказано в ходатайстве о привлечении специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

При этом по-прежнему в соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ ходатайства подлежат удовлетворению, только «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела».

Новым законом в 2017 году была введена в ст. 159 УПК РФ ч. 2.2, согласно которой «лицам, указанным в части второй настоящей статьи, не может быть

отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

К сожалению, следственная практика при этом практически не изменилась, процессуальный механизм для удовлетворения следователем ходатайств стороны защиты о привлечении специалиста в императивном порядке так и не был выработан, тем более, что Верховный Суд РФ в 2021 году исключил из вышеупомянутого Постановления Пленума № 58 все пункты с 19 по 23 о специалистах, в частности, важнейший тезис об оказании специалистом помощи в оценке заключения эксперта.

Фактически Верховный Суд признал отсутствие связи между специалистом и экспертом и отверг тезис о равном доказательственном значении заключений обоих сведущих лиц.

В настоящее время специалист может давать в форме устных показаний или письменного заключения лишь некие разъяснения (суждения), в которых рассматривает: научную обоснованность экспертной методики, граничные условия ее применения, допустимость применения избранной методики в данном конкретном случае; обоснованность выводов эксперта, взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения; выявление случаев, когда категорические выводы делаются не на основании исследований с использованием экспертных методик, но на базе только лишь предположений и голословных умозаключений эксперта.

Специалист может при этом сослаться на некомпетентность эксперта, недостаточный стаж работы, ошибочный выбор методики исследования, использование не рекомендованной методикой литературы, несоблюдение утвержденного порядка исследования (расчетов).

Специалист, с точки зрения ВС РФ, не должен оценивать заключение эксперта, проводить собственное исследование, однако он может производить анализ заключения эксперта с точки зрения его научной и методической обоснованности, соблюдения требований законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность.

Таким образом, те возможности защиты по представлению доказательств, которые сформировались в нашем уголовном процессе в первое десятилетие действия УПК РФ, подверглись значительному сокращению именно со стороны Верховного Суда РФ.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к рассматриваемой проблеме и сформулировал в своих решениях следующие важные положения.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24 июня 2021 года № 1362-О не предупреждение специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в силу отсутствия в статье 307 УК Российской Федерации соответствующих предписаний само по себе не свидетельствует о том, что заключение специалиста получено с

нарушением требований закона и влечет признание его недопустимым доказательством в соответствии со статьей 75 УПК Российской Федерации.

В Определении от 26 октября 2021 года № 2177-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что сторона защиты не лишена возможности с опорой на суждения, высказанные привлеченными ею специалистами для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, приводить суду доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, обосновывать ходатайства о производстве дополнительной либо повторной экспертизы.

При этом Конституционный Суд РФ в своем Определении от 31.01.2023г.№6-О по жалобе Шевцова С.А. на конституционность практики применения положений ст.74 и ст.80 УПК РФ подчеркивает, что «однородные по своей природе отношения должны в силу принципа юридического равенства регулироваться схожим образом, следовательно, привлечение к участию в деле специалиста, основание и порядок назначения и производства судебных экспертиз, проверка и оценка их результатов в качестве доказательств предполагают соблюдение единых правил и условий». Тем не менее, в то же время КС РФ вслед за ВС РФ подчеркнул, что «согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном этим Кодексом, в том числе его статьями 58, 164, 168 и 270, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, этот Кодекс не предусматривает. Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу. Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначить дополнительную или повторную экспертизу, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы».

Подводя итоги, следует отметить, что историческое формирование отечественного уголовного судопроизводства на этапе предварительного расследования в розыскной, инквизиционной форме с наделением следователя всей полнотой процессуальной власти существенно ограничивает реализацию принципов состязательности и равноправия сторон, имеющих в нашем уголовном процессе сугубо процедурный (формальный) характер. Доминирование в ходе доказывания по уголовному делу усмотрения

следователя способствует сохранению обвинительного уклона в деятельности следователя и мешает установлению объективной истины по делу.

Специфика правовой регламентации процессуального статуса специалиста как лица, обладающего специальными познаниями в современном уголовно-процессуальном праве России, состоит в его недостаточной урегулированности, особенно в соотношении с процессуальным статусом эксперта, что порождает недопустимую правовую неопределенность.

П.А. Оленев

**К вопросу о полномочиях начальника подразделения дознания
и начальника органа дознания по реализации процессуального контроля
за деятельностью дознавателя**

Аннотация. В научной статье проанализированы некоторые вопросы полномочий начальника подразделения дознания и начальника органа дознания по реализации процессуального контроля за деятельностью дознавателя.

В частности исследуется правовая природа указанных участников процесса, рассмотрено соотношение полномочий органа дознания и начальника органа дознания, а также исследованы некоторые аспекты соотношения полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Ключевые слова: начальник органа дознания; начальник подразделения дознания; процессуальный контроль; дознание; процессуальные полномочия.

Соотношение полномочий начальника подразделения дознания и начальника органа дознания играет ключевую роль при расследовании уголовного дела в форме дознания, так как это два субъекта процессуального контроля, которые непосредственно взаимодействуют с дознавателем, выявляют и устраняют факты нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства России.

Так, начальник подразделения дознания и начальник органа дознания обладают схожими полномочиями при проверке поступившего сообщения о преступлении, при поручении дознавателю производства предварительного расследования в форме дознания, а также при поручении дознавателю производство неотложных следственных действий. Аналогичные полномочия данным субъектам уголовного судопроизводства предоставлены и при даче письменных указаний дознавателю, которые обязательны для исполнения, причем обжалование данных указаний не приостанавливает их исполнение дознавателем.

Законодатель закрепляет противоречивые положения в действующем уголовно-процессуальном законе. Так, не исключена ситуация, когда начальник органа дознания и начальник подразделения дознания могут дать дознавателю противоречащие указания по уголовному делу и тогда встанет вопрос, что

делать дознавателю, какие указания исполнять, так как в обоих случаях они обязательны для исполнения.

Диссертант поддерживает точку зрения Б.Я. Гаврилова и О.А. Малышевой, согласно которой видится нецелесообразным дублирование данных полномочий у двух субъектов¹. Данные ученые рассматривают указанную сложившуюся правовую ситуацию на примере предварительного следствия, где имеется один субъект процессуального контроля – руководитель следственного органа.

С противоположной точкой зрения выступает Г.Д. Луковников, согласно которой начальник органа дознания должен обладать правомочием по утверждению постановления дознавателя о возбуждении уголовного дела, производстве неотложных следственных действий, задержании и другие².

Видится нецелесообразным наделение начальника органа дознания вышеуказанными полномочиями, так как дознаватель должен обладать процессуальной самостоятельностью при принятии тех или иных решений, а также его непосредственным руководителем выступает начальник подразделения дознания, который и должен осуществлять процессуальный контроль при расследовании уголовного дела.

Возвращаясь к вопросу соотношения полномочий двух субъектов, отметим, что ученые по разному подходят к вопросу о месте участников уголовного процесса.

Так, Митюкова М.А. считает, что место и роль начальника органа дознания схожи с местом и ролью руководителя следственного органа³, что является по мнению диссертанта не совсем верным. Кругликов А.П., Дикарев И.С., Зайцев Е.А. в свою очередь указывают, что процессуальный статус начальника подразделения дознания имеет общую природу с процессуальным статусом руководителя следственного органа⁴.

Как видится, правовая природа начальника подразделения дознания ближе к руководителю следственного органа, так как непосредственно данные участники уголовного судопроизводства постоянно взаимодействуют с дознавателем, непосредственно осуществляют процессуальный контроль при расследовании уголовного дела.

Далее, целесообразно рассмотреть вопрос полномочий органа дознания и начальника органа дознания, так как в научных кругах нет однозначной точки зрения соотношения их полномочий.

¹ Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева, Б. Я. Гаврилов ; под научной редакцией Б. Я. Гаврилова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 218.

² Луковников Г.Д. Уголовно-процессуальные и организационно-управленческие полномочия начальника органа дознания // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства. М., 2007. Ч. 1. С. 215.

³ Митюкова М.А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 118.

⁴ Кругликов А.П., Дикарев И.С., Зайцев Е.А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Кругликов А.П. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 142.

Так, изначально отметим, что процессуальные действия орган дознания реализовывать не может, так как это юридическое лицо, государственное учреждение, поэтому полномочия может осуществлять только физическое лицо.

И.И. Колесников, В.Н. Одинцов высказали мнение о том, что таким физическим лицом в уголовном судопроизводстве является начальник органа дознания¹. Также, А.С. Есина, Е.Н. Арестова указали на тождественность понятий начальника органа дознания и орган дознания при рассмотрении их в качестве участников уголовного судопроизводства².

По мнению Малышевой О.А. такой подход авторов неверен, так как необоснованно сужает понятие начальника органа дознания, когда как правовая категория органа дознания шире³.

Однако в этой связи стоит согласиться с мнением В.Т. Томина, который указал на то, что в случае упоминания в уголовно-процессуальном законе об органе дознания как субъекте процессуальных прав и обязанностей, законодатель таким образом наделяет процессуальными правами и обязанностями начальника органа дознания⁴.

В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности производства предварительного расследования в форме дознания начальником органа дознания.

Так, О.А. Малышева придерживается точки зрения о том, что начальник органа дознания не может возбуждать уголовное дело, принимать в свое производство и производить предварительное расследование в форме дознания⁵.

Однако указанная точка зрения является не совсем верной. В условиях действующего уголовно-процессуального закона начальник органа дознания имеет право рассмотреть сообщение о преступлении, принять решение о возбуждении уголовного дела и в последующем провести дознание, пользуясь при этом полномочиями дознавателя.

Проведенный анализ процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания показал, что в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство закрепляет некую иерархическую систему процессуального контроля за деятельностью дознавателя, начальник органа дознания в которой занимает главенствующее положение по отношению к начальнику подразделения дознания.

¹ Колесников И.И., Одинцов В.Н. Организационно-правовые основы деятельности подразделений дознания органов внутренних дел. М., 2008. С. 74.

² Есина А.С., Арестова Е.Н. Дознание в ОВД М., 2005. С. 14-15.

³ Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева, Б. Я. Гаврилов ; под научной редакцией Б. Я. Гаврилова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 219.

⁴ Комментарий к УПК РСФСР / под ред. В.Т. Томина. М., 1996, С. 216.

⁵ Малышева О.А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография. М., 2019. С. 216-217.

Таким образом, целесообразность перераспределения уголовно-процессуальных полномочий между начальником органа дознания, начальником подразделения дознания и прокурором необходима в пользу начальника подразделения дознания по аналогии с руководителем следственного органа, которые осуществляют непосредственный процессуальный контроль за деятельностью подчиненных сотрудников.

Литература:

1. Есина А.С., Арестова Е.Н. Дознание в ОВД М., 2005. С. 14-15.
2. Колесников И.И., Одинцов В.Н. Организационно-правовые основы деятельности подразделений дознания органов внутренних дел. М., 2008. С. 76.
3. Комментарий к УПК РСФСР / под ред. В.Т. Томина. М., 1996, С. 216.
4. Кругликов А.П., Дикарев И.С., Зайцев Е.А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Кругликов А.П. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 142.
5. Луковников Г.Д. Уголовно-процессуальные и организационно-управленческие полномочия начальника органа дознания // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства. М., 2007. Ч. 1. С. 215.
6. Малышева О.А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы: монография. М., 2019. С. 216-217.
7. Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева, Б. Я. Гаврилов ; под научной редакцией Б. Я. Гаврилова. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 218-219.
8. Митюкова М.А. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника органа дознания // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2. С. 118.

Н.В. Османова

Устав уголовного судопроизводства: становление и развитие видов уголовного преследования

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты построения системы уголовного преследования, ее изложение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Анализируется видовая модель обвинения с позиции ее разделения на частное, публичное и частно-публичное обвинение. Анализируются предложения Пленума Верховного Суда Российской Федерации об исключении частного обвинения. Отстаивается позиция о

необходимости дополнительного обеспечения уголовно-правовой защиты прав и свобод лиц, пострадавших от преступлений отнесенных к категории частного обвинения, что будет способствовать укреплению гарантий правосудия.

Ключевые слова: памятник права, уголовное преследование, частное обвинение, публичное обвинение, потерпевший, обеспечение права на доступ к правосудию, модель уголовного преследования.

Познание исторических явлений в праве имеет своей целью на основе правовых памятников определить сущность правовых явлений, содержание правовых норм и принципов, природу правовых институтов, закономерности и перспективы развития правовых институтов. К одному из таких памятников права можно отнести Устав уголовного судопроизводства 1864 г., отражающий характер уголовно-процессуальных правоотношений второй половины XIX века, а также сформировавший в России, как отмечает Л.В. Головкин, институциональную уголовно-процессуальную инфраструктуру¹.

В рассматриваемый период подход законодателя к построению системы уголовного судопроизводства характеризуется определением концепции уголовного преследования, заключающейся в установлении частного и публичного начала уголовного преследования, закреплении права потерпевшего на возбуждение уголовного преследования², формировании усмотрения судебного следователя относительно принятия решения о начале уголовного преследования (ст. 297 УУС), разделении функции обвинения и правосудия, при этом судебный следователь и прокурор, относящиеся в настоящее время к стороне обвинения. Преследование лица за совершение преступления, согласно Уставу уголовного судопроизводства, именовалось судебным, что следует уже из общих его положений (ст.ст. 1, 2, 4, 16, 17, 18 и др.), хотя в некоторых из установлений нормативного акта одновременно использовалась формулировка «уголовное преследование» (ст.ст. 529, 542), характерная для советского и российского уголовно-процессуального законодательства. Так, например в ст. 529 Устава содержалось положение, согласно которому судебная палата приступала к рассмотрению обвинительных актов (представлений о прекращении или приостановлении уголовного преследования) не иначе как «по письменным предложениям состоящего при ней прокурора».

Интересна в связи с изложенным позиция российского юриста А.А. Квачевского, отмечавшего, что преследование за совершение преступлений (в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства) не принадлежало ни

¹ Головкин Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2015. № 1. С. 28.

² Частное уголовное преследование было поставлено в зависимость от воли лица, потерпевшего от преступления.

одному учреждению, куски его находились в руках полиции, следователя и суда¹.

Несмотря на некоторые коллизии, в России во второй половине XIX века были заложены основы уголовного преследования, получившее дальнейшее развитие в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

С принятием Устава уголовного судопроизводства на законодательном уровне определены основные виды уголовного преследования частный и публичный, появляются первые попытки закрепления частно-публичного обвинения². Указанный аспект является важным в определении рассматриваемого нормативного документа в качестве памятника права, поскольку соотношение публичных и частных начал в уголовно-процессуальном законодательстве характеризует направление уголовной политики государства.

Согласно ст. 2 Устава право на возбуждение судебного преследования предоставлялось как должностным (например, прокурору и его товарищу), так и частным лицам. Обличение обвиняемых перед судом по уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям, возлагалось на частных лиц (ст. 3). Тем самым возбуждение уголовного преследования по делам частного обвинения зависело от воли лица, потерпевшего от преступления. В случае рассмотрения уголовных дел из числа подведомственных общим судебным установлениям, «обличение обвиняемых пред судом» возлагалось на прокуроров и их товарищей (ст. 4).

Рассуждая о роли Устава уголовного судопроизводства, как источника современных уголовно-процессуальных категорий, используемых при определении начала предварительного расследования, Л.Л. Абрамова отмечает, что «многие современные формулировки, содержащиеся в процессуальном законе, при незначительном видоизменении заимствованы из Устава»³.

Обратимся к российскому уголовно-процессуальному законодательству. Согласно положениям ст. 20 УПК РФ выделяется 3 вида уголовного преследования: частный, частно-публичный и публичный. Каждый из видов определяет объем полномочий субъектов уголовного преследования, особенности его начала. Безусловно, процессуальная форма при этом будет

¹ Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1. Спб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. 352 с. [Электронный ресурс] // ЭБС Znanium. URL: <https://znanium.com/catalog/product/522216> (дата обращения: 01.04.2024).

² Статья 5 Устава Уголовного судопроизводства: «По тем из числа сих дел, которые дозволяется прекращать примирением, обличение обвиняемых пред судом предоставляется исключительно частным обвинителям; по всем же прочим делам этого рода право возбуждения уголовного иска принадлежит потерпевшему лицу, а дальнейшее судебное преследование – прокурору или его товарищу».

³ Абрамова Л.Л. Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 53.

обусловлена процессуальным статусом субъекта, осуществляющего уголовное преследование и стадией уголовного судопроизводства.

По делам публичного и частно-публичного обвинения обязанность уголовного преследования в соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ возложена субъектов стороны обвинения (прокурора, следователя и дознавателя). По таким делам в уголовном преследовании обвиняемого вправе участвовать потерпевший, что следует из положений ст. 22 УПК РФ. Аналогичное правило распространяется и на участие представителя потерпевшего.

Начало уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, зачастую обусловлено выраженной инициативой потерпевшего (и лишь в некоторых случаях инициативой лица, уполномоченного законом) по привлечению к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и также не требует вынесения отдельного процессуального решения. Аналогичное положение содержалось в нормах Устава уголовного судопроизводства. Обращение в прокуратуру или иной правоохранительный орган при этом не требуется.

В настоящее время частное начало уголовно-процессуальной деятельности является одной из форм реализации свободы личности и выступает средством обеспечения и защиты ее прав и интересов¹.

Вместе с тем, основные вопросы, возникающие по делам частного обвинения, связаны с тем, что потерпевшие не обладают достаточными знаниями в области юриспруденции и далеко не всегда могут своевременно распорядиться имеющимся у них правом: поддерживать обвинение в суде, доказывать вину подсудимого, настаивать на прекращении уголовного дела за примирением сторон. Полагаем аналогичная ситуация складывалась и ранее при производстве по уголовным делам частного обвинения в соответствии с нормами Устава уголовного судопроизводства.

Сегодня государство практически не вмешивается в обеспечение защиты и восстановление прав и свобод потерпевшего: органы расследования преступлений выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с разъяснением порядка обращения в суд, который, зачастую, ограничивается предоставлением образца заполнения заявления о преступлении и не принимает в силу своих функций и полномочий участия в доказывании обстоятельств совершения преступления. По делам частного обвинения реализация прав потерпевшего коррелирует с его активной позицией в уголовном судопроизводстве.

Указанное, а также увеличивающаяся нагрузка мировых судей определили подготовку в 2021 году постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 №3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении

¹ Османова Н.В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2020. № 4. С. 39-40.

преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»¹. Подготовленные предложения касались не только изменения вида уголовного преследования в отношении указанных преступлений, но и отказа от производства мировыми судьями по уголовным делам частного обвинения без осуществления предварительного расследования субъектами уголовного преследования.

Согласно пояснительной записке законодательная инициатива Верховного Суда Российской Федерации обусловлена необходимостью обеспечения надлежащей охраны прав и свобод человека и гражданина, в том числе при предупреждении «домашнего» насилия, и основана на положениях ст. 2 Конституции РФ (права и свободы имеют высшую ценность, признаются, соблюдаются и защищаются государством), а также отсутствием эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина.

В то же самое время, следует отметить, что работа в указанном направлении активно велась на протяжении 2021-2023 гг. На X Всероссийском съезде судей принято решение² о продолжении работы по развитию уголовного законодательства, в том числе просить Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации рассмотреть проект федерального закона № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», внесенный в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в связи с поручением Президента Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации.

Анализ законодательной инициативы и позиций ученых-процессуалистов³, позволяет согласиться с необходимостью и целесообразностью

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Официальный сайт Верховного Суда. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 06.04.2024)

² Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/#review> (дата обращения: 06.04.2024).

³ Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104-109; Мазюк Р.В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3 (83). С. 111-113; Маслов В.И. Классификация уголовно-процессуальных функций // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 134-141; Олейник В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 24 с.; Струкова В.В. Уголовное

дополнительного обеспечения уголовно-правовой защиты прав и свобод лиц, пострадавших от преступлений и отнесенных законодателем к категории частного обвинения, что будет способствовать укреплению гарантий правосудия.

С одной стороны, изменение порядка уголовного судопроизводства повлечет положительные изменения, связанные с обеспечением детального исследования обстоятельств совершения преступлений в ходе предварительного расследования, исключением судебного рассмотрения дел. Возможность осуществления органами предварительного расследования по всем уголовным делам, независимо от вида уголовного преследования, является гарантией обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, реализация которых направлена на защиту как частных, так и публичных интересов.

С другой стороны, обязательное производство предварительного расследования по уголовным делам частного обвинения означает значительное увеличение нагрузки, возлагаемой на органы дознания – доказывание по уголовным делам полностью будет относиться к компетенции органов предварительного расследования. В свою очередь, предлагаемые законодательные изменения повлекут за собой изменение видовой модели уголовного преследования и исключение частного обвинения с преобладанием интересов публичных.

Отметим, что на сегодняшний день позиция законодателя в отношении рассматриваемого законопроекта окончательно сформулирована – законопроект отклонен Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации¹.

На протяжении истории становления и развития российского уголовного производства идеи, нашедшие отражения в Уставе уголовного судопроизводства, позволили сформировать основы формирования национальной модели уголовного процесса. Полагаем, что следует с осторожностью относиться к радикальным изменениям законодательства, связанным с пересмотром существующей парадигмы и полным отказом от частного обвинения: в досудебных стадиях и так преобладает публичное начало. Демократическим государствам свойственно превалирование интереса личного (или частного) над публичным и лежит в его основе. В построении системы уголовного судопроизводства, а равно в формировании концепции уголовного преследования важно использовать достижения существующей национальной модели уголовного процесса.

преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.

¹ Законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (дата обращения: 06.04.2024).

Литература

1. Абрамова Л.Л. Фактические основания для начала предварительного расследования: эволюция нормативного регулирования, теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 267 с.
2. Головкин Л. В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2015. № 1. С. 27-37.
3. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104-109.
4. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1 Спб.: Тип. Ф.С. Суцинского, 1866. 352 с. [Электронный ресурс] // ЭБС Znanium. URL: <https://znanium.com/catalog/product/522216> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Мазюк Р.В. Особые формы уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3 (83). С. 111-113.
6. Маслов В.И. Классификация уголовно-процессуальных функций // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 134-141.
7. Олейник В.В. Участие потерпевшего в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. 24 с.
8. Османова Н.В. Публичные и частные начала общих условий предварительного расследования // Российский следователь. 2020. № 4. С. 38-41.
9. Струкова В.В. Уголовное преследование, осуществляемое в частном порядке (теоретические основы и механизм реализации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.

А.М. Попов

К вопросу о разумном сроке уголовного судопроизводства

Аннотация. Автор исследует корни проблемы разумного срока уголовного судопроизводства, уходящие в историю, на примере Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и в трудах дореволюционных ученых-процессуалистов.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства; Устав уголовного судопроизводства.

В реалиях настоящего времени, направленного на восстановление прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, и постоянного разъяснения различными органами возможности обращения в суд,

имеет место увеличение количества исков, в том числе, поданных в возмещение вреда, причиненного незаконными или формальными действиями органов предварительного расследования.

Возможностью предъявления требований к казне Российской Федерации о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда является установление факта незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконность действий органов предварительного расследования при производстве дознания и следствия, а также нарушение разумных сроков расследования уголовного дела (ч. 2 ст. 1070 ГК РФ).

В тоже время, анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что в большинстве случаев возникновение права у граждан на обращение в суд за возмещением материального ущерба, компенсацией морального вреда и права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, связано с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей со стороны органов предварительного расследования.

О скорости уголовного процесса ещё в 1908 году писал М.В. Духовской в своей книге «Русский уголовный процесс».¹

«Одним из серьезных недостатков прежнего процесса была его продолжительность. Процесс не был поставлен относительно срока ни в какие рамки. Он мог вестись десятилетия, возобновляться (особенно в порядке ревизионном) несколько раз.

На продолжительность нашего процесса (судебную волокиту) давно уже обращалось внимание и делались попытки к устранению его. Так, еще Екатерина II, в целях дать уголовным делам скорейшее течение, назначен был (1763 г.) месячный срок на производство следствий. Но все это не приводило к результату».

В главе второй (Об условиях производства предварительного следствия) Устава Уголовного судопроизводства статья 295 закрепляла: «Предварительное следствие должно быть произведено со всевозможной скоростью. Производство его не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того требуют».²

Отдельного внимания заслуживает и научная полемика относительно института сроков уголовного судопроизводства.

Так, профессор В.М. Быков говорит о том, что сроки важны для уголовного процесса, однако не стоит им придавать ценность принципов.³

А.А. Барыгина, придерживается противоположной точки зрения, считая, что

¹ Духовской М.В. «Русский уголовный процесс». Москва. 1908. С.163. (Библиотека редких книг СГАП).

² Устав Уголовного судопроизводства. Петроград. 1914 г. С. 64. (Библиотека редких книг СГАП).

³ Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23.

ускорение сроков уголовного судопроизводства должно быть закреплено в уголовно-процессуальном законе как положение, к которому необходимо стремиться, то есть в качестве принципа.¹

В.И. Кушнерев в своей работе отмечает, что у главных участников процесса должна быть обязанность соблюдать принцип судопроизводства в разумный срок, а не только право.²

Сроки в уголовном процессе являются критерием эффективности деятельности следователя, поскольку при соблюдении указанного срока будет разрешен вопрос о достаточности его действий. В случае, если следователь в рамках уголовного судопроизводства действует неэффективно, заинтересованные лица вправе поставить вопрос о соблюдении разумного срока перед руководителем следственного органа, считает А.В. Образцов.³

В.В. Николук поясняет, что для того, чтобы заставить работать помещенные в уголовно-процессуальное законодательство нормы-декларации, отражающие идеалы российского уголовного судопроизводства, в первую очередь необходимо дополнительное регулирование. В противном случае нормы-декларации, не опирающиеся на систему более частных норм, играющих роль гарантий надлежащего их применения, превратятся в «нормативный спам». Характерным примером в этом отношении выступает история с дополнением закона о разумном сроке.⁴

В первоначальном виде, статья 6.1 УПК РФ (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, 2001), как обоснованно отмечали ученые-процессуалисты, была неспособна изменить ситуацию с чрезмерно длительным расследованием и разрешением уголовных дел, требовались серьезные изменения во всей системе уголовного судопроизводства.

Однако и по настоящее время, законодатель так и не внес ни одного изменения, касающегося сроков в уголовном процессе.

Последняя позиция Конституционного Суда РФ свидетельствует о том, что пострадавшего нельзя лишать права подавать заявление о компенсации, если он не получил формальный статус потерпевшего. Речь идёт о тех случаях, когда органы вовремя не возбудили уголовное дело, а затем отказались это делать из-за истечения срока давности преступления. Конституционный Суд РФ уточняет, что если правоохранители будут затягивать с возбуждением уголовного дела и необоснованно прерывать проверки по заявлению о преступлении – это будет означать, что потерпевших лишили права обращения в суд с заявлением о компенсации. Разумный срок уголовного

¹ Барыгина А.А. К вопросу о нарушении прав потерпевшего на судопроизводства в разумный срок // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 43-46.

² Кушнерев В.И. Сущность и понятие принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Труды Академии Управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 149.

³ Образцов А.В. Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2016. № 23. С. 30-33.

⁴ Николук В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2(77). С. 19-25.

судопроизводства наступает с момента начала уголовного преследования или даты подачи заявления о преступлении.

Интересен вывод А.В. Коваленко о том, что для проведения эффективного и оперативного досудебного расследования недостаточно строгого соблюдения уполномоченными лицами требований процессуального закона, сбора достаточных доказательств и построения эффективной линии уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление. Общая эффективность досудебного расследования требует профессионализма следователя, который к сожалению не всегда присутствует на практике.¹

Так, анализ материалов судебной практики свидетельствует, что в большинстве случаев возникновение у граждан права на обращение в суд, связано с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей со стороны органов предварительного расследования и суда. Например, Ж. в своем заявлении в суд, указал, что действия органов предварительного следствия в целях своевременного рассмотрения дела не являются эффективными и распорядительными. Нахождение обвиняемого в местах лишения свободы не может препятствовать проведению следственных действий, поскольку участие такого обвиняемого в процессуальных действиях может быть обеспечено путем его этапирования. Суд, удовлетворил требования Ж., поскольку общая продолжительность судопроизводства по данному уголовному делу, составила более 8 лет, считая, что в данном случае был нарушен разумный срок судопроизводства (Решение № 3А-213/2018).

Среди причин, длительного рассмотрения уголовных дел сами судьи называют: неявку свидетелей или других участников процесса, болезнь подсудимого, проведение многочисленных экспертиз по сложным уголовным делам, этапирование подсудимых из мест отбывания наказания, поскольку удаленность следственного изолятора от здания суда может быть значительной. Так, в практике автора был случай, когда уголовное дело приостановили в связи с розыском подсудимого, который продолжался около трех лет, затем выяснилось, что разыскиваемый осужден и отбывает наказание по другому приговору в «Матросской тишине». Пока лицо находилось в розыске, никаких сообщений от сотрудников уголовного розыска в суд не поступало. Таким образом, уголовное дело рассматривалось в общей сложности около 4 лет.

Другим интересным фактом из практики можно назвать случай, когда сам подсудимый заинтересован в том, чтобы в отношении него уголовное дело рассматривалось длительно (ввиду того, что его устраивает режим следственного изолятора, и он не хочет отбывать наказание в колонии строгого или особого режима). Например, подсудимый З. в своем последнем слове заявил о том, что он данное преступление не совершал, указав на свидетеля А. Последний проходил срочную военную службу и не мог быть допрошен в судебном заседании. Таким образом, чтобы выяснить и допросить данного

¹ Kovalenko A.V. Forensic recommendations for the pre-trial investigation as a means of ensuring the access to a fair trial in criminal proceedings // Lublin, the Republic of Poland. October 30–31, 2020. P. 353-355.

свидетеля суд откладывал судебные заседания в течение двух лет, пока свидетель не вернулся из армии. Все это время подсудимому продлялся срок содержания под стражей, и он находился в следственном изоляторе.

В качестве причин затягивания судебного процесса по уголовному делу следует также указать: длительность производства экспертиз, ненадлежащее исполнение постановлений о приводе, неявки в судебное заседание адвокатов без уважительных причин и т.д. Кроме того, считаем, что судьям при оценке поведения подсудимого, не следует допускать формальное отношение к его действиям в судебном заседании, поскольку это может повлечь нарушение его права на защиту. Если все-таки судья посчитает, что поведение подсудимого свидетельствует о затягивании судебного разбирательства, то данные выводы должны быть подтверждены доказательствами использования подсудимым незаконных средств для защиты его прав.

Системный анализ научных трудов, судебной практики по рассматриваемой проблеме, привел нас к выводу, что понятие сроков в уголовном процессе должно иметь место. Считаем, что «разумность» (или соответствие здравому смыслу, правильность) предполагает наличие определенных обстоятельств, которые имеют место в конкретных действиях лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу.

Сроки находят свое закрепление в конкретных нормах уголовно-процессуального закона, в действиях должностных лиц и государственных органов, в частности, в стиле работы следователя или дознавателя; в действиях иных лиц, вовлеченных в уголовный процесс (обвиняемых, подсудимых, адвокатов).

Также полагаем, что срок должен быть объективным (т.е. беспристрастным, лишённым предвзятости и субъективного отношения) и зависеть от простоты или сложности производства следственных и судебных действий. По одному уголовному делу (простой краже), он может составить 10 дней, а по-другому уголовному делу (серийные убийства) и более 2 месяцев. С нашей точки зрения термин «разумный» не совсем удачный, хотя он уже вошёл в обиход правоприменителей и большинство авторов не возражают против его употребления. Поэтому не стоит вносить изменения в уголовно-процессуальный закон, а статья 6.1 УПК РФ, в которой «разумный срок» определяется только как принцип уголовного судопроизводства, на данном этапе все же должна остаться.

Однако разумно внести соответствующие изменения в статью 5 УПК РФ и закрепить понятие разумного срока, как – отрезок времени, когда процессуальные действия носят объективный характер без существенного превышения установленных сроков уголовного судопроизводства.

Считаем, что с разумным сроком, возможно связывать не только затягивание уголовного судопроизводства, но и его проведение в более короткие сроки, чем установлены уголовно-процессуальным законом.

Таким образом, разумный срок уголовного судопроизводства – это отрезок времени, когда процессуальные действия осуществляются до истечения срока,

установленного уголовно-процессуальным законом; или когда процессуальные действия осуществляются с несущественным превышением срока, установленного уголовно-процессуальным законом или продленного в установленном порядке.

Литература:

1. Быков В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства // Законность. 2010. № 11. С. 23.
2. Барыгина А.А. К вопросу о нарушении прав потерпевшего на судопроизводство в разумный срок // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 43-46.
3. Духовской М.В. «Русский уголовный процесс». Москва. 1908. С.163. (Библиотека редких книг СГАП).
4. Кушнерев В.И. Сущность и понятие принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Труды Академии Управления МВД России. 2017. № 2 (42). С. 149.
5. Николюк В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2(77). С. 19-25.
6. Образцов А.В. Процессуальное руководство и разумный срок уголовного судопроизводства как условия повышения эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2016. № 23. С. 30-33.
7. Kovalenko A.V. Forensic recommendations for the pre-trial investigation as a means of ensuring the access to a fair trial in criminal proceedings // Lublin, the Republic of Poland. October 30–31, 2020. P. 353-355.

Л.В. Попова

Некоторые пути решения уголовно-процессуальных вопросов после внесения изменения в ст.210 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос уголовно-процессуального обеспечения при применении примечания 1 к ст. 210 УК РФ. Оцениваются материалы, которые должны быть представлены суду для правильной оценки деяния, как совершенного вне предпринимательской деятельности. Даны авторские рекомендации о возможном внесении изменений в ч. 1¹ ст. 108 УК РФ.

Ключевые слова: экономические преступления; примечание 1 к ст. 210 УК РФ; процессуальные документы органов, ведущих досудебного производство; доказательства создания преступной организации.

За последние 10—15 лет на государственном уровне утвердилась аргументированная позиция об излишней репрессивности по отношению к предпринимателям, совершившим преступления в экономической сфере. Вопросам регулирования их личной свободы в связи с привлечением к уголовной ответственности по экономическим статьям УК РФ уделяется повышенное внимание, и не только для защиты бизнеса, но и с целью выполнения задач, связанных с экономическими интересами страны. Реформирование законодательства обусловлено в первую очередь изменениями социального и экономического характера в нашем государстве.

Как известно, законодателем принят ряд уголовно-процессуальных законов, наделяющих предпринимателей в бизнес-сфере особым статусом. Видится, что главный из них – это дополнение ст. 108 УПК РФ частью 1.1, где указано, что по общему правилу к лицам, осуществляющим предпринимательскую или иную экономическую деятельность заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено (последняя редакция конкретных преступлений, которые подпадают под применение в целях обеспечения этого закона, принята в июне текущего года).

Федеральным законом от 13.06.2023 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введена новая часть 3.1 в ст. 108 УПК РФ, в которой указаны определенные виды преступлений, способные относиться и к предпринимательским составам, а могут совершаться и не в связи с осуществлением предпринимательской или экономической деятельности. В этом случае в постановлении о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лица, совершившего эти преступления, а также в приложениях к нему должны содержаться определенные сведения, подтверждающие, что подозреваемый (обвиняемый) бизнесмен действовал в рамках, не предусмотренных предпринимательской или иной экономической деятельностью, указанной в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Однако, ст. 210 УК РФ не включена в перечень норм уголовного закона, применяемых для оценки наличия экономического состава в ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ.

На практике существуют приемы вменения обвиняемым – предпринимателям дополнительного состава преступления, не подпадающего под запрет ареста, и суды, должным образом не проверяя основания такой квалификации, избирали им наиболее жесткую меру пресечения. Как отмечалось в научной литературе, «органы предварительного следствия не только незаконно вменяют обвиняемым «лишние» составы, например ст. 210 УК РФ, но даже не дают себе труда раскрыть данный состав преступления».¹

Сложившаяся ситуация достигла такой критической точки, когда предприниматели не могли осуществлять свою хозяйственную деятельность по-старому, а власть – эффективно управлять бизнес-процессами. Развернулась

¹ Н.А. Колоколов Н.А. «Великое противостояние»: следователь vs прокурор // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 246.

широкая общественная дискуссия. По поручению Президента России рассмотрен законопроект, в котором обращалось внимание на формализм, проявившийся в том, что, в частности, положения ст. 210 УК РФ необоснованно применяются в отношении предпринимателей, никак не связанных с профессиональной организованной преступностью.¹

Таким образом, на нормативном уровне оформлено примечание 1 к ст. 210 УК РФ, согласно которому уголовной ответственности подлежат лишь определенные там предприниматели и иные лица, совершившие действия, указанные в диспозиции этой нормы, при условии, если организация, зарегистрированная в качестве юридического лица или ее структурное подразделение, были заведомо созданы для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако, для достижения цели – недопущения незаконных арестов, не было предложено уголовно-процессуального обеспечения отраженной позиции законодателя.

Видится, что принятая нормативная модель тогда обретет смысл, когда будет прямое обеспечение недопустимости заключения под стражу предпринимателей за преступления в сфере экономики, даже при их совершении, охватываемых совокупностью со ст. 210 УК РФ, при фактических обстоятельствах остающихся «беловоротничковыми». Заместитель председателя Верховного суда РФ В.А. Давыдов считает, что было бы продуктивным внести изменения и в процессуальное законодательство, дополнить запрет заключения под стражу за преступления в сфере предпринимательской деятельности и в тех случаях, когда инкриминируется и ст. 210 УК РФ. По его словам, «смысла не будет у тех, кто ведет следствие, возбуждать уголовное дело по ст. 210 УК РФ.»²

Но поскольку реальная законодательная жизнь вносит свои коррективы в выстраивании понятной и логической модели правоприменения, действующая практика должна видеть и иной путь разрешения возникшей проблемы, позволяющий существенно снизить риски неправомерного давления на предпринимателей. До принятия нового текста примечания к ст. 210 УК РФ суды порой игнорировали то обстоятельство, что обвинение по этой статье также носит экономический характер.

Думается, что в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должны излагаться, в том числе, и основания о возможности избрания этой меры предпринимателю в связи с наличием доказательств совершения преступления путем создания преступной организации или участия в ней. К постановлению прилагать материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Там, как минимум,

¹ Пояснительная записка к законопроекту 871811-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871811-7> (дата обращения: 18.10.2023).

² Зампред ВС рассказал об уголовном преследовании бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/217071/> (дата обращения: 18.10.2023).

должны быть указаны доказательства того, что организация заведомо создана для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления экономической направленности с пониманием этого не только учредителем, но и основными участниками структурно оформленной группы, состоящей из трех и более лиц, объединившихся с целью получения любой незаконной материальной выгоды. При этом реализация преступного намерения достигалась согласованными действиями в течение определенного периода времени. Тем самым уже на момент ареста опровергался бы возможный довод стороны защиты о создании абсолютно легальной организации, работающей как субъект экономической деятельности.

Если следствие в процессуальных документах, предусмотренных ст.ст. 108, 109 УПК РФ, указывает на наличие заведомости создания организации для совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, то следователь обязан указать в ходатайствах об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей или продлении срока содержания под стражей, что конкретно имеется в виду и хотя бы в рамках локального предмета доказывания обосновать это свое утверждение доказательствами. Необходимо описывать конкретные установленные следствием обстоятельства, имеющие отношение к фактическим событиям, содержащим обязательные признаки преступного сообщества, а не общие неконкретные формулировки, состоящие из перепечаток текста соответствующей главы учебника уголовного права и комментария, касающегося ст. 210 УК РФ.

Поэтому на наш взгляд, не будет излишним внести дополнение в часть 1.1 ст. 108 УПК РФ следующего содержания: «При обвинении лица по частям 1-3 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации по совокупности с указанными в данной части настоящей статьи преступлениями при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд должен установить наличие доказательств того, что организация и (или) ее структурное подразделение были заведомо созданы для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений».

Таким образом, для решения проблемы дополнительного вменения ст. 210 УК РФ необходимо законодательно ориентировать правоприменителя на соблюдение требований, таких как мотивированность и обоснованность ходатайств и решений об избрании меры пресечения.

Литература:

1. Колоколов Н.А. "Великое противостояние": следователь VS прокурор / Н. А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 10. – С. 244-255.
2. Пояснительная записка к законопроекту 871811-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28-1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный

ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/871811-7> (дата обращения: 18.10.2023).

3. Зампред ВС рассказал об уголовном преследовании бизнеса. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/217071/> (дата обращения: 18.10.2023).

В.А. Прорвич

Юридические алгоритмы доказывания по преступлениям в сфере цифровых прав

Аннотация. Введение законодателем принципиально новой системы цифровых прав существенно осложнило формирование предмета и пределов доказывания по соответствующим уголовным делам в сфере цифровой экономики и финансов. Для надлежащего формирования доказательств, их проверки и оценки, рассмотрены особенности иерархической системы юридических алгоритмов, разработанных с учетом правоприменительной практики по преступлениям, связанным с манипулированием рынком.

Ключевые слова: цифровые права, правила информационных систем, доказательства, предмет доказывания, пределы доказывания, юридические алгоритмы, иерархические системы алгоритмов.

Анализ особенностей применения положений раздела III УПК РФ «Доказательства и доказывание» при расследовании преступлений в сфере цифровых прав, введенных Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ, показывает наличие ряда новых проблем, многие из которых носят системный характер и приводят к существенному возрастанию рисков совершения юридических ошибок в правоприменительной практике.

В первую очередь речь идет об особенностях формирования доказательств по уголовным делам о преступлениях рассматриваемого вида, а также предмета и пределов доказывания с учетом той системы понятий, которые были использованы законодателем при введении в действующее законодательство и правоприменительную практику этого принципиально нового вида прав, названного им «цифровыми».

В соответствии с новой редакцией ст. 128 и ст. 141.1 ГК РФ, законодатель отнес цифровые права к имущественным правам. При этом были даны разъяснения о том, что цифровые права представляют собой «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы». Никаких оговорок о том, что такие правила должны соответствовать требованиям действующего законодательства, сделано не было. Не была введена и ответственность обладателей информационных систем, уже создавших ранее или создающих в настоящее время эти правила, за нарушение российского законодательства.

Предположения некоторых авторов публикаций по данной проблеме о том, что соответствие правил любых информационных систем должны соответствовать требованиям действующего законодательства «по умолчанию», были опровергнуты самим же законодателем при введении в действующее законодательство положений о цифровых финансовых активах.

В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ было указано не только на само определение цифровых финансовых активов, под которыми предложено понимать цифровые права, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационной системе на основе распределенного реестра. После перечисления тех видов сделок, в которых они могут быть объектом залога, купли-продажи, обмена одного вида цифровых финансовых активов на другой или на цифровые права иных видов, было указано, что они не являются и не признаются средством платежа.

Но затем в этом же законе было указано на возможность совершения указанных выше сделок с российскими цифровыми финансовыми активами, в рамках которых они заменяются на соответствующие объекты цифровых прав, выпущенные по правилам иностранных информационных систем. То есть, правила информационных систем, установленные их обладателем, были введены фактически как новое, универсальное правовое понятие, сориентированное на новую систему отношений экономических и иных субъектов в виртуальном пространстве глобальных компьютерных сетей, в том числе, используемых в системе отношений банков любых стран.

Однако, указание законодателя на то, что цифровые права отнесены к обязательственным правам, опровергает предположение об их универсальной экстерриториальности. Ведь само понятие обязательственных прав тесно связано с обязательствами и правами требования сторон, вытекающих из их договорных отношений. При этом если стороны добросовестно выполняют свои взаимные обязательства и с выполнением прав требования сторон договора также нет никаких проблем, то возникает ложное ощущение того, что никаких проблем в рамках таких правоотношений и быть не может. Тем более, что компьютерные сети для межбанковских расчетов максимально защищены от несанкционированного доступа криминала, а поддержанием таких систем занимаются соответствующие службы информационной безопасности всех крупных банков.

Но чем оборачивается данная ситуация в случае неисполнения одной из сторон своих договорных обязательств, представители многих российских субъектов цифровых прав не принимают в расчет. По крайней мере, из докладов представителей соответствующих служб крупнейших банков на последних конференциях по киберпреступности следовало, что основное внимание уделяется ими компьютерно-техническим и информационно-технологическим аспектам безопасности российских банков и их клиентов.

Что же касается правовых, и в особенности уголовно-правовых аспектов банковской безопасности, то за последние 3 года, участвуя в десятке подобных научных конференций и круглых столов, в том числе, международных, докладов о

различных аспектах организации уголовно-правовой защиты субъектов цифровых прав услышать и обсудить с коллегами не удалось.

Но именно из-за использования российскими экономическими субъектами различного вида и уровня информационных систем иностранных банков, в соответствии с их правилами, в случае возникновения разногласий сторон в рамках столь своеобразных обязательственных прав, данные гражданско-правовые споры должны разрешаться в американских судах и судах других европейских стран. А в современных условиях, когда западные страны фактически ведут войну с Россией, применяя незаконные санкции, исход такого судебного разбирательства заранее предрешен.

В этой связи необходимо заметить, что уголовно-правовая защита субъектов обязательственных прав представляет серьезную проблему как для законотворцев, так и для правоприменителей. В качестве примера можно привести явно неудачные формулировки ст. 159⁴ УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», ряд положений которой касался именно неисполнения договорных обязательств. После рассмотрения данной уголовно-правовой нормы Конституционным Судом РФ, Федеральным законом № 325-ФЗ от 3 июля 2016 г. данная статья была признана утратившей силу.

Однако тем же законом в ст. 159 УК РФ «Мошенничество» были введены части 5, 6 и 7, предусматривающие уголовную ответственность за преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, повлекшее причинение ущерба в значительном, крупном и особо крупном размере. Одновременно, в данную статью были введены примечания, которыми размеры значительного размера были увеличены в два раза, а крупного и особо крупного размера причиненного ущерба были увеличены на порядок величины выше, чем для граждан, не являющихся предпринимателями.

Еще больше проблем в правоприменении средств уголовно-правовой защиты субъектов обязательственных, а затем и цифровых прав возникло после криминализации деяний, связанных с манипулированием рынком. После введения Федеральным законом № 224-ФЗ от 27 июля 2010 г. ст. 185³ УК РФ представителями Банка России было выявлено полторы сотни событий, имеющих, по их мнению, признаки криминальных. Но по результатам доследственной проверки были возбуждены уголовные дела лишь по 32 событиям, из которых до приговоров суда к 2022 г. было доведено лишь 7 уголовных дел¹. При этом в стране ежегодно совершались десятки миллионов биржевых сделок объем которых измерялся сотнями триллионов рублей, из которых по данным независимых экспертов, по крайней мере несколько процентов могли иметь признаки криминальных.

Исследование причин столь высокого уровня латентности преступлений данного вида, проводившееся более пяти лет научной группой из ведущих ученых и специалистов Следственного комитета России и Банка России, позволило выявить ряд проблем правотворчества и правоприменения положений уголовного и

¹ Уроки правоприменительной практики борьбы с манипулированием рынком. Научно-практическое пособие / под. ред. проф. А.П. Опальского. – М.: Альпен-Принт, 2022.

уголовно-процессуального права при расследовании преступлений в сфере цифровых прав, а также особенностями прямых и обратных связей между ними.

1. Раскрытие диспозиции данной уголовно-правовой нормы, которая носит явно выраженный бланкетный, отсылочный и смешанный характер, с использованием положений гражданского, финансового и иного специального законодательства, позволяет выявить несколько десятков возможных составов преступлений, совершаемых участниками фондового рынка.

2. Весьма неудачная редакция диспозиции данной уголовно-правовой нормы усугубляется с точки зрения ее правоприменения использованием во многом ошибочной экономико-математической модели криминальных проявлений, положенной в ее основу¹. Заложенные в нее критерии для установления размеров причиненного ущерба, незаконно полученного дохода либо «избежания убытков» построены таки образом, что позволяют получить любой результат, основанный на первоначально сформированных предположениях следователя, оперативного сотрудника или судебного эксперта. Вместе с тем, при этом создается ряд неопределенностей, существенно затрудняющих установление обязательных и факультативных признаков составов преступлений, связанных с манипулированием рынком, что сильно осложняет борьбу с криминалом в данной сфере².

3. В соответствии с положениями действующего законодательства эмиссионные ценные бумаги и производные ценные бумаги выпускаются в электронном виде и регистрируются в соответствующих информационных системах. То есть, после введения в действующее законодательство в 2019 г. цифровых прав, в соответствии с правилами, установленными обладателями данных информационных систем. Сделки с ними оформляются с помощью электронных документов, которые регистрируются и хранятся в информационных системах профессиональных участников фондового рынка, а затем передаются в подобные информационные системы для совершения транзакций по их оплате и регистрации перехода прав к покупателю. При этом здесь также необходимо учитывать особенности правил соответствующих информационных систем, установленных их обладателями, а также связей между ними, интегрированных в виртуальном информационном пространстве, но с самыми различными материальными последствиями.

4. Анализ соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих применение в уголовном судопроизводстве электронных документов показывает, что в Части шестой УПК РФ «Электронные документы и бланки процессуальных документов»

¹ Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с манипулированием рынком: научно-практическое пособие / В.А. Прорвич, А.П. Опальский, Е.В. Иванов, А.А. Лебедев, С.Д. Нартов, О.В. Залевский, В.А. Кузьменко. // Под ред. проф. В.А. Прорвича и проф. А.П. Опальского. – М.: Альпен-Принт, 2021

² Новиков А.М., Прорвич В.А. Особенности алгоритма квалификации преступления и его роль в процессе доказывания по уголовным делам. / В сборнике: Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 67-73

имеется единственный Раздел XIX «Использование в уголовном судопроизводстве электронных документов и бланков процессуальных документов», в составе которого имеется единственная Глава 56 «Порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов», в которую включена в 2016 г. ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве». Анализ содержания данной статьи показывает, что в ней регламентируется только порядок подачи ходатайств, заявлений, жалоб и иных электронных документов в суд, а также получение судебных решений и их копий в виде электронных документов.

В то же время статей, регламентирующих порядок использования электронных документов в досудебном производстве, а также порядок обращения следователей с электронной документацией при формировании доказательств по уголовному делу, в данной главе, разделе и части УПК РФ не имеется. Это существенно осложняет надлежащее выполнение следственных действий с использованием электронных документов и иной электронной информации, нацеленных на формирование необходимых доказательств и доказывание по соответствующим уголовным делам¹.

5. Фактически у следователя остаются лишь возможности копировать электронную информацию в соответствии со ст. 164¹ УПК РФ и приобщать ее носитель как вещественное доказательство к материалам дела, а также привлекать специалистов для выполнения с их помощью следственного осмотра электронных носителей информации как вещественных доказательств, чтобы совместно обнаружить и зафиксировать следы возможных преступлений рассматриваемого вида. При этом приходится сталкиваться с тем, что обладатель каждой из информационных систем использует оригинальное программное обеспечение, что существенно усложняет работу специалистов-программистов.

6. На стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела в соответствии с положениями ч. 2 ст. 140 УПК РФ следователю необходимо установить достаточность имеющихся данных, указывающих на признаки преступления. Здесь возникает двойная неопределенность.

Прежде всего, из-за указанных выше проблем раскрытия особенностей диспозиции данной уголовно-правовой нормы, установить все обязательные и факультативные признаки состава преступления оказывается крайне сложно, если вообще возможно. Но при невозможности установления в деянии состава преступления ст. 24 УПК РФ накладывает запрет на возбуждение уголовного дела (с учетом оговорок, указанных в ст. 20 УПК РФ).

Кроме того, установление данных, указывающих на признаки преступления при следственном осмотре электронных носителей документированной информации о биржевых транзакциях, даже с участием опытного специалиста выполнить непросто. Тем более, если речь идет об установлении достаточности

¹ Прорвич В.А. Процессуальные аспекты алгоритмизации следственных действий по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере «традиционной» и цифровой экономики. / Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020, № 1, С. 54-59.

совокупности данных, указывающих на возможное наличие в определенных биржевых операциях признаков состава данного преступления.

7. Привлечение судебных экспертов для того, чтобы в соответствии с положениями ст. 144 УПК РФ получить дополнительные данные, указывающие на признаки состава данного преступления приводит к необходимости решения новых проблем. Прежде всего, чтобы визуализировать электронную информацию о многих тысячах подозрительных биржевых транзакциях, совершенных в течении сравнительно коротких промежутков времени, представленную на электронных носителях информации, даже при наличии у следствия оригинальных компьютерных программ профессиональных участников фондового рынка, и представить ее в заключении эксперта, потребуется порядка 100 тыс. листов бумаги, т.е. 400 томов уголовного дела. Для анализа такого объема документации на предмет выявления в ней следов преступления, связанного с манипулированием рынком, в установленные процессуальные сроки крайне сложно, если вообще возможно¹.

8. После возбуждения уголовного дела кроме обозначенных выше возникает и ряд новых проблем. Прежде всего, неопределенности ряда признаков состава преступления создают также ряд неопределенностей и при раскрытии содержательных особенностей обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Соответственно, это отражается на возможности надлежащей организации процесса доказывания, начиная со сбора доказательств, их проверки и оценки, а также формализации предмета и пределов доказывания по преступлениям данного вида.

В качестве одной из данных проблем достаточно обратить внимание на определение понятия «доказательство», установленного законодателем положениями ч. 1 ст. 74 УПК РФ. В них прямо указано на то, что доказательством являются те сведения, которые позволяют в установленном порядке установить наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Фактически здесь законодатель прямо связал данные положения с положениями ст. 73 УПК РФ, в которой дан полный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также с положениями ч. 1 ст. 24 УПК РФ, где в качестве обстоятельства, имеющего значение для уголовного дела указано на наличие состава преступления, при отсутствии которого наложен запрет и на возбуждение уголовного дела, и на его расследование². Но указанные выше неопределенности в идентификации признаков состава преступлений, связанных с манипулированием рынком, создают «цепную реакцию» неопределенностей как в самом определении понятия доказательства для

¹ Прорвич В.А. Особенности комплексного применения специальных знаний для профилактики преступлений в сфере традиционной и цифровой экономики. / Вестник экономической безопасности. №2. 2020. С. 201-207.

² Новиков А.М., Прорвич В.А. Доказательства и доказывание в следственной практике. М.: Московская академия СК России, 2022.

преступлений рассматриваемого вида, так и во всем процессе доказывания по соответствующим уголовным делам.

По этим, а также ряду других причин, из многих миллионов биржевых транзакций, как уже отмечалось выше, было выявлено всего полторы сотни подозрительных транзакций, хотя по некоторым оценкам специалистов ФСФР их количество может достигать 3-4%. Вполне очевидно, что уже для данной стадии досудебного производства возникает необходимость разработки и применения специального, проблемно-ориентированного программного обеспечения, которому в установленном порядке можно придать правовой статус.

Проведенные исследования показали, что для этого необходимо, прежде всего, разработать алгоритмы обработки тех электронных документов, с помощью которых осуществляются предусмотренные действующим законодательством операции по надлежащей эмиссии объектов биржевых сделок и их регистрации по правилам соответствующих информационных систем, а затем выполняются биржевые транзакции по правилам информационных систем биржи и иных профессиональных участников фондового рынка, вплоть до регистрации прав на данный объект у его нового собственника.

Подчеркнем, что при формировании разветвленной иерархической системы описанных алгоритмов речь идет о включении в них только тех операций с документированной электронной информацией, которые предусмотрены положениями действующего законодательства. При этом используются специальные методы контроля за сохранением правового статуса промежуточных и итоговых результатов обработки документированной электронной информации. Соответственно, данные алгоритмы с полным основанием их разработчики называют «юридическими алгоритмами»¹.

В различных вариантах подобных иерархических систем юридических алгоритмов используются модели параллельно-последовательной обработки информации о биржевых транзакциях с дифференциацией параллельно совершаемых сделок с различными видами ценных бумаг и производных финансовых инструментов, а также с последовательным анализом всей цепочки транзакций по каждому из выделенных видов биржевых объектов. Кроме того, в рамках данных иерархических систем юридических алгоритмов выделяется «новое измерение» для формализации действий с данными биржевыми объектами различных субъектов – профессиональных участников фондового рынка, лицензируемых Банком России.

Формирование подобных иерархических систем юридических алгоритмов для многомерной обработки биржевой документированной информации в параллельно-последовательном режиме позволяет существенно снизить требования к «быстродействию» программного обеспечения, создаваемого на основе данной системы алгоритмов для обработки данной информации в режиме реального времени.

¹ Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты) : монография. М.: Экономика, 2019.

Описанное выше многомерное распараллеливание потоков информации позволяет вместо обработки многих тысяч транзакций в секунду перейти к параллельно-последовательной обработке всего нескольких транзакций в секунду, а по некоторым объектам и субъектам – снизить их интенсивность до одной транзакции в несколько минут и даже часов. Кроме того, при последовательной обработке цепочки биржевых транзакций с выделенными объектами, совершенными выделенными субъектами, для их последующего совместного анализа, позволяющего выявить содержательные особенности некоторых из них, время может измеряться сутками. В частности, речь идет не только о «совмещении» предложений по купле и продаже определенных видов ценных бумаг, но и об оплате уже совершенных сделок и регистрации объекта совершенной и оплаченной сделки у нового собственника.

Таким образом, уже первые результаты проведенных исследований и разработок в данной сфере показывают, что для разработки программного обеспечения, позволяющего следователю выявить признаки преступлений, связанных с манипулированием рынком, которые можно отнести к наиболее сложному виду преступлений в сфере цифровых прав, необходимо формирование иерархических систем юридических алгоритмов для проблемно-ориентированной обработки различных видов электронных документов. Основную сложность при их разработке представляет анализ особенностей тех правил, которые установлены обладателями сотен информационных систем, в которых происходит формирование, хранение и различные виды преобразования документированной электронной информации в рамках соответствующих биржевых транзакций.

Подчеркнем, что при этом речь идет не только о проверке соответствия этих правил требованиям действующего законодательства, включая ряд нормативных правовых актов, принятых Банком России, а также лицензионных требований, установленных для профессиональных участников фондового рынка. Наиболее сложные задачи возникают при использовании соответствующих положений уголовного, гражданского и специального законодательства для надлежащего раскрытия бланкетной диспозиции уголовно-правовой нормы и формирования развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений рассматриваемого вида.

Задачи чисто технологического характера вполне решаемы и формирование соответствующих юридических алгоритмов не представляет особой сложности, в том числе, при использовании таких элементов искусственного интеллекта, как гипертекстовые технологии и нейросетевые алгоритмы. Значительно более сложные задачи возникают при разработке алгоритмов контроля за тем, чтобы сформированные в результате подобного преобразования юридически значимых сведений развернутые уголовно-правовые характеристики преступлений данного вида не выходили за рамки уголовного права. Кроме этого, ряд юридических алгоритмов специально создается для выявления юридических ошибок, допущенных при формировании развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений данного вида.

Необходимо обратить внимание и на еще одну группу юридических алгоритмов, сориентированных на сопоставление полученных вариантов формирования развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с манипулированием рынком, и материалов конкретных уголовных дел и приговоров, вынесенных судом и вступивших в законную силу, а также результатов обобщения накопленного опыта правоприменения по преступлениям данного вида. При этом речь идет не только об одностороннем направлении обработки информации, чтобы проверить теоретические построения реальной практикой. Обратные связи позволяют выявить и наличие определенных пробелов и противоречий в рассматриваемой уголовно-правовой норме, из-за которых в рамках предварительного следствия допускаются юридические ошибки определенного вида.

В частности, в рамках подобного анализа был выявлен ряд противоречий с идентификацией потерпевших при совершении преступлений, связанных с манипулированием рынком. В пояснительной записке к указанному выше Федеральному закону, которым в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 185³, отмечалось, что потерпевшими необходимо признавать биржи, главным товаром которых является информация о надлежащем образом сформированных рыночных ценах на объекты биржевых торгов. А преступные деяния, криминализованные данным Федеральным законом, портят этот товар, а затем и репутацию конкретной биржи. Эту позицию детально разъяснили представители Банка России на заседании круглого стола, проведенного в нашей Академии 3 года назад.

Но по результатам анализа диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы можно сделать вывод, что потерпевшими являются собственники ценных бумаг, которые в результате незаконных действий биржевых посредников либо продали свои бумаги слишком дешево, либо купили слишком дорого. При этом причиненный им ущерб от таких биржевых сделок законодатель предложил рассчитывать, исходя из значений искаженной и неискаженной преступниками рыночной цены по данным ценным бумагам.

Соответственно, сопоставление результатов компьютерного моделирования преступлений данного вида и правоприменительной практики, дают основание и для формирования обоснованных предложений по внесению изменений и дополнений в рассматриваемую уголовно-правовую норму. Более того, результаты проведенных исследований показывают, что возникает объективная необходимость дополнительного введения нескольких уголовно-правовых норм, чтобы существенно повысить эффективность противостояния высокотехнологичному криминалу в данной сфере.

После формирования описанной выше и выверенной правоприменительной практикой иерархической системы юридических алгоритмов, написание текстов комплекса компьютерных программ различного вида и назначения, а также их отладка и тестирование уже не связано и трудноразрешимыми проблемами. Тем более, что в реальной практике возникает необходимость создания лишь сравнительно небольшой части оригинальных текстов подобных программ, позволяющих использовать определенные программные модули, выполняющие

необходимые действия по обработке информации. При необходимости поиск необходимых программных модулей и их модификацию возможно осуществить и с помощью алгоритмов искусственного интеллекта.

Проведенное рассмотрение особенностей формирования и использования юридических алгоритмов доказывания по преступлениям в сфере цифровых прав на примере наиболее сложных преступлений, связанных с манипулированием рынком, позволяет проиллюстрировать те новые возможности, которые открываются в борьбе с другими, менее сложными киберпреступлениями. Упрощенная система подобных юридических алгоритмов для уголовно-правовой защиты операций с цифровым рублем позволяет в кратчайшие сроки создать комплекс соответствующих компьютерных программ. Ведутся аналогичные разработки и по другим видам преступлений в сфере цифровой экономики и финансов.

Литература:

1. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты) : монография. М.: Экономика, 2019.
2. Новиков А.М., Прорвич В.А. Особенности алгоритма квалификации преступления и его роль в процессе доказывания по уголовным делам. / В сборнике: Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 67-73
3. Новиков А.М., Прорвич В.А. Доказательства и доказывание в следственной практике. М.: Московская академия Следственного комитета России, 2022 г.
4. Прорвич В.А. Процессуальные аспекты алгоритмизации следственных действий по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере «традиционной» и цифровой экономики. / Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020, № 1, С. 54-59.
5. Прорвич В.А. Особенности комплексного применения специальных знаний для профилактики преступлений в сфере традиционной и цифровой экономики. / Вестник экономической безопасности, №2, 2020, с.201-207.
6. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с манипулированием рынком: научно-практическое пособие / В.А. Прорвич, А.П. Опальский, Е.В. Иванов, А.А. Лебедев, С.Д. Нартов, О.В. Залевский, В.А. Кузьменко. // Под ред. проф. В.А. Прорвича и проф. А.П. Опальского. – М.: Альпен-Принт, 2021.
7. Уроки правоприменительной практики борьбы с манипулированием рынком. Научно-практическое пособие / под. ред. проф. А.П. Опальского. – М.: Альпен-Принт, 2022.

**Принципы профессиональной служебной этики
и основных правил служебного поведения служащих
Следственного комитета Российской Федерации в парадигме
традиционных российских нравственных ценностей**

Аннотация. В статье на основе анализа положений Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года, работ А.Ф. Кони, В.К. Случевского, В.О. Ключевского, И.Я. Фойницкого, И.А. Покровского и других авторов, анализа положений Конституции Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится об огромной роли традиционных российских нравственных ценностей в формировании морально-нравственных качеств работников органов следствия

Ключевые слова: служебная этика следователя; традиционные российские нравственные ценности

«Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации»¹ представляет собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться федеральные государственные служащие Следственного комитета независимо от замещаемой ими должности (п.2).

В свою очередь, этические², нравственные³ требования к служебному поведению работников следствия проистекают из *российских нравственных ценностей*⁴, традиционно базирующихся на *духовных началах*.

¹ Утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011.

² Этический - нравственный, соответствующий нравственности, или этике. Философский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3817/%D0%AD%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99/ (дата обращения: 24.10.2022).

³ Нравственность - внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Толковый словарь Ожегова С.И. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288> (дата обращения: 24.10.2022).

⁴ Пункт.91 Указа Президента Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» к традиционным ценностям относит жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

В лекции XIV Курса русской истории В.О.Ключевский писал: «Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на неё возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства»¹.

Красной нитью проходят идеи нравственности, духовности, суда Божиего в работах авторов периода судебной реформы 19 в. Анатолия Фёдоровича Кони (1844-1927)², Владимира Константиновича Случевского³ (1844-1926), Василия Осиповича Ключевского⁴ (1841-1911), Ивана Яковлевича Фойницкого⁵ (1847 – 1913), Иосифа Алексеевича Покровского (1868-1920)⁶ и других.

В качестве исторической справки стоит отметить: в соответствии с положениями Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года⁷ свидетели допрашивались под присягой. Свидетель православного вероисповедания приводился к присяге священником, который «внушал свидетелю святость присяги» (ст. 713 УУС). Свидетели неправославного вероисповедания приводились к присяге в соответствии с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания (ст. 714 УУС). Если же в месте заседания суда не было духовного лица того вероисповедания, к которому принадлежал свидетель, то он к присяге приводился председательствующим судьей (ст. 715 УУС).

Несмотря на то, что и сегодня мы нередко ссылаемся в научных работах на труды Фойницкого И.Я., Случевского В.К., Кони А.Ф. и др. представителей «золотого века» российской юстиции, упускаем самое главное – религиозный компонент их работ, без которого любая правовая материя становится бессмысленной, бездуховной и мертвой

Действительно мы и сегодня наблюдаем и с сожалением вынуждены констатировать то, что без учета традиционных нравственных ценностей вектор реформ уходит в сторону юридической техники и формальной логики, внедрения новых технологий, которые ввиду их немалого количества только и способны породить новые противоречия и сделать нескончаемым и

¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА КНИГА», 2019 – С.147.

² *Кони А. Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич [Текст] / А. Ф. Кони; Ред. Текста и прим. М. Ф. Теодоровича; Предисл. Ив. Теодоровича – [Москва]; [Ленинград] : Academia, 1933 (Л. : тип. Им. Лоханкова). – XXXIX, 581с.

³ *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного судопроизводства. Судоустройство – Судопроизводство. СПб., 1910. – С. 433.

⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА КНИГА», 2019 – С.147.

⁵ *Фойницкий И.Я.* Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.-П. Бургского университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1883-1884 года: Т. 2. – Санкт-Петербург : изд. В. Лесников, – 1884. – 664 с.

⁶ *Покровский И. А.* Право и факт в римском праве. Ч. I. Право и факт как материальное основание исков (Actiones in jus и in factum conceptae). – Киев: тип. имп. Ун-та св. Владимира, –1898. – 145 с. (отд. оттиск из "Университетских известий" за 1898 год); *Покровский И. А.* Сила или право? – Юридический вестник. 1914. Кн. VII–VIII. – 12 с.

⁷ Справочно-правовая система «Гарант».

лавинообразным процесс обновления законодательства, что как следствие дестабилизирует практику его применения.

Сотни поправок, изменившие многие процедуры, институты, создавшие новые, были внесены в текст УПК РФ за более чем двадцать лет с момента его вступления в силу. Но они так и не смогли сбалансировать закон, сделать его надёжным фундаментом уголовно-процессуальных правоотношений.

Поэтому, представляется, что духовное наследие российской государственности, и лучшие традиции советской эпохи следует учитывать как факторы поступательного, стабильного развития правовых институтов и преодоления различных социальных рисков, полагать в основу формирования высоких морально-нравственных качеств будущих следователей.

Страны англо-саксонской правовой семьи традиционно проявляли консерватизм в отношении уголовных процедур (например, запрет на видеосъёмку в зале суда)¹.

Но сегодня на Западе мы наблюдаем постепенный отказ от устоявшихся традиций². Многовековые бастионы британского права не выдерживают вызовов времени и разрушаются буквально на глазах.

Помимо отказа от запрета видеосъёмки в зале суда, в Соединенном Королевстве уже несколько лет обсуждается идея упрощённого производства без участия суда, но с использованием информационных технологий³. На экране компьютера обвиняемый по малозначительному составу видит, какие обвинения ему предъявлены и какие доказательства есть у следствия, и может тут же со всем согласиться, без участия суда, получив наказание за содеянное.

В контексте внедрения систем искусственного интеллекта во все сферы общественной деятельности, применительно к российским условиям, важно вовремя остановить губительное сползание в сторону электронного правосудия⁴, по пути исключения из механизма принятия решения по делу человека – личности наделенной совестью, правдивостью, благородством, состраданием и другими нравственными качествами.

¹ By Michael Tarm, The Associated Press. huffingtonpost.com «Need For Court Artists Fades As Cameras Move In» (01/30/2012). Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/need-for-court-artists-fades_n_1241464 (дата обращения: 03.03.2023); Dammann, Guy. A sketchy future for courtroom artists (англ.) // The Guardian: newspaper. — London, 2006. — 14 November. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/artanddesign/artblog/2006/nov/14/courtroomartblog> (дата обращения: 03.03.2023); Margaret A. Blanchard. books.google.ru «History of the Mass Media in the United States: An Encyclopedia». Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=9yVmAgAAQBAJ&hl=ru> (дата обращения: 03.03.2023).

² Запрет на видеосъёмку в английских судах будет снят // РИА Новости. 6 сентября 2011. Режим доступа: <https://ria.ru/20110906/431336594.html> (дата обращения: 14.03.2022).

³ Genn H. «Online Courts and the Future of Justice» Birkenhead Lecture, Gray's Inn, London, October 17, 2017. Режим доступа: https://www.ucl.ac.uk/laws/sites/laws/files/birkenhead_lecture_2017_professor_dame_hazel_genn_final_version.pdf(дата обращения: 03.03.2023).

⁴ Аликперов, Х. Д. Электронная технология определения меры наказания: ("Электронные весы правосудия") / Х. Д. Аликперов ; предисловие А. И. Коробеева. - Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. - 170 с.

3 июля 2020 года по итогам общероссийского голосования по поправкам к Основному закону страны Президент Российской Федерации В.В.Путин подписал Указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесёнными в неё поправками». В текст Основного закона введена новая статья 67-1, в части 2 которой говорится, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

Таким образом религиозное мировоззрение было зафиксировано на законодательном уровне, что позволяет сегодня его рассматривать как легитимную духовную основу формирования традиционных российских нравственных ценностей.

В Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается усиление сплоченности российского общества, укрепление гражданского самосознания, рост осознания необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей (п.11); говорится о том, что укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти являются ее приоритетными национальными интересами на современном этапе (п.25).

Изменения в Конституции Российской Федерации, связанные с утверждением сохранения принципов памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога и преемственность в развитии российской государственности, а также указание на необходимость укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве приоритетных направлений Стратегии национальной безопасности, позволяют на прочной основе развивать учение о справедливом правосудии, разрабатывать этические нормы и требования применительно к следственной деятельности, организовать надлежащим образом работу по воспитанию будущих следователей в духе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Литература:

1. Аликперов Х.Д. Электронная технология определения меры наказания: ("Электронные весы правосудия") / Х. Д. Аликперов ; предисловие А. И. Коробеева. - Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. - 170 с.
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА КНИГА», 2019 – 1197 с.
3. *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич [Текст] / А. Ф. Кони; Ред. Текста и прим. М. Ф. Теодоровича; Предисл. Ив. Теодоровича – [Москва]; [Ленинград] : Academia, 1933 (Л. : тип. Им. Лоханкова). – XXXIX, 581с.

4. *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного судопроизводства. Судоустройство – Судопроизводство. СПб., 1910. – 792 с.
5. *Покровский И.А.* Право и факт в римском праве. Ч. I. Право и факт как материальное основание исков (*Actiones in jus* и *in factum conceptae*). – Киев: тип. имп. Ун-та св. Владимира, –1898. – 145с. (отд. оттиск из "Университетских известий" за 1898 год).
6. *Фойницкий И.Я.* Курс русского уголовного судопроизводства, составленный по лекциям профессора С.-П. Бургского университета И.Я. Фойницкого и изданный в руководство слушателям 1883-1884 года: Т. 2. – Санкт-Петербург : изд. В. Лесников, – 1884. – 664 с.

М.В. Складенко

Николай Андреевич Буцковский о действиях лиц прокурорского надзора при обжаловании приговоров

Аннотация. В статье подвергается критическому разбору практика современных российских прокуроров вносить апелляционные представления на приговоры по уголовным делам, противоречащие их позиции при утверждении обвинительного заключения и поддержании государственного обвинения

Ключевые слова: Н.А. Буцковский; прокурор; поддержание государственного обвинения; апелляционное представление

Выдающийся русский правовед Николай Андреевич Буцковский (1811—1873 гг.), тайный советник (генерал-лейтенант), сенатор, один из отцов Великой судебной реформы Александра II Освободителя (1818—1881 гг.), в одной из своих работ специально уделил внимание содержанию прокурорского протеста и его этике. Речь идет о книге Н.А. Буцковского «О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной»¹.

В параграфе шестом «О применении основного правила деятельности прокурорского надзора, в его иерархическом составе, к способам обжалования уголовных приговоров» Николай Андреевич, рассуждая о проблемах прокурорской этики, писал: «Если приговор суда по существу дела постановлен согласно с заключением прокурора, то само собой разумеется, что он против собственного своего заключения, принятого судом, не может протестовать»².

Подтверждение данному выводу Н.А. Буцковский выявил в ст. 858 Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС), согласно тексту которого: «Прокурор может подавать апелляционные протесты лишь на те неокончательные приговора, которые не согласны с данными им

¹ Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб, 1867. – 80 с.

² Там же. С. 57.

заклучениями, и только по тем предметам, по которым его требования не уважены судом»¹.

Ниже Николай Андреевич особо подчеркнул, что «прокуроры должны действовать не по предписаниям начальства, а на основании своего убеждения»².

В этой связи сразу возникает вопрос: насколько современные прокуроры в выражении своего мнения независимы от своего руководства? Прокурор отдела Генеральной прокуратуры РФ Л.А. Курочкина по результатам своего диссертационного исследования констатировала, что, «как минимум, 60% выступающих в судах прокуроров – в выражении своей процессуальной позиции несвободы»³. Мы же только отметим, что внутриведомственные документы фактически требуют от государственных обвинителей (заместителей и помощников прокурора) строго следовать позиции «лицом прокурорского надзора», утвердившим обвинительное заключение. Изменение данной позиции государственным обвинителем допустимо только по согласованию с этим прокурором.

Анализ конкретных уголовных дел позволяет выявить факты «формального» поддержания обвинения прокурорами, данный «механизм» они используют, чтобы не тратить время на согласование изменения позиции.

Казалось бы, общие правила, озвученные в XIX веке сенатором Н.А. Буцковским, - есть нечто очевидное, само собой разумеющееся, однако начиная с «советских» времен, российскими и законодателями, и прокурорами явно подзабытые, чтобы не сказать - проигнорированные. Во-первых, ныне согласно закону вышестоящий прокурор абсолютно не связан мнением, высказанным каким-то его подчиненными. Это просто текущая позиция отечественного законодателя, рассматривающего прокуратуру как государственную структуру, фактически построенную на принципе единоначалия (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ).

Проблема автору этих строк видится в другом, современные прокуроры позволяют себе в прениях или в заключении сказать одно, а, например, уже в апелляционном представлении указать нечто совершенно другое.

К чему приводит подобная «беспринципность» прокуроров поясним на примере дела в отношении К. Органами предварительного расследования последний обвинялся по п.п. «д», и «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ в похищении малолетнего из корыстных побуждений (за выкуп 100.000 руб.). В ходе судебного разбирательства прокурор данное обвинение, смотря на полное отсутствие каких-либо доказательств корыстной направленности в действиях К. (а без установления корыстного мотива обвинение вообще рассыпалось), поддержал в полном объеме.

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 57.

³ Курочкина Л.А. Обеспечение прокурором прав участника судебного разбирательства. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 34.

По приговору Октябрьского районного суда Волгоградской области от 17 апреля 2020 года К. был осужден по пп. «д», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ к 6 годам лишения свободы.

Прокурор (государственный обвинитель), назовем его Х.¹, видимо, хорошо понимая, что мотив по делу К. не доказан, подал апелляционное представление, в котором указал, что «выявленного следствием корыстного мотива в действиях К. нет, следовательно, п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ из осуждения последнего должен быть исключен».

Поскольку осужденный не решился обжаловать приговор в апелляционном порядке, вышеозначенный документ прокурором Х. в конечном итоге был отозван².

Есть все основания предположить, что прокурор в данном случае руководствовался известным правилом: «не рубить сук на котором он сидит», ибо исключение из объема гипотетического требования денег в будущем, полностью разрушало весь комплекс мотивов в деянии К.

Примечательно, что в процессе рассмотрения дела К. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ прокурором Генеральной прокуратуры Р.Ф. также был поставлен вопрос «об изменении судебных решений, а именно об исключении из них осуждения Короткова А.Ф. по п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ»³.

В апелляционном порядке приговор в отношении К. обжалован не был.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого КСОЮ от 30 июня 2021 года приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2022 года определение суда третьей инстанции было отменено, дело возвращено в Четвертый КСОЮ, который к суждениям об отсутствии мотивов в поведении К. прислушался, отменил приговор и направил дело в отношении К. в суд первой инстанции.

С участием все того же обвинителя Х. Октябрьский районный суд во второй раз рассмотрел дело в отношении К. и 1 августа 2022 года постановил в отношении него оправдательный приговор⁴. В этом процессе прокурор Х., как это принято в прокурорских кругах, в полном объеме, даже не взирая на позицию прокурора Генеральной прокуратуры РФ, поддерживал обвинение по делу К., принес на оправдательный приговор апелляционное представление, в котором обосновывал обвинение в полном объеме.

¹ Из этических соображений фамилия прокурора не упоминается.

² Апелляционное представление государственного обвинителя – заместителя прокурора Октябрьского района Волгоградской области от 23 апреля 2020 года №12-58-2020. Электронный архив Октябрьского районного суда Волгоградской области за 2020 год.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2022 года №16-УД21-32-К4. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 год.

⁴ Приговор Октябрьского районного суда Волгоградской области от 1 августа 2022 года №1-55/2022. Электронный архив Октябрьского районного суда Волгоградской области за 2022 год.

Тем не менее, определением суда второй инстанции в удовлетворении данного представления Х. было отказано¹. Мотив: нет доказательств вины К. не то, что в намерении получить хоть какой-то выкуп за мальчика, но нет и самого похищения.

Признавать брак в работе в виде оправдательного приговора система под названием «Прокуратура» не спешила. Первый заместитель прокурора Волгоградской области на второй, теперь уже оправдательный приговор Октябрьского районного суда и апелляционное определение Волгоградского областного суда в Четвертый КСОЮ принес кассационное представление. В этом документе, его автор, не вдаваясь с анализ мотивов, которые могли двигать К., ничего не упоминая про сумму выкупа, просил реабилитирующие К. судебные постановления отменить, дело возвратить в первую инстанцию.

Четвертый КСОЮ рассмотрел данное представление в отсутствие стороны защиты (очевидно, что участие в процессе адвоката по назначению по видеосвязи таковым назвать крайне трудно), сделав упор на данные о личности К., полностью выполнит «указание» прокурора: отменил оба обжалуемых судебных решения, избрал отношении подсудимого меру пресечения в виде заключения под стражу, поручил прокурору организовать розыск К.². Как видим, далеко не риторический вопрос о том, а «был ли мальчик», все еще открыт...

Мотивы принятия последнего судебного решения, искать, скорее всего, искать в стороне от классики уголовного судопроизводства, о которой в цитируемой работе рассуждал когда-то сенатор Н.А. Буцковский. Очевидно, что все еще обвиняемый в похищении мальчика К. – субъект «ненадежный», шансы на то, что его поведение изменится к лучшему, стремятся к «нулю». При таких обстоятельствах, его реабилитация чревата непредсказуемыми последствиями. Четвертый КСОЮ, в очередной раз отменив все состоявшиеся по делу решения, направив уголовное дело в суд первой инстанции и приняв решения не только об объявлении обвиняемого в розыск, но и избрав в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу, всю ответственность за будущее переложил на полицию.

Мы же вернемся к тексту книги сенатора Н.А. Буцковского, который рассуждая о компетенции прокуроров, задается вопросом, а вправе ли вышестоящий прокурор опротестовать приговор, постановленный в соответствии с позицией его подчиненного? Примечательно, что и на данный вопрос Николай Андреевич дает отрицательный ответ³.

Теперь вернемся в наши дни. Пример: 2003 год, начал с вое действие УПК РФ 2001 года; прокурор (государственный обвинитель в суде первой

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 20 сентября 2022 года №22-3779/2022. Электронный архив Волгоградского областного суда за 2022 год.

² Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого КСОЮ от 20 апреля 2023 года №77-1417/2023. Электронный архив Четвертого КСОЮ за 2023 год.

³ Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 57—58.

инстанции), посчитав, что ряд эпизодов по делу не доказан, только в силу того, что «цепочка» доказательств ему показалась разорванной, от обвинения по ним счел за благо отказаться. Суд первой инстанции с данной позицией автоматически согласился: подсудимые были осуждены по тем эпизодам, по которым прокурор обвинение поддержал. Вышестоящий прокурор принес в суд второй инстанции представление, в котором просил приговор в полном объеме отменить, дело возвратить с тот же суд на новое судебное разбирательство, мотивируя это тем, что имеющиеся по делу доказательства (их «цепочка») были оценены не комплексно.

Представление прокурора кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Сулла РФ было удовлетворено, так как, по большому счету, доказательства причастности подсудимых, действительно, имелись по всем вмененным им эпизодам преступлений.

Как известно, в силу ч. 7 ст. 247 УПК РФ отказ прокурора от обвинения (полностью или в части) для суда обязателен. Совершенно очевидно, что в данном случае противоречия в позициях, занятых разными чиновниками от прокуратуры, как минимум, бросают тень на независимость суда.

Впрочем, и сенатор Н.А. Буцковский допускал принесение протеста вышестоящим прокурором, но только в тех ситуациях, когда «имело место нарушение порядка судопроизводства»¹, такой поход к решению проблемы Николай Андреевич объяснял тем, что вышестоящий прокурор в таком случае не опровергает мнение своего подчиненного, а лишь указывает суду на необходимость соблюдения формы разбирательства.

Ниже сенатор Н.А. Буковский анализирует функции прокурора в уголовном процессе, в рамках первой из них «прокурор - есть обвинитель», «другой – блюститель закона». Особо примечательно, что в этой последней функции автор «не видел ничего личного кроме мнения о справедливости»².

Сенатор писал, что прокурор – «агент обвинительной власти, принадлежащий только правительству или, лучше сказать, той ветви правительства, которое имеет органом прокурорского надзора в его иерархическом составе». В системе «обвинительной власти лицо прокурорского надзора может и должно состоять под контролем руководства его начальства»³.

По мнению Н.А. Буковского ошибка прокурора при «хорошем составе суда» не будет иметь вредных последствий, но его ошибка «по приведению в действие обвинительной власти, во многих случаях неисправима со стоны суда, при следственно-обвинительном порядке судопроизводства»⁴. Как усматривается из вышеприведенного примера, в наши дни нет ничего неисправимого.

¹ Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 60.

Общеизвестно, что состязательный процесс оружие – не только обоюдоострое, но и обреченное на существование в особых, «тепличных» условиях, к числу которых следует отнести, «совершенное предварительное расследование», «грамотное поддержание обвинения», которые в своей совокупности в состоянии противостоять квалифицированной защите.

Опять-таки изучение конкретных уголовных дел позволяет сделать вывод, что любые случайные «заморозки» в «теплице» состязательного правосудия автоматически ведут в разрушению самой концепции состязательного процесса. Поясним данное суждение на конкретных примерах по делам Данилова (Реинсалу) и Б.

По версии органов предварительного расследования «киллер» Данилов (Реинсалу) 18 октября 2005 года, реализуя умысел на убийство Б. (первая потерпевшая) с целью освободить С. (заказчик) от выполнения долговых обязательств, встретил потерпевшую в подъезде ее дома, и, угрожая пистолетом, заставил Б. вернуться в ее квартиру. При этом Б. тайно успела нажать тревожную кнопку охранной сигнализации. По тревоге тут же прибыли вооруженные пистолетами инспекторы охранного агентства Ш. (второй потерпевший) и С. (третий потерпевший).

Данилов (Реинсалу), реализуя умысел на убийство Б., принял решение: застрелить сначала С. и Ш., а затем и Б. В результате действий Данилова (Реинсалу): Ш. был убит на месте происшествия; а С. и Б. были только тяжело ранены.

Органами предварительного расследования «киллеру» и «заказчику» соответственно было предъявлено обвинение по п. «б», «к» ч. 2 ст. 105; п. «а», «б», «з», «к» ч. 2 ст. 105; ч. 1 ст. 222 УК РФ и по ч. 3 ст. 33 ч., ч. 3 ст. 30 п. «з» ч. 2 ст. 105; ч. 1 222 УК РФ.

24 апреля 2008 года «первым» приговором Вологодского областного суда (постановленным с участием присяжных заседателей) – Данилов оправдан. 10 июля 2008 года кассационном определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2008 года (№2-008-11СП) оправдательный приговор в отношении него отменен.

Данилов (Реинсалу) скрылся за рубежом. По постановлению Вологодского областного суда от 29 января 2009 года он объявлен в розыск, мера пресечения изменена на заключение под стражу.

22 февраля 2012 года заочным приговором Вологодского областного суда, постановленном с участием присяжных заседателей (№2-1/2012), Данилов (Реинсалу) осужден к 19 годам лишения свободы.

30 сентября 2021 года кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (№2-УД21-7СП) заочный приговор отменен.

15 апреля 2022 года «третьим» приговором Вологодского областного суда с участием присяжных заседателей Данилов (Реинсалу) оправдан. За ним признано право на реабилитацию.

19 сентября 2022 года апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго АСОЮ (№55-416/2022) оправдательный приговор в отношении Данилова (Реинсалу) оставлен без изменения.

30 марта 2023 года кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (№2-УДП23-4СП-А2) оправдательный приговор в отношении Данилова (Реинсалу) оставлен без изменения, а кассационное представление заместителя Генерального прокурора РФ Ткачева И.В. без удовлетворения.

Причина последовательных оправданий Данилова (Реинсалу), а он «все –таки успел признаться» сотрудникам ОУР в совершении всех инкриминируемых ему преступлений», в подтасовке фактов органами предварительного расследования – потерпевшая Б. изначально утверждала, что в нее и в второго потерпевшего С. стрелял другой человек. Не трудно догадаться, что данные показания буквально торпедировали позицию стороны обвинения.

Фальсификация доказательств судом была выявлена и по делу Б., обвинявшегося в убийстве кредитора (такого же контрабандиста как и он сам). Прямых доказательств вины Б. в убийстве потерпевшего органами предварительного расследования добыто не было. Стороной обвинения на суд народа (присяжных) была представлена только тонкая «цепочка» косвенных доказательств, целостность которой базировалась исключительно на «острие пера» автора многостраничного (и это по одному эпизоду) обвинительного заключения.

В рамках «первого» процесса сторона защиты смогла обратить внимание на присяжных заседателей на «сомнительное» происхождение целого ряда вещественных доказательств. Согласно общему правилу, уличенному во лжи - в одном, уже, как минимум, не торопятся верить - в другом. Результат: по приговору Курского областного суда от 5 июня 2023 года Б. оправдан.

Апелляционным определением Первого АСОЮ от 4 октября 2023 года этот приговор отменен, дело возвращено на новое судебное разбирательство. Мотив отмены – защитники «злоупотребили» своим правом на предоставление информации присяжным заседателям.

«Второй» процесс сторона обвинения начала с исключения всех «сомнительных» доказательств, чем только усилила подозрение коллегии присяжных в наличии у прокурора вообще реальных доказательств вины Б. При таких обстоятельствах, не удивительно, что 28 декабря 2023 года по делу Б. был постановлен второй оправдательный приговор.

Сенатор Н.А. Буцковский, завершая свои рассуждения относительно действий прокурора в судебно-контрольных инстанциях, подчеркнул важность опротестования, поскольку проверка и пересмотр судебных решений вышестоящими судами (Палатами и Сенатом), как правило, ведет к выявлению следственных, прокурорских и судебных ошибок¹.

Основной научно-практический вывод: Николай Андреевич Буцковский совершенно правильно выявил проблемы, свойственные процессу

¹ Буцковский Н.А. Указ. соч. С. 64.

опротестования прокурорами судебных решений. Все сказанное сенатором Н.А. Буцковским сохраняет актуальность и в наши дни. Некоторые из проблем, о которых писал сенатор, и которые, тем не менее, из далекого прошлого перекечевали в наши дни, мы попробовали проанализировать на примерах из современности.

Литература:

1. Буцковский Н.А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. СПб, 1867. – 80 с.
2. Курочкина Л.А. Обеспечение прокурором прав участника судебного разбирательства. М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с. С. 34.

А.В. Солодовникова

Следователь в дореволюционной России: эволюция правового статуса

Аннотация. В статье проведен историко-правовой анализ правового статуса следователя периода царской России, определены специфические черты, характеризующие организационное и процессуальное положение следователей «майорских» канцелярий, следственных приставов и судебных следователей, отмечены основные нормативно-правовые акты, закрепляющие их правовой статус. Сделан вывод о ключевой роли следователя в стадии предварительного расследования преступления.

Ключевые слова: следователь, правовой статус, майорские канцелярии, следственный пристав, судебный следователь, назначение на должность, Судебная реформа 1864 г.

Исходя из современного легального определения понятия «следователь» как должностного лица, уполномоченного в соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществлять предварительное следствие по делу, следует, что его правовой статус включает в себя закрепленный нормами права комплекс прав и обязанностей, а также пределы ответственности, связанных с осуществлением служебной деятельности. Содержательная характеристика правового статуса следователя, выступающего ключевой фигурой стадии досудебного производства по уголовному делу в историческом контексте многоаспектна, что позволяет, опираясь на широкое понимание следственной деятельности, проследить генезис рассматриваемого института на различных этапах становления отечественного следственного аппарата.

В допетровскую эпоху в отсутствии специализированных следственных органов невозможно выделить конкретных должностных лиц, наделенных исключительно следственными полномочиями, поскольку на данном этапе

следственная деятельность была сопряжена с осуществлением суда и общим администрированием, что являлось прямым проявлением феномена «единства компетенции». Соответственно круг субъектов, задействованных в осуществлении предварительного расследования, был представлен широким кругом административных должностей, а правовой статус их имел общий характер. Так, Судебник 1497 г. упоминая такое должностное лицо как недельщик, наделенное полномочиями по розыску преступников, указывает на общие положения, касающиеся порядка осуществления его деятельности. Правовой статус губных старост, сочетающих в себе административную, судебную и розыскную функции на местах, первоначально определялся нормами губных грамот (Белозерская и Каргапольская грамоты 1539 г.), а более детально прописывался в Уставной книге разбойного приказа, к примеру в ст. 7 и 8 установлена ответственность губных старост за невыполнение обязанностей¹. Нормативно-правовой базы, посвященной конкретно определению организационного или процессуального статуса должностных лиц в сфере осуществления следственной деятельности на данном этапе выделить сложно, поскольку тоже Соборное Уложение 1649 г. носило комплексный характер, а Наказ сыщикам, посылаемых для розыска беглых крестьян от 2 марта 1683 г. устанавливал лишь правомочия сыщиков вести розыск в отношении беглых, совершивших убийства и поджоги².

Как отмечают в своих работах А. В. Федоров и Д. О. Серов, во второй половине XVII в. в результате усиления бюрократизации государственного аппарата, сопровождающейся углублением специализации его отдельных звеньев, в том числе по розыску преступников, сформировались объективные предпосылки к учреждению особых органов и должностных лиц, специализирующихся на расследовании уголовных дел, что и было реализовано в результате преобразований Петра I³.

Довольно подробно в рамках эпохи был определен правовой статус следователей «майорских» канцелярий, первая из которых была учреждена именным указом Петра I 25 июля 1713 г. В изданном указе определялся процессуальный статус следователя - М. И. Волконского, главным правомочиями которого определялись исключительно осуществление предварительного расследования и право по собственному усмотрению применять пытку к подозреваемым. В организационном плане устанавливалось подчинение следователя исключительно главе государства. Более детально статус петровских следователей нашел отражение в наказе 9 декабря 1717 г. В нем перечислены правомочия следователей на осуществление следственных

¹ Носов Н. Е. У книга разбойного приказа 1555-1556 гг. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2020/10/%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2-14.pdf> (Дата обращения 21.10.2023).

² Наказ сыщикам, посылаемых для розыска беглых крестьян от 2 марта 1683 г. // ПСЗ РИ Собр. 1-ое, Т 2, №998.

³ Федоров А. В. История следствия от Петра I до нашего времени: научное наследие Дмитрия Олеговича Серова // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. №3 С. 26.

действий (допросов, очных ставок, применение пыток), обязанность составления обвинительного акта (приговора) завершающего следствие, а также установлена их ответственность за должностные преступления, совершенные при осуществлении следственной деятельности.

Следующим этапом в развитии правового статуса следователя в Российской империи следует назвать учреждение указом Александра I от 29 августа 1808 г. должности следственного пристава, в обязанности которого входило осуществление исключительно предварительного расследования преступления¹. Организационно следственные приставы находились в подчинении Министерства внутренних дел и входили в штат городской полиции и соответственно руководствовались в своей деятельности теми же нормами, что и полиция.

Но коренным преобразованием содержание правового статуса следователя в Российской империи было подвергнуто в результате осуществленной в 1860 г. следственной реформы. Нормативно-правовая база деятельности учрежденного в системе юстиции нового института судебного следователя, разработанная при деятельном участии Н. И. Стояновского, впоследствии ставшего одним из «отцов» Судебной реформы», включала важнейшие законоустановления, определяющие организационный и процессуальный статус судебных следователей – Учреждение судебных следователей² и Наказ судебным следователям, утвержденные царской властью 8 июня 1860 г.³.

В результате реформы следствие было отделено от полиции, произошло вычленение предварительного следствия как самостоятельной части досудебного производства по уголовному делу с возложением данной функции на судебного следователя, наделенного широкими процессуальными полномочиями. В организационном отношении судебные следователи приобрели статус членов уездных судов, а их назначение на должность и увольнение осуществлял министр юстиции по представлению губернатора. Важной новацией стало введение преимущественного права на замещение должности судебного следователя лицами, имеющими высшее или среднее образование, а также имеющими опыт следственной работы. В особо важных случаях судебная инстанция могла сформировать следственную комиссию по инициативе полиции, прокурора или губернатора. Законом предусматривались материальные гарантии статуса следователей с указанием фиксированной суммы содержания в размере 800 руб. и 200 руб. на дополнительные расходы.

Однако в практической плоскости на первоначальном этапе судебные следователи столкнулись с неприятием со стороны полиции и даже судебных мест. Как отметила в своей работе А. А. Волчкова вместо реальной поддержки,

¹ Указ об определении к Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру следственных приставов от 29 августа 1808 г. // ПСЗ РИ Собр. 1-ое, Т. 30, №23258

² Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, №35890

³ Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, № 35891

судебные следователи часто встречали в судебных местах и полиции явное противодействие своим законным и обоснованным действиям¹.

Преодолеть сложившуюся ситуацию во многом удалось благодаря проведенной в 1864 г. Судебной реформе, ставшей естественным продолжением реформы следствия. Принятые 20 ноября 1864 г. и введенные в действие в 1866 г. Судебные уставы стали совершенной в рамках этой исторической эпохи правовой базой, регулирующей, в том числе, порядок функционирования института судебных следователей. В штатном отношении судебные следователи приобрели статус членов окружного суда. Впервые они стали выполнять свои функции на основе принципа несменяемости, их высокое положение подчеркивалось особым порядком назначения на должность царским указом, наравне с судьями реформированного суда. Были повышены требования к профессиональной подготовке кандидатов на эту должность в виде наличия именно юридического образования, что способствовало выполнению задач предварительного следствия на более высоком профессиональном уровне и его качественному улучшению, несмотря на недостаток квалифицированных кадров на первоначальном этапе реализации реформы. В процессуальном отношении судебные следователи наделялись самостоятельностью, пределы которой определялись контрольно-надзорными полномочиями суда и прокуратуры. В целом следует отметить весьма успешную интеграцию судебного следователя в новую систему уголовной юстиции.

Таким образом, на протяжении нескольких веков мы наблюдаем последовательное совершенствование правового статуса следователя, обусловленное общим развитием общества и государства, усложнением задач стоящим перед государством, ростом бюрократического аппарата и, соответственно, трансформацию следователя в ключевую фигуру стадии предварительного расследования.

Литература:

1. Волчкова А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России: Историко-правовой анализ: автореф. дис. канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2005 С. 10
2. Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, №35891
3. Наказ сыщикам, посылаемым для розыска беглых крестьян от 2 марта 1683 г. // ПСЗ РИ Собр. 1-ое, Т 2, №998
4. Носов Н. Е.У книга разбойного приказа 1555-1556 гг. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2020/10/%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2-14.pdf> (Дата обращения 21.10.2023)

¹ Волчкова А. А. Институт судебных следователей в дореволюционной России: Историко-правовой анализ: автореф. дис. канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2005 С. 10.

5. Указ об определении к Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру следственных приставов от 29 августа 1808 г. // ПСЗ РИ Собр. 1-ое, Т. 30, №23258
6. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // ПСЗ РИ, СОБР. 2-ое, Т. 35, Ч.1, №35890
7. Федоров А. В. История следствия от Петра I до нашего времени: научное наследие Дмитрия Олеговича Серова// Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. №3 С. 22-38

А.Н. Тагиров

Эволюция розыска имущества в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье приведена эволюция розыска имущества в уголовном судопроизводстве с древнейших времен до вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года. Проанализированы особенности такого розыска применительно к каждому этапу истории государства и права России. Сделан вывод о прямой зависимости наличия регламентации указанного мероприятия от развитости состязательных начал в судопроизводстве того или иного исторического периода.

Ключевые слова: розыск имущества; установление имущества; возмещение вреда от преступлений; история розыска имущества; Русская Правда; Соборное Уложение 1649 г.; Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

Исторически розыск имущества возникает одновременно с обвинительным (исковым) типом процесса, отраженным в Русской Правде – правовом памятнике Древнерусского государства, существовавшем в виде Краткой (XI век)¹ и Пространной редакциях² (XII – XIII века; далее – КР и ПР, соответственно). Данный тип процесса являлся частно-исковым, имел состязательный характер и отмечался активной ролью потерпевшего (истца), по инициативе (иску) которого начиналось досудебное производство путем «заклича», то есть публичного сообщения на городской площади о пропавшей вещи (ст. 34 ПР). Проведение истцом «свода», как одновременно отыскания истцом недобросовестного владельца вещи, так и самой вещи (ст. ст. 13, 14 КР и 35 – 39 ПР), а также ее возвращение. «Гонение следа», как поиск вора истцом совместно с незаинтересованными лицами по следам похищенного.

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. В. Л. Янин. – Москва : Юридическая литература, 1984. С. 47 – 49.

² Правда Русская. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов / под общ. ред. Б. Д. Грекова ; отв. ред. А. А. Новосельский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 43-67.

В более позднем правовом памятнике – Псковской судной грамоте¹, созданной в конце XIV – XV веках, впервые регламентируется обыск (выемка) в качестве мероприятия не только по задержанию вора, но и по обнаружению и изъятию поличного («татбы искати»). Появляются уполномоченные должностные лица – приставы, которые привлекались по инициативе истца.

В период образования и укрепления Русского централизованного государства, были приняты Судебники 1497 и 1550 годов. Они, однако, не отменяли Русскую Правду, нормы которой, в том числе о розыске имущества, продолжали действовать, поскольку не были полностью заменены новыми законодательными актами, в которых отсутствовало соответствующее подробное регулирование. В то же время в Судебниках появляется фигура «недельщика», то есть лица, выполнявшего функции пристава, полномочия которых подтверждались приставными грамотами. Указанные лица осуществляли отдельные действия по расследованию преступлений и вызову сторон в суд, в том числе могли проводить обыски для обнаружения разыскиваемого имущества. Само обнаружение и изъятие поличного имело большое значение и в зависимости от его обнаружения или необнаружения могла назначаться смертная казнь либо только возмещение причиненного ущерба соответственно.

Наиболее выпукло это значение проявляется в другом историческом документе – Правосудии митрополичьем² конца XIV – начале XV веков, где прямо указывалось, что «тата без поличного ни вязати, ни казнити, ни повесити».

В последующие периоды с принятием Соборного Уложения 1649 года³ наблюдается постепенное внедрение розыска (или сыска) как следственного процесса, в отличие от суда – процесса состязательного. При этом Уложение регулировало отдельные вопросы розыска имущества, например, статья 35 главы XXI говорит о переписи и опечатывании имущества «лихованных людей», включая обмолоченное зерно и хлеб в полях. Сам розыск имущества, согласно Уложению, начинался с его описания в соответствующем заявлении (ст. 51 главы XXI). При наличии у заявителя сведений о месте нахождения своего имущества привлекался пристав с понятыми для проведения обыска.

Последующий период знаменуется отказом от обвинительно-состязательного процесса и утверждением его розыскной (инквизиционной) формы, что нашло отражение в Указе Петра I от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси . С. 331-342.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1964. С. 2-24.

³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1985. С. 81.

очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску ...»¹. В данном и других документах данной эпохи вплоть до середины XIX века отсутствовали какие-либо нормы о розыске имущества. Таким образом, смена формы (типа) процесса характеризовалась отсутствием регулирования в новых правовых актах вопросов розыска имущества.

В ходе Судебной реформы Александра II был принят Устав уголовного судопроизводства², созданы новые судебные органы, институт судебных следователей и адвокатура, а уголовный процесс, прежде всего его судебная стадия, стал в значительной степени состязательным. Одновременно с этим появляются нормы о розыске имущества и возмещении вреда и убытков от преступлений, вводится фигура гражданского истца, предусматривается оценка имущества, ставшего предметом преступления – как наличного, так и неотысканного либо уничтоженного. Полномочия судебного следователя заключались, в том числе, в принятии безотлагательных мер к обеспечению возмещения ущерба. Для принятия обеспечительных мер в окружной суд им направлялись представления о наложении запрещения на недвижимое имущество или ареста – на движимое. Разыскание похищенных вещей также относилось к обязанностям полиции. Потерпевший получал право ходатайствовать о принятии таких обеспечительных мер.

Примечательно, что статьи 1137 и 1139 УУС регламентируют *задержание* товаров и иных предметов, подлежащих конфискации. Эволюция указанных выше терминов показывает, что изъятие предмета является в определенном смысле его задержанием, которое предшествует наложению на него ареста. Кроме того, здесь проявляется и одна из целей обыска, а именно задержание (изъятие) имущества, подлежащего аресту.

Таким образом, возвращение в уголовное судопроизводство состязательных начал сопровождалось восстановлением регламентации порядка розыска имущества как средства возмещения причиненного ущерба.

На смену УУС пришел Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года³ – первый кодифицированный уголовно-процессуальный закон Советского государства, который установил по сути инквизиционный процесс. При этом УПК 1922 г. положил начало тому, что «за 70 лет советской власти сложился так называемый социалистический тип уголовно-процессуального права, то есть по сути инквизиционный процесс, где ... суд и судебное разбирательство

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 511 с.

² Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. Б. В. Виленский. – Москва : Юридическая литература, 1991. С. 120 – 251.

³ Уголовно-процессуальный кодекс : с алфавитно-предм. указ. – Москва : Наркомюст, 1922. – 4, LX, 94, 2 с.

были обрядовым, декоративным приложением к предварительному следствию»¹

УПК 1922 г. включал в себя некоторое количество правовых норм, регулировавших вопросы возмещения ущерба от преступлений, однако принятие мер, призванных обеспечить гражданский иск, являлось правом следователя, но не его обязанностью. Несмотря на упоминание обеспечения гражданского иска, УПК 1922 г. не конкретизировал, например, меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество и порядок его розыска. Следовательно УПК 1922 г. в значительной мере утратил ранее имевшийся в российском уголовном судопроизводстве комплекс правовых норм об обеспечении возмещения ущерба от преступлений, а имевшиеся нормативные положения фактически носили декларативный характер, поскольку не предусматривали конкретных уголовно-процессуальных инструментов их реализации, в том числе розыск имущества. Отметим, что такой «откат» произошел одновременно со значительным сокращением состязательности в уголовном судопроизводстве.

Аналогичный подход имел место и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года².

В УПК 1960 г.³ также отсутствовали правовые нормы о розыске имущества, однако появилась более детализированная регламентация вопросов гражданского иска и его обеспечения, обеспечения конфискации имущества. В то же время УПК 1960 г. возлагал на суд активную роль, которая заключалась в его обязанности (наряду с органом дознания, следователем и прокурором) принять меры обеспечения иска (как уже предъявленного, так и ожидаемого), а также в том, что одновременно с вынесением по уголовному делу приговора суд мог принять решение о возмещении ущерба даже в отсутствие гражданского иска (статьи 29 и 30). Помимо мер обеспечения иска на компетентные органы возлагалась обязанность обеспечить исполнение приговора, а именно «меры обеспечения против сокрытия имущества обвиняемого».

Бесспорно, позитивным моментом было возвращение в УПК 1964 г. меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (статья 175), ранее предусмотренной УУС 1864 г. Таким образом, был восстановлен процессуальный инструмент обеспечения возмещения ущерба от преступлений,

¹ Александров, А. С. Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности – к инквизиции / А. С. Александров, М. В. Лапатников, В. В. Терехин // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием, (Уфа, 17–18 апр. 2014 г.). – Уфа, 2014. – С. 9–26. – URL: <https://www.iaaj.net/node/1880> (дата обращения 06.11.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : с изм. и доп., внесенными II сессией ВЦИК X-го созыва и алфавитно-предм. указ. – Москва : Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1923. – 112 с.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

без которого данный институт не мог в полной мере обеспечивать защиту нарушенных прав потерпевшего.

Сменивший УПК 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целом продолжил традиции предыдущего закона в части института возмещения вреда от преступлений, гражданского иска и его обеспечения и так же, как и предыдущий закон, изначально не содержал каких-либо норм о розыске и установлении имущества. Представляется, что законодатель не сразу обратил внимание на данную сферу уголовно-процессуального закона, которая получила свое развитие в дальнейшем, в ходе внесения последующих изменений.

Итак, изучение исторического развития правовых основ розыска и установления имущества позволяет прийти к следующим выводам:

1. Законодательная регламентация вопросов розыска имущества в отечественном уголовном судопроизводстве возникает уже в первом кодексе права Древнерусского государства, характеризующимся обвинительным типом уголовного процесса, когда основным являлся частный порядок уголовного преследования. По мере развития законодательства данного периода вопросы розыска имущества постепенно детализируются и становятся достаточно важной частью судопроизводства, направленной на восстановление нарушенного права обвинителя, которым зачастую являлся потерпевший. Розыском пропавшего имущества первоначально занимался непосредственно его владелец при содействии других частных лиц, а по мере усиления публичного начала такой розыск возлагался и на представителей власти.

2. Утверждение розыскного (инквизиционного) уголовного процесса ознаменовалось, на первый взгляд, парадоксальным выпадением правовых норм о розыске имущества, что, по нашему мнению, связано не только с отношением к обвиняемому как к объекту, но и с отсутствием внимания к восстановлению нарушенных прав потерпевшего и, в частности, к возмещению вреда.

3. После внедрения в ходе реформы 1864 года состязательных начал в отечественном уголовном судопроизводстве одновременно с регламентацией возмещения ущерба от преступлений, причиненного как физическим лицам, так и казне, вновь появляются правовые нормы о розыске имущества.

4. Инквизиционный тип процесса, присущий уголовно-процессуальному законодательству советского периода, вновь характеризуется недостаточным вниманием к вопросам обеспечения возмещения, в значительной мере декларативным характером соответствующих правовых норм, о чем говорит и утрата какой-либо регламентации розыска имущества как важного инструмента восстановления прав потерпевшего.

5. Современный уголовный процесс Российской Федерации одновременно с развитием состязательных начал характеризуется постепенным внедрением правовых норм о розыске имущества, нацеленного, в первую очередь, на обеспечение возмещения потерпевшим вреда, причиняемого преступлениями, что будет показано в следующем параграфе.

Таким образом, обращение к истории отечественного уголовного судопроизводства показывает четкую взаимосвязь между состязательностью и вниманием законодателя к вопросам розыска имущества, являющегося одним из действенных инструментов возмещения вреда от преступлений.

Литература:

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. В. Л. Янин. – Москва : Юридическая литература, 1984. С. 47 – 49.
2. Правда Русская. Т. 3. Факсимильное воспроизведение текстов / под общ. ред. Б. Д. Грекова ; отв. ред. А. А. Новосельский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 43-67.
3. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси . С. 331-342.
4. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1964. С. 2-24.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI – начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1985. С. 81.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 511 с.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. Б. В. Виленский. – Москва : Юридическая литература, 1991. С. 120 ¹ Уголовно-процессуальный кодекс : с алфавитно-предм. указ. – Москва : Наркомюст, 1922. – 4, LX, 94, 2 с.
8. Александров, А. С. Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности – к инквизиции / А. С. Александров, М. В. Лапатников, В. В. Терехин // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием, (Уфа, 17–18 апр. 2014 г.). – Уфа, 2014. – С. 9–26. – URL: <https://www.iaaj.net/node/1880> (дата обращения 06.11.2023).
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : с изм. и доп., внесенными II сессией ВЦИК X-го созыва и алфавитно-предм. указ. – Москва : Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1923. – 112 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

Кто должен составлять обвинительное заключение?

Аннотация. В статье рассматривается трансформация отношения законодателя к определению субъекта уголовного процесса, уполномоченного на составление по уголовному делу обвинительного заключения, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и завершая действующим УПК РФ. Дается оценка следственному порядку составления обвинительного заключения с позиций уголовно-процессуальной доктрины и существующих реалий. Вносятся предложения по усовершенствованию действующей процедуры.

Ключевые слова: обвинительное заключение; обвинительный акт; следователь; судебный следователь; прокурор; Устав уголовного судопроизводства

Итоговым актом предварительного следствия является обвинительное заключение. В этом документе в систематическом виде изложено краткое содержание всего уголовного дела и результаты расследования, включая доказательства. Сегодня нам кажется само собой разумеющимся, что составить такой акт должен тот, в чьем производстве находилось уголовное дело и кто, соответственно, лучше других знаком с его материалами. Таким должностным лицом может быть только сам следователь. Именно этот подход и реализован в уголовно-процессуальном законе. В соответствии со ст. 220-221 УПК РФ обвинительное заключение составляет следователь, согласовывает руководитель следственного органа и утверждает прокурор. Однако такой порядок существовал далеко не всегда.

В соответствии со ст. 478, 518—521 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., по окончании предварительного следствия судебный следователь передавал материалы уголовного дела прокурору окружного суда. Признав, что следствие проведено с надлежащей полнотой и отсутствуют основания для прекращения или приостановления производства, он составлял заключение о предании обвиняемого суду в форме обвинительного акта. В нем прокурор не только излагал существо доказательств, но и давал квалификацию деяния.

Сравнивая российский процессуальный порядок с французским, в котором мотивированное постановление по существу дела готовит следственный судья, И.Я. Фойницкий отмечал, что «наш судебный следователь, полномочный — особенно фактически — распорядитель следствия при производстве его, не может высказать по существу добытого материала никакого мнения. Третье лицо, в следствии никакого участия обыкновенно не принимающее, т.е. прокурор окружного суда, формулирует выводы, которые могут быть сделаны из добытого материала. Это в большей мере обеспечивает беспристрастие следвателя, но не может не порождать некоторой расплывчатости в его деятельности, так как он должен предвидеть несколько различных

формулировок и для каждой из них собрать соответствующие данные, а с другой стороны, это ослабляет обвинение, ибо ему весьма поздно становятся известными обстоятельства дела и к разработке их оно поставлено в отношении пассивное. Ему, притом, известен не весь материал дела, так как судебные следователи, составляя протоколы о показаниях, не составляют протоколов о том, как держал себя показывающий при даче показания»¹.

Разработчики Устава уголовного судопроизводства различали обвинительную и следственную власть и считали последнюю производной от власти судебной. По этой логике обвинительный акт должен был исходить от представителя не следственной, а обвинительной власти. В развитие этой идеи откровенно высказался В.К. Случевский: «Обвинительный акт ни в каком случае не может быть уподоблен докладной записке, в которой с одинаковым беспристрастием излагаются как доказательства обвинения, так и доказательства защиты. Обвинительный акт есть слово обвинительной власти, и его содержание, по неизбежности, одностороннее»².

Марксисты, отрицавшие вслед за своим учителем теорию разделения властей и рассматривавшие государство как единую работающую корпорацию, не предавали значения таким нюансам. При создании первого советского УПК они руководствовались не столько идеологическими, сколько прагматическими соображениями. Прагматизм их проявился уже во втором декрете «О Суде» от 1918 г., когда они отменили апелляционное производство, посчитав избыточным повторение того, что производилось при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Этим же декретом составление обвинительного акта изымалось из компетенции прокуроров и передавалось коллегиальному выборному органу – следственным комиссиям³.

На основе изученных исторических источников С.Б. Россинский утверждает, что такое перераспределение между обвинительной и следственной властью полномочий по выдвигению обвинения произошло по инициативе левых эсеров. Их идеолог И.З. Штейнберг возглавлял Народный комиссариат юстиции и руководил подготовкой декрета о суде № 2. Левые эсеры критически относились к практике составления обвинительных актов прокурорами, упрекая их в формализме и волоките⁴.

Советский законодатель, упразднив следственные комиссии, обязанность по составлению обвинительного заключения в ст. 213 УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. возложил на следователя. За прокурором сохранялось полномочие по вынесению постановления о предании обвиняемого суду по уголовному делу, расследованному в форме дознания. Получив от следователя уголовное дело с

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 2. СПб: Сенатская типография, 1910. С. 390.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: в 2-х ч. Ч. 2. Судопроизводство. М.: Зерцало, 2008. С. 215.

³ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 3 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁴ См.: Россинский С.Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения // Legal Concept=Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 3. С. 14—20.

обвинительным заключением, прокурор в соответствии со ст. 233 тех же УПК имел три варианта действия: 1) «сообщить» суду о согласии с обвинительным заключением; 2) изъять старое и составить новое обвинительное заключение; 3) предложить суду прекратить дело. Суд по ст. 240—241 указанных кодексов в распорядительном заседании рассматривал обвинительное заключение, не касаясь иных актов предварительного следствия, и принимал одно из двух решений: либо об утверждении обвинительного заключения и предании обвиняемого суду, либо, при несогласии с формулировками обвинения, поручал одному из судей составить новое заключение, а первоначальное изымал из дела. Решение об утверждении обвинительного заключения суд принимал в форме определения.

Таким образом, в работе над обвинительным заключением по первому советскому УПК принимали участие сразу три субъекта: следователь составлял, прокурор согласовывал, а суд утверждал обвинительное заключение.

Второй советский уголовно-процессуальный закон – УПК РСФСР 1960 г. сохранил в этом вопросе основную идею левых эсеров, снявших обязанность по составлению обвинительного заключения с прокурора и возложивших ее на следователя. Так, в силу ст. 205 названного Кодекса следователь, признав полученные доказательства достаточными, составлял обвинительное заключение и направлял его вместе с уголовным делом прокурору. Однако теперь в силу ст. 214 полномочие по утверждению обвинительного заключения передавалось от суда прокурору. Тем самым, вовлеченность суда в осуществление уголовного преследования существенно сокращалась. Хотя за судом по ст. 227 сохранялось право в распорядительном заседании вынести определение об исключении отдельных пунктов обвинения либо применить закон о менее тяжком преступлении. Наряду с возможностью утвердить обвинительное заключение прокурор мог также вернуть его следователю для пересоставления либо составить новое обвинительное заключение.

Последний российский УПК, принятый в 2001 г. и призванный преобразовать уголовное судопроизводство на принципах состязательности, сохранил, тем не менее, преемственность в данном вопросе со своими советскими предшественниками. Проблема несовместимости обвинительной деятельности с процессуальной функцией следователя решена простым и радикальным способом – следователь отнесен к стороне обвинения. Теперь с формальной точки зрения отсутствует основание для самой постановки вопроса о том, почему основной документ обвинительной направленности составляет не носитель обвинительной власти (прокурор), а в функциональном смысле нейтральный следователь.

Новый УПК обладает и рядом других принципиальных отличий от советских процессуальных порядков. Так, в нем четко разделены обвинительное заключение и обвинительный акт (до его принятия итоговый документ дознания также назывался обвинительным заключением). Теперь только из обвинительного акта прокурор вправе исключить отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать деяние на менее тяжкое. Прокурор по прежнему

вправе вернуть уголовное дело следователю для пересоставления обвинительного заключения, однако лишен полномочия составить новое обвинительное заключение (ст. 221 и 226 УПК РФ).

На момент принятия нового УПК возникли сомнения, насколько односторонние обязательства по раскрытию доказательств перед противоположной стороной соответствуют принципу состязательности. Равные возможности сторон предполагают, что либо они раскрывают друг перед другом доказательства заблаговременно, либо узнают о них только в суде. Первый вариант в той или иной мере реализован в уголовном процессе Италии. Защитник там передает дело с полученными им в ходе адвокатского расследования доказательствами прокурору¹. Второй вариант характерен как раз для уголовного процесса Великобритании и США, построенного по чисто состязательной модели.

К первому варианту адвокатское сообщество не готово ни процессуально, ни морально, тем более что в отличие от Италии, полноценного адвокатского расследования вводить не планировалось. Ко второму варианту, предполагавшему полный отказ от составления итогового акта, оказался вообще никто не готов. Отсутствие такого «навигатора» по материалам дела существенно затруднило бы работу и прокурора, и защитника, и суда. Поэтому в новом УПК был реализован компромиссный вариант. Закон требовал изложения в обвинительном заключении лишь перечня доказательств, подтверждающих обвинение, а также перечня доказательств, на которые ссылается защита (п. 5 и 6 части первой ст. 220 УПК РФ).

На практике, однако, даже такой компромисс оказался для судей неприемлемым. В 2004 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации, подводя итоги первых двух лет действия нового УПК, ориентировал органы предварительного следствия на то, чтобы они не только давали ссылку на источники доказательств, но и приводили краткое содержание самих доказательств². С позицией судейского сообщества согласился и законодатель. В 2010 г. он дополнил текст УПК РФ указанием на необходимость краткого изложения в обвинительном заключении содержания доказательств³.

Таким образом, отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, можно со всей определенностью сказать, что никакой реальной альтернативы существующему порядку, при котором обвинительное заключение составляет следователь, в настоящее время нет. Никто иной не готов взять на себя труд и ответственность свежим взглядом изучить материалы дела и подвести итоги расследования. В то же время отсутствует какая-либо логика в том, что прокурор лишен права составить собственное обвинительное заключение, если это не связано с переквалификацией деяния. Ведь именно ему предстоит

¹ См.: Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии. М.: Спутник, 2019. С. 276.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», п. 13.

³ Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

поддерживать по этому документу государственное обвинение. Если он чувствует в себе силы изложить доказательства более убедительным для суда способом, то почему не предоставить ему такую возможность? Наконец, ничто не препятствует наделению защитника правом представить по результатам ознакомления с материалами дела свое альтернативное заключение. Реализация такой возможности придаст уголовному процессу дух подлинной состязательности и поможет судье в формировании целостного представления о позиции защиты.

Литература:

1. Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии. М.: Спутник, 2019.
2. Россинский С.Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения // Legal Concept=Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 3. С. 14—20.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: в 2-х ч. Ч. 2. Судопроизводство. М.: Зерцало, 2008.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. Т. 2. СПб: Сенатская типография, 1910.

Т.В. Черемисина

Судебный порядок разрешения процессуальных конфликтов между прокурором и следователем: история и современность

Аннотация. Автор статьи, анализируя проблему обжалования следователем решений прокурора, применяет исторический и юридический методы. В статье содержатся выдержки из проекта Устава уголовного судопроизводства 1864 г., предложенного Н.А. Буцковским, который был реализован частично. В статье приводятся примеры процессуальных конфликтов, возникающих между прокурором и следователем в ходе взаимодействия.

Ключевые слова: судебный следователь; суд; прокурор; Устав уголовного судопроизводства; обжалование; разрешение спора.

Высочайшим именованным указом Александра II от 8 июня 1860 г. утверждены «Учреждение судебных следователей», постановление «Об отделении от полиции производства следствия по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судом» и «Наказ судебным следователям». Новый участник судопроизводства, судебный следователь, наделялся полномочиями направления хода следствия, принятия всех мер, указанных в законах уголовного судопроизводства, и исполнения всех действий, необходимых для приведения обстоятельств в «полную известность» (п. 18, 19 «Наказа судебным следователям»). При этом только суд,

«рассмотрению которого принадлежит дело», был вправе остановить или прекратить производство дела или дать ему другое направление¹.

По выражению И.В. Смольковой, судебные уставы в истории русской жизни знаменовали поворот от полицейского к правовому порядку². В 1864 г. принят один из важнейших документов судебной реформы – Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), по французскому образцу разделивший следствие на предварительное и окончательное (судебное), которое имело гласный характер и основывалось на принципе состязательности и равноправия сторон. Функция суда была несовместима с осуществлением уголовного преследования: «вмешиваясь в начатие уголовного дела и разрешая или предписывая те или другие следственные действия, суд может себе невольно составить понятие о свойстве подлежащего следствию деяния или о вине заподозренного лица». Всякое вмешательство суда в начатие или производство первоначальных изысканий, для обнаружения повода к обвинению подозреваемого, «противно первым условиям правосудия»³.

Согласно ст. 277 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., судебный следователь не мог сам прекратить уголовное дело. Не обнаружив в деянии признаков преступления или установив иные препятствующие производству по делу юридические обстоятельства, он был обязан обратиться через прокурора в окружной суд. В случае несогласия окружного суда дело передавалось на рассмотрение в судебную палату. Принятое судом решение о прекращении уголовного дела по своему юридическому значению и правовым последствиям приближалось скорее к судебному приговору, а не постановлению современного следователя.

Однако полномочия судебного следователя могли быть расширены вплоть до возможности обжалования в судебном порядке всех решений прокурора, а не только требования о задержании обвиняемого (ст. 285 УУС) в случае принятия комиссией при Государственной канцелярии, созданной в 1861 г., предложений Н.А. Буцковского, председателя Уголовного отделения комиссии по составлению судебных уставов. Буцковский опасался возможному давлению прокуроров на следователей и судей, которое может посягать на их самостоятельность. Он предлагал вложить в уста прокурора, дающего заключение в съезде мировых судей, не мнение о вине или невиновности подсудимого, но нечто вроде председательского руководящего напутствия, в котором юрист по профессии должен «объяснять силу доказательств и указывать на относящиеся к делу законы». Наряду с этим он не находил оснований, кроме лишения обвиняемого свободы, для того, чтобы находящийся на месте следователь исполнял все требования отсутствующего прокурора, и

¹ История органов следствия России: хрестоматия / А.К. Аверченко, Д.О. Серов, А.А. Монахов, Н.В. Османова [и др.]. М., 2015. – С. 29.

² Смолькова И.В. Устав уголовного судопроизводства - великий памятник эпохи // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 2. – С. 50.

³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 ч. Ч. 2 СПб.: Изд-е Гос. Канцелярии, 1866. С. 156.

предлагал предоставить следователю напрямую представлять суду сведения о неправомерных и незаконных, по его мнению, требованиях, и не исполнять их до решения суда. Н.А. Буцковский явился горячим противником тех авторов Судебной реформы, которые желали упразднить предложения первоначального проекта о правах прокуроров и судей освобождать из-под стражи незаконно заключенных, из опасения, что это внесет путаницу в ход дела¹.

Он предлагал наделить судебного следователя правом обжалования в судебном порядке всех решений прокурора, а не только касающихся незаконного заключения под стражу обвиняемого. Однако данное предложение не было поддержано Государственным Советом, и в ст. 285 УУС было закреплено лишь право следователя не исполнять требование прокурора о заключении под стражу обвиняемого при отсутствии достаточных оснований для подозрения².

Отношение прокурора к предварительному следствию определяется его следующими полномочиями: 1) присутствовать при следственных действиях, т.е. при осмотрах и освидетельствованиях, при обысках и выемках и при допросах свидетелей; 2) предлагать свидетелям через судебного следователя дополнительные вопросы; 3) требовать выдачи копий протоколов и постановлений судебного следователя, а по окончании предварительного следствия рассматривать и все следственное производство. Судебный следователь обязан исполнять только *законные* требования прокурора. Из правила обязательности требований прокурора для судебного следователя есть одно исключение: судебный следователь может не исполнить требование прокурора о взятии под стражу такого обвиняемого, который, по мнению следователя, не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении. В этом случае судебный следователь обязан довести до суда о причинах неисполнения им требований прокурора (ст. 285 УУС). Прокурор не должен «стеснять» судебного следователя в исследовании обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, под предлогом скорейшего окончания дела. Судебный следователь не мог бы признать законным такого требования, которое противно самой задаче предварительного следствия и существующим обязанностям, возложенным на следователя (ст. 265 УУС)³.

В настоящее время процессуальные конфликты между прокуратурой и следственными органами если и возникают, то природа их значительно сложнее. По выражению Ю.А. Цветкова, это «конфликты идентичностей: прокурор зачастую цепляется за свою прежнюю идентичность хозяина процесса, а следователь отстаивает свою новую идентичность носителя самостоятельной и полноценной следственной власти. По аналогии с системой

¹Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года: с портр. авт. / соч. сенатора Н. Буцковского. – Санкт-Петербург: тип. Скарятин, 1874. – [6], VI. – С. 394.

²Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (к пятидесятилетию судеб. уставов). 1864 – 20 ноября – 1914 / А.Ф. Кони. – Москва: т-во И.Д. Сытина, 1914. – С. 146. .

³Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года: с портр. авт. / соч. сенатора Н. Буцковского. Указ. соч. – С. 411.

сдержек и противовесов прокурор не может без следователя возбудить уголовное дело и собрать доказательства, а следователь не может без прокурора направить дело в суд и поддерживать обвинение в суде»¹.

Действующим УПК судебный порядок разрешения процессуальных конфликтов между прокурором и следователем не предусмотрен. Рассмотрим возможный процессуальный конфликт, который может возникнуть между прокурором и следователем в ходе рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Итак, если следователь считает, что обвиняемого необходимо заключить под стражу, а прокурор возражает против этого, то суд не должен быть связан мнением прокурора.

Суд, принимая решение по ходатайству следователя, мотивирует и обосновывает его, а значит, тоже усматривает основания для его удовлетворения.

Суд не должен быть связан позицией прокурора, и при наличии реальных оснований для избрания меры пресечения нельзя ставить под угрозу жизнь и здоровье потерпевшего и свидетелей.

Позиции прокурора и следователя по вопросу избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в большинстве случаев совпадают, и прокурор поддерживает ходатайство следователя в суде, высказывает мнение о его обоснованности, целесообразности.

Однако прокурор в данной процессуальной ситуации не является государственным обвинителем (так как дело еще находится в производстве следователя), и при наличии к тому оснований вправе возражать против удовлетворения ходатайства.

В данном случае решение остается за судом. Так, следователь возбудил 04.03.2019 перед Б-ким районным судом Алтайского края с согласия руководителя следственного отдела ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ч., 28.06.2001 г.р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, совершенного в составе группы лиц.

В судебном заседании прокурор ходатайство следователя не поддержал, мотивировав свою позицию тем, что по причине несовершеннолетия обвиняемого на момент совершения преступления и его положительных характеристик. Однако суд, рассмотрев ходатайство, удовлетворил его, положив в основу решения доводы следователя. В отношении Ч. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

По результатам расследования уголовное дело по обвинению М. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4

¹ Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 15.

ст. 131 УК РФ, направлено в суд. Вынесен обвинительный приговор¹.

Однако избрание меры пресечения, связанной с ограничением свободы, является частным случаем и изначально реализуется в рамках судебного контроля. Полноценный судебный порядок разрешения конфликтов между следователем и прокурором не предусмотрен. Обжалование решений прокурора следователем построено таким образом, что окончательное решение по предмету спора принимает Генеральный прокурор Российской Федерации (ч. 6 ст. 37, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Таким образом, в системе процессуальных «сдержек и противовесов» у прокурора значительно больше шансов доказать свою «правоту», в отличие от следователя. Решением проблемы в данной ситуации видится обращение к разумным предложениям деятелей судебной реформы, в частности, Н.А. Буцковского и введение судебного порядка разрешения процессуальных конфликтов между следователем и прокурором.

Среди современных процессуалистов также есть сторонники данного подхода. А.В. Руновский признает факт взаимодействия следователя как представителя стороны обвинения с судом в процедурах судебного контроля, где содержанием правовых отношений следователя и суда являются их права и обязанности в виде полномочий, предусмотренные нормами УПК РФ, и предлагает ввести указанный порядок для прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, по аналогии с процедурой превентивного судебного контроля. Относительно участия следователя в судебном производстве он считает, что следователь может давать показания в качестве свидетеля по обстоятельствам производства следственных действий и составления им иных процессуальных документов, однако сотрудникам правоохранительных органов не должна предоставляться возможность своими свидетельскими показаниями восполнять протоколы допросов обвиняемого или других документов, которые составлялись со слов обвиняемого в ходе предварительного расследования².

Полагаем обоснованными предложения о внесении изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, которые могли бы позволить суду разрешать процессуальные споры между следователем и прокурором, в т.ч. о несогласии с решением в порядке ст. 221 УПК РФ и требованиях об устранении нарушений федерального законодательства.

Литература:

1. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года: с портр. авт. / соч. сенатора Н. Буцковского / Соч. сенатора Н. Буцковского. - Санкт-Петербург : тип. Скарятин, 1874. - [6], VI. - 616 с.

¹ Черемисина, Т. В. Прокурор возражает против ходатайства о мере пресечения. Что делать следователю // Уголовный процесс. 2022. № 11. С. 26.

² Руновский А.В. Процессуальная роль следователя в уголовном суде // Российский следователь. 2012. № 2. – С. 15.

2. Руновский А.В. Процессуальная роль следователя в уголовном суде // Российский следователь. 2012. № 2. С. 13-16.
3. Смолькова И.В. Устав уголовного судопроизводства - великий памятник эпохи // ГлаголЪ правосудия. 2014. № 2. С. 48-53.
4. Цветков Ю. А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14-20.
5. Черемисина Т. В. Прокурор возражает против ходатайства о мере пресечения. Что делать следователю // Уголовный процесс. 2022. № 11. С. 24-32.

А. С. Шаталов

О месте современного российского уголовного процесса в типологии уголовного судопроизводства

Аннотация. В статье описываются этапы развития российского уголовного процесса и место, которое он сейчас занимает в типологии уголовного судопроизводства. На фоне произведенных исторических обобщений и предпринятых сравнительных подходов автор приходит к выводу о том, что уголовный процесс России был и остался результатом собственного правового развития. По аналогии с уголовным процессом европейских стран, он является смешанным по своему типу, благодаря национальным правовым традициям, преемственности и ярко выраженному компромиссному характеру. Показано, что в нем не только присутствуют многочисленные новшества, но и сохраняются элементы, характерные для всех предыдущих форм уголовного процесса.

Ключевые слова: стадии уголовного процесса, розыскной уголовный процесс, смешанный уголовный процесс, состязательный уголовный процесс, судебная реформа, типы (виды, формы) уголовного процесса, уголовное судопроизводство, частно-исковой уголовный процесс.

В науке принято выделять различные типы уголовного процесса на основе нескольких критериев: целей судопроизводства (защита прав человека или достижение истины любой ценой); характера обвинения (частное или публичное); наличия диспозитивности (возможности сторон влиять на ход и исход уголовного процесса); наличия или отсутствия состязательных начал¹. Учитывая последнее из упомянутых оснований, можно выделить четыре типа уголовного процесса: обвинительный, розыскной, частно-исковой и публично-исковой. Однако перед тем, как сделать вывод о месте современного

¹ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа; Равенна, 1995. – 846 с.

российского уголовного процесса в типологии уголовного судопроизводства, необходимо четко представлять, как он развивался в прошлом.

Одной из основных характеристик уголовного процесса, введенного в 1958 году Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹, была публичность, а его движущей силой считалось государственное обвинение. Однако, как сами Основы, так и УПК РСФСР², принятый двумя годами позже, в значительной степени опирались на принципы средневековой инквизиции, что соответствовало уголовной политике того времени. Функция обвинения лежала на суде, который имел право возбуждать уголовные дела и выносить обвинительный приговор в случае отказа прокурора от обвинения. Судебное следствие велось усилиями председательствующего судьи при пассивном поведении народных заседателей. Принцип состязательности не был сформулирован в процессуальном законодательстве, а понятие сторон отсутствовало. Судебного контроля над предварительным расследованием не существовало. Защита не имела права обжаловать действия и решения дознавателя, следователя и прокурора. Присутствие таких особенностей создавало предпосылки для утверждений о появлении социалистического типа уголовного процесса, отличающегося от англо-американской и романо-германской правовых систем³.

В годы своего существования УПК РСФСР 1960 года всегда придерживался приоритета государственных интересов, не учитывая прав и законных интересов личности. После распада Советского Союза это привело к тому, что Конституционный Суд РФ вынужден был исправлять наиболее спорные его положения. Другими словами, многие аспекты уголовного процесса розыскного типа, были отменены благодаря его решениям. Из-за их большого количества российский законодатель не успевал вносить соответствующие изменения в УПК РСФСР. В результате возникла ситуация, когда следственная и судебная практика вынуждена была руководствоваться не только действующим процессуальным законодательством, но и многочисленными решениями Конституционного Суда РФ. Ныне действующий УПК РФ⁴ больше подходит под модель уголовного судопроизводства публично-искового типа, но все еще содержит элементы частно-искового и розыскного типов. Это объясняется тем, что «чистых» типов уголовного процесса не существует, так как они

¹ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25. 12. 1958 г. (Не действуют на территории Российской Федерации с 1 июля 2002 года на основании Федерального Закона Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. (Утратил силу с 1 июля 2002 года за исключением главы 30 - Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ).

³ Чердынцева И. А. Типы уголовного процесса: история и современность. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 3 (4). С.258 - 261.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18. 12. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27. 11. 2023 г.) // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 23. 01. 2024).

подвержены эволюции и влиянию законов¹. Поэтому нельзя найти процессуальный институт, который не сохранил бы следы своего происхождения и не претерпел бы изменений в своем развитии. Соответственно, для того чтобы отнести вид судопроизводства к определенному типу, важно определить преобладающее в нем начало. В зависимости от того, насколько защищены права и законные интересы потерпевшего от преступления, насколько личность защищена от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, какие источники доказательств используются, кто несет ответственность за доказывание, и какие решения может принять суд по уголовному делу, можно выделить следующие типы (виды, формы) уголовного процесса: частно-исковой, розыскной (или инквизиционный), состязательный и смешанный.

Так, в частности, форма уголовного судопроизводства, основанная на частных иском, возникла когда-то в Древней Греции и Древнем Риме. В России она стала распространяться в средние века². Суть ее заключалась в том, что потерпевший самостоятельно защищал свои права, и уголовное преследование начиналось только после его жалобы. Он сам доставлял обвиняемого в суд и обращался к лицу, обладающему властными полномочиями, с тем чтобы получить разрешение на проведение собственного расследования, результаты которого передавались в суд. Доказательства представляли собой присяги, ордалии и поединки, победитель которых считался правым. Судебное разбирательство было открытым, а суд лишь наблюдал за состязанием сторон и фиксировал его результаты в своем решении. С течением времени уголовное судопроизводство частно-искового типа стало происходить в двух формах: управы и суда. Позже к ним добавился сыск. Соответственно этому все уголовные дела делились на три категории: управные, судные и сыскные. Управа представляла собой наказание виновного без судебного разбирательства. Суд состоял в рассмотрении дела на основе свидетельских показаний, которые служили доказательствами. Перед этим производилось целование креста. Сыск, в отличие от управы и суда, включал в себя пытки и проводился только по тяжким преступлениям (грабежи, разбой, поджоги, убийства и т. д.). Существование уголовного процесса частно-искового типа было обусловлено тем, что государство еще не имело своих органов для выявления и наказания преступников. Поэтому бремя доказывания лежало на потерпевшем³. В наши дни такая же деятельность продолжается, но только по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения.

¹ Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2013. – 584 с.

² Исторические типы и формы уголовного процесса // Уголовный процесс: курс лекций. / Н. В. Лантух, К. Б. Калиновский, С. А. Роганов и др. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. С. 21 – 30.

³ Духовский М.В. Русский уголовный процесс. — М.: Университетская типография, 1902. - 492 с.

Для того чтобы устранить частную инициативу в уголовном процессе, государственная власть взяла на себя ответственность за определение виновного в преступлении¹. Вместо того, чтобы рассматривать преступление как обиду, нанесенную частному лицу или группе людей, оно стало восприниматься как посягательство на власть и установленный ею порядок. Это привело к появлению другого типа уголовного процесса - розыскного (инквизиционного), который характерен для тоталитарных режимов. Он возник в силу появившейся обязанности у общин ловить преступников. От других форм уголовного процесса он отличался тем, что в нем публичное начало стало превалировать над частным, а у обвиняемого отсутствовали права и возможность состязаться с обвинителем. В розыскном процессе решающее значение для наказания имело признание обвиняемым своей вины, а следствие и судебное разбирательство фактически были негласными и тайными. Этот тип процесса предусматривал три вида приговоров: обвинительный, оправдательный и оставление в подозрении при недостаточности улик для осуждения. С течением времени розыскной процесс претерпел некоторые изменения и стал более публичным, что привело к появлению печально известной теории формальных доказательств и массовым репрессиям².

В 1864 году в ходе судебной реформы в отечественном уголовном процессе было введено публичное начало, движущей силой которого стало государственное обвинение. В этот период была также создана новая концепция доказательств, основанная на внутреннем убеждении. К началу революционных событий 1917 года судебное разбирательство стало состязательным и устным, так как уже несколько десятилетий существовали суды присяжных и специализированные суды для несовершеннолетних правонарушителей. Однако все эти достижения были отменены Временным правительством и большевиками, но преемственность в сфере уголовного судопроизводства сохранилась. В советский период уголовный процесс стал еще более розыскным и считал человеческую личность средством достижения общественно важной цели - установления истины. Однако подавление личности и отнесение прав и законных интересов человека на второй план привели к многочисленным судебным ошибкам, препятствуя познанию обстоятельств совершенного преступления³.

Вступление России в Совет Европы в 1996 году привело к необходимости приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами. Это ускорило процесс обновления уголовно-процессуального законодательства, которое регулирует множество вопросов, связанных с защитой прав и свобод человека и гражданина. В условиях изменения социально-экономических отношений к началу XXI века уголовный

¹ Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2009. – 417 с.

² Стандарты справедливого правосудия. Международные и национальные практики. кол. авторов. Под. ред. Т. Г. Морщаковой. — Москва, Мысль, 2012. - 584 с.

³ Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. - СПб.: Наука, 2000. – 222 с.

процесс в России стал более состязательным, чем розыскным и частно-исковым, поскольку подвергся влиянию континентального и, прежде всего, французского права, а также права англо-американского¹. Так, например, в 2002 году в России был восстановлен суд присяжных, который имеет свои корни в англо-американской системе правосудия. Суды вместо прокуроров стали санкционировать аресты, обыски и другие процессуальные действия. Этот институт берет свое начало из Великой хартии вольностей 1215 года и внедрен в уголовный процесс России для контроля над предварительным расследованием. Согласно Habeas corpus act, принятому в Англии в 1679 году, каждый задержанный или арестованный имеет право обратиться в суд, который может изменить или отменить примененную к нему меру принуждения и выслушать его. В УПК РФ это правило распространено на все случаи ограничения прав и свобод человека в ходе досудебного производства. В отличие от российской системы, англо-американское процессуальное право не требует от судьи и присяжных заседателей установления истины по уголовному делу. Для признания виновности обвиняемого в Англии достаточно только "разумного сомнения". Также в англо-американской системе широко распространены "сделки о признании вины", которые появились и в Российском уголовном судопроизводстве в качестве особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением².

Нет ничего удивительного в том, что российское уголовное судопроизводство содержит много заимствований из уголовно-процессуального законодательства Франции и Германии. В этих странах прокурорский надзор за производством дознания и следствия является традиционным, а также допускается одновременное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска. В то же время, в англо-американском процессе такое соединение частных и публичных начал не допускается. Во Франции и России принцип законности имеет большее значение, чем целесообразность. В этих странах суд должен устанавливать истину при рассмотрении уголовного дела. Некоторые институты, такие как кассационное производство и апелляционное производство, были заимствованы из Франции в российское уголовное судопроизводство. Однако, российский законодатель, проектируя УПК РФ решил отказаться от ревизионного начала, но позже вновь вернулся к нему. Германская модель уголовно-процессуального права была одобрена в России еще при Петре I и доминировала до появления Наполеоновского кодекса. В настоящее время действующий УПК Германии, принятый в 1878 году, не признает состязательность сторон. Следственные действия, ограничивающие права личности (обыск, прослушивание переговоров, арест корреспонденции и ее осмотр) проводятся криминальной полицией с санкции прокурора и

¹ Семухина О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск.: Изд-во НТЛ, 2002. – 92 с.

² Пилюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 264 с.

последующим уведомлением судьи (за исключением арестов, помещения обвиняемого в психиатрическое учреждение и ареста тиража печатного издания, которые санкционируются судьей). Прокурор действует в соответствии с принципом официальности, не учитывая позицию потерпевшего¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном мире произошло активное сближение правовых систем, наблюдается взаимное использование передовых правовых идей и новых институтов. Российские юристы, осознавая исторические причины такого развития событий, по мере продвижения судебной реформы изучали и учитывали основные положения процессуального законодательства других стран. Заимствовав у них положительный опыт уголовный процесс России как был так и остался результатом собственного правового развития. По аналогии с уголовным процессом европейских стран, он является смешанным по своему типу, благодаря национальным правовым традициям, преемственности и компромиссному характеру. В нем присутствуют принципы независимости судей, состязательности сторон, презумпции невиновности и другие, но также сохраняются элементы, характерные для всех предыдущих форм уголовного процесса.

В своем нынешнем виде российское уголовное судопроизводство нацелено на справедливое разрешение уголовных дел на основе достоверных доказательств. После проведения реформ на рубеже XX - XXI веков, типологические характеристики уголовного процесса остались практически неизменными². Основными свойствами современного российского уголовного процесса, который является смешанным по своему типу, являются: преобладание публичного начала; большее использование императивного метода правового регулирования и ограниченное применение диспозитивного метода; ограниченное применение состязательности сторон; наличие досудебных стадий, где лишь определенные участники наделены полномочиями по формированию доказательств; позиционирование уголовно-процессуального доказывания как деятельности государственных органов; активная роль суда в доказывании; государственно-публичный характер обвинения, который осуществляется в интересах общества. Таким образом, у нас пока нет оснований соглашаться с утверждением о том, что «... обретая новые черты, уголовный процесс по сути своей возвращается к инквизиционным началам, которые в «цифровой» подсветке видятся не такими уж мрачными, а, скорее, значительно опередившими свое время»³. Представляется, что дальнейшее преобразование российского уголовного

¹ Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем. - СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПб Гос. ун-та, 2006. - 264 с.

² Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. - М.: ТК Велби, 2004. - 224 с.

³ Цветков Ю. А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство № 1-2023. С. 21 – 28.

процесса должно происходить в рамках правовых, конструктивных и типологических ограничений. Правовые ограничения означают, что закон должен соответствовать общественным представлениям о законности, справедливости и морали, а законодатель не должен поощрять негативные явления, неодобряемые обществом. Конструктивные ограничения подразумевают, что его реформирование должно осуществляться с помощью общей методологии. И, наконец, типологические ограничения предполагают то, что усилия по изменению и дополнению действующего уголовно-процессуально законодательства не должны искусственно изменять основные характеристики исторически сложившейся модели уголовного процесса в России.

Литература:

1. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2009. – 417 с.
2. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2013. – 584 с.
3. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. — М.: Университетская типография, 1902. - 492 с.
4. Исторические типы и формы уголовного процесса // Уголовный процесс: курс лекций. / Н. В Лантух, К. Б. Калиновский, С. А. Роганов и др. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. С. 21 – 30.
5. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть 1. – М.: ТК Велби, 2004. – 224 с.
6. Пиюк А.В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 264 с.
7. Семухина О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск.: Изд-во НТЛ, 2002. – 92 с.
8. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. - СПб.: Наука, 2000. – 222 с.
9. Стандарты справедливого правосудия. Международные и национальные практики. кол. авторов. Под. ред. Т.Г.Морщаковой. — Москва, Мысль, 2012. - 584 с.
10. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем. - СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПб Гос. ун-та, 2006. – 264 с.
11. Цветков Ю.А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21 – 28
12. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа; Равенна, 1995. – 846 с.

13. Чердынцева И.А. Типы уголовного процесса: история и современность. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 3 (4). С.258 - 261.

**В.А. Шестак,
В.В. Тимофеева**

Уголовная политика Индии в сфере уголовного правосудия

Аннотация. На современном этапе развития общества очевидной потребностью в обновлении и реформировании уголовной политики. Авторами рассматривается индийский подход к разрешению препятствий, возникших в связи с распространением COVID-19, который основывается на расширенном введении современных технологий в практику уголовной политики. В работе проанализированы выявленные недостатки существующей системы уголовной политики Индии и осуществляемые подходы к урегулированию сложившейся ситуации.

Ключевые слова: правосудие; цифровизация судебной системы; COVID-19; Индия.

Пандемия выявила существующие пробелы в системах уголовного правосудия многих стран. Индия не стала исключением. Переполненные тюрьмы создали дополнительную опасность развития очагов COVID-19, полиция была перегружена дополнительными обязанностями. Кроме того, ограниченное функционирование судов привело к задержкам в отправлении правосудия. Одновременно с этим в стране произошли перемены, Верховный суд (ВС) принял подробное Решение о переполнении тюрем и предписал полиции не арестовывать без необходимости обвиняемых в преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее семи лет¹. COVID 19 послужил катализатором усилий Индии по оцифровке судебного процесса, стимулируя такие меры, как электронная подача документов и виртуальные слушания в судах. Выявленные проблемы привели к реформированию системы и ускоренному применению новой уголовной политики в этой сфере.

Система уголовного правосудия (далее по тексту – СУП) представляет собой структуру функций, решений и процессов официальных учреждений, которые занимаются предотвращением и расследованием преступлений, судебным преследованием, наказанием и исправлением преступников. По сути, СУП – это инструмент социального контроля. Каждое общество устанавливает для себя границы приемлемого поведения, которые диктуются законом. СУП помогает

¹ Верховный Суд Индии, Документ № 301, Судебная петиция по иску Моту (С) № 1/2020: «В связи с распространением вируса COVID 19 в тюрьмах». URL:https://main.sci.gov.in/supremecourt/2020/9761/9761_2020_31_301_28608_Order_16-Jul-2021.pdf (дата обращения 12.09.2023).

обществу в целом обеспечить приемлемое поведение всех его участников, т.е. потерпевших, преступников, свидетелей и общества в целом.

Ученые-правоведы Индии выделяют основополагающие проблемы, которые в большей степени ослабляют систему уголовного правосудия на данный момент. Основополагающей из них является то, что верховенство закона, закрепленное в Уголовном кодексе Индии 1861 года (УК), в большей степени касалось суверенитета британского государства, чем прав народов Индии. Кроме того, УК и Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) с момента их создания подвергались очень ограниченному числу поправок, в результате чего они не отражают изменений, произошедших в структуре преступности и уголовного правосудия, таких как развитие криминалистики, акцент на реформирующем и реабилитирующем правосудии и т.д. Это привело к тому, что между законодательными положениями и конституционными устремлениями образовались явные пробелы. Одним из таких примеров является закон о подстрекательстве к мятежу¹.

Большое количество проблем существует в полицейской сфере. Среди основных проблем, которые приводят к неоптимальной работе полиции выделяют²:

- 1) надзор и контроль со стороны политических руководителей;
- 2) отсутствие подотчетности (не существует механизма регистрации жалоб на недобросовестных сотрудников полиции. Вторая комиссия по административной реформе и Верховный суд еще в 2007 году признали необходимость создания независимого органа по рассмотрению жалоб для расследования случаев неправомерных действий полиции.);
- 3) нехватка ресурсов;
- 4) устаревшее и несовременное оружие;
- 5) отсутствие или неудовлетворительное функционирование коммуникационных сетей (в эпоху информационных технологий во многих полицейских участках страны нет ни телефонов, ни беспроводных аппаратов. Полицейская телекоммуникационная сеть (POLNET)³, которая используется при расследовании преступлений и передаче данных о преступлениях, в некоторых штатах не функционирует⁴.);

¹ Правительство Индии, Юридическая комиссия Индии, Применение Закона о подстрекательстве к мятежу, Отчёт № 279, Регистрационный номер 6(3)/302/201 6- LC(LS) от 24 мая 2023 года. URL:<https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3ca0daec69b5adc880fb464895726dbdf/uploads/2023/06/2023060150.pdf> (дата обращения 12.09.2023).

² Правительство Индии, Пятый доклад, Вторая комиссия по административным реформам URL:https://darpg.gov.in/sites/default/files/public_order5.pdf (дата обращения 12.09.2023).

³ Официальный сайт Управления координации полицейской радиосвязи, Правительство Индии. URL:<https://dcpw.gov.in/polnet.php> (дата обращения 12.09.2023) Текст: электронный

⁴ Контролер и генеральный аудитор Индии, Высшее аудиторское учреждение Индии, Сборник обзоров аудита эффективности модернизации полицейских сил (2000-2007) URL:<https://cag.gov.in/uploads/StudyReports/SR-StudyReports-05de76548522824-35056549.pdf> (дата обращения 12.09.2023).

б) неудовлетворительный процесс найма и обучения (процесс набора и обучения полицейского персонала низшего звена, в основном сосредоточен на физической силе, в то время как другие более важные навыки, такие как знания в сферах криминалистики, права, киберпреступности и финансовые махинации, либо игнорируются, либо отходят на второй план);

7) проблемы, связанные с организацией деятельности прокуратуры (для надлежащего рассмотрения уголовных дел было создано несколько судов, проводится набор новых сотрудников судебных органов, полиции и т.д., однако количество прокуроров не было увеличено. Из-за отсутствия достаточного количества прокуроров, рассмотрение дел приходится корректировать в зависимости от наличия прокурора в суде, что в свою очередь создает большие препятствия в достижении цели безотлагательного правосудия для всех¹. Кроме того, в значительной степени это объясняет, медлительность и существенные задержки в работе системы индийской прокуратуры.).

Другим важным препятствием являются хронические задержки в судебной системе, что в итоге приводит к переполнению тюрем. Согласно отчету Национального бюро регистрации преступлений (NCRB) за 2019 год, число заключенных составляло 118,5% от вместимости тюрем, что является самым высоким показателем с 2010 года². Кроме того, 69% дел в отношении всех этих заключенных находились на рассмотрении суда³. Основной причиной этого были названы несвоевременное досудебное расследование и последующая задержка судебного разбирательства.

Однако к настоящему моменту уголовная политика Индии не только взяла направление на реформирование сложившейся ситуации, но даже уже были реализованы некоторые из поставленных целей. Министерство внутренних дел Индии (МВД) создало Комитет национального уровня во главе с профессором Ранбиром Сингхом для реформирования уголовного законодательства⁴, перед которым были поставлены следующие цели: модернизировать и реформировать основные уголовные законы и привести их в соответствие с конституционной моралью и социальными устремлениями; упорядочить, переосмыслить и вдохнуть новую жизнь в уголовно-процессуальное законодательство.

¹ Анализ проблем, с которыми сталкивается система уголовного преследования Индии, Гурприт Сингх Рандхава, доктор Д.Дж. Сингх, Международный журнал гуманитарных и социальных исследований Том 3, выпуск 5, май 2016 г., стр. 1-9, ISSN 2394-6296 URL:<https://www.ijrhss.org/pdf/v3-i5/1.pdf> (дата обращения 12.09.2023) Текст: электронный.

² Отчет Национального бюро регистрации преступлений (NCRB) за 2021 год URL:<https://momentum-ias.fra1.digitaloceanspaces.com/pdfs/8acf77340b0b45fb1ef0602312e56aa2.pdf> (дата обращения 12.09.2023).

³ Отчет Национального бюро регистрации преступлений (NCRB) за 2021 год URL:<https://momentum-ias.fra1.digitaloceanspaces.com/pdfs/8acf77340b0b45fb1ef0602312e56aa2.pdf> (дата обращения 12.09.2023).

⁴ Комитет по реформам уголовного законодательства <https://criminallawreforms.in/> (дата обращения 12.09.2023).

Что же касается реформ, проведенных в полицейской сфере, можно выделить запрет Верховного суда Индии назначать Высшее должностное лицо в полиции (DGP) без предварительной консультации с Профсоюзной комиссией по государственной службе¹, чтобы защитить сотрудников полиции от политического давления.

Так же Верховный Суд предписал всем полицейским и следственным органам по всей стране установить камеры видеонаблюдения для проверки фактов нарушения прав человека. Национальный орган по оказанию юридических услуг (NALSA)² укрепил национальную телефонную линию помощи по оказанию юридической помощи (15100) и номера телефонных линий помощи по оказанию юридической помощи в штатах для облегчения доступа к учреждениям юридической помощи для простых людей. Программа Nyaya Bandhu (безвозмездные юридические услуги) направлена на предоставление бесплатной юридической помощи и консультаций лицам, имеющим на это право в соответствии с разделом 12 Закона об органах юридической помощи 1987 года³.

Самые масштабные реформы коснулись сферы оцифровки. Эта работа ведется на нескольких уровнях, чтобы сделать систему отправления правосудия недорогой, доступной, экономически эффективной, предсказуемой, надежной и прозрачной. Использование информационных технологий в судебной сфере началось с подготовки «Национальной политики и плана действий по внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в судебную систему Индии» комитетом Верховного суда Индии по технологиям.

С тех пор были предприняты следующие инициативы по цифровизации индийской судебной системы:

1) использование искусственного интеллекта (с помощью новых инструментов, таких как SUPACE и SUVAS, Верховный Суд Индии расширил свои возможности по сбору и обработке больших объемов данных. Так, SUPACE – портал Верховного Суда Индии для повышения эффективности работы – может идентифицировать и извлекать различные объективные факты из досье, такие как дата, время, место наступления события и т.д. SUVAAS переводит судебные решения и другие юридические документы с английского на девять местных диалектов и наоборот;

2) межоперационная система уголовного правосудия (ICJS) - это инициатива Комитета по электронным коммуникациям ВС, направленная на обеспечение бесперебойной передачи данных и информации между различными звеньями

¹ Правительство Индии, Пятый доклад, Вторая комиссия по административным реформам URL:https://darp.gov.in/sites/default/files/public_order5.pdf (дата обращения 12.09.2023).

² Официальный сайт Национального управления юридических услуг <https://nalsa.gov.in/> URL:https://darp.gov.in/sites/default/files/public_order5.pdf (дата обращения 12.09.2023).

³ Официальный интернет-портал Национального управления юридических услуг URL:<https://nalsa.gov.in/acts-rules/the-legal-services-authorities-act-1987> (дата обращения 12.09.2023).

системы уголовного правосудия, такими как суды, полиция, тюрьмы и лаборатории судебной экспертизы, с одной платформы;

3) принятие программы Tele-Law, цель которой – рассмотрение дел на досудебной стадии, юридические консультации предоставляются в Общих центрах обслуживания (ОЦО), посредством видеоконференцсвязи/телефона, имеющегося в ОЦО, юристами группы;

4) сетевые системы отслеживания преступности и преступлений (CCTNS) – реализуются в рамках Национального плана электронного управления (NeGP) Министерства внутренних дел (целью CCTNS является создание общенациональной сетевой инфраструктуры для развития современной системы отслеживания с использованием информационных технологий для "расследования преступлений и обнаружения преступников");

5) система подачи информационных сообщений в онлайн формате (FIRs) - несколько штатов и юрисдикций, таких как Дели, Гуджарат и т.д., предоставили гражданам возможность подавать информационные сообщения (FIRs) в полицию в режиме онлайн;

б) проект «Электронные суды» (был разработан на основе «Национальной политики и плана действий по внедрению информационно-коммуникационных технологий в судебную систему Индии – 2005» с целью улучшения доступа к правосудию с помощью технологий. Недавно комитет Верховного суда по информационным технологиям выпустил проект концептуального документа для 3-й фазы проекта «Электронные суды». Инициативы в рамках проекта включают: Проект глобальной сети (WAN) для подключения всех окружных и нижестоящих судебных комплексов, портал National Judicial Data Grid для предоставления информации, связанной с деталями судебных дел и решений, Национальная служба по отслеживанию электронных процессов (NSTEP) для обслуживания процессов и выдачи повесток с использованием информационных технологий, создание виртуальных судов и т.д.).

Однако на пути к оцифровке судебной системы Индия сталкивается с рядом препятствий, таких как отсутствие технических знаний у судебных работников и персонала, проблемы конфиденциальности, связанные с цифровыми технологиями, цифровой разрыв, отсутствие агрегированных и пригодных для использования судебных данных и т.д. Кроме того, виртуальные слушания не могут быть универсальными, поскольку судьям затруднительно точно воспринимать поведенческие аспекты обвиняемого или свидетеля посредством видеоконференций.

Общая цель любой системы уголовного правосудия – предотвращение преступлений и создание мирного, законопослушного общества. Система уголовного правосудия в Индии пережила целый ряд реформ – последней из них является перевод судов в цифровой формат (в связи с пандемией Covid-19), что значительно снизило стоимость судебных процессов и упростило подачу документов. Однако она не смогла обеспечить быстрое и оперативное правосудие для людей и гарантировать уверенность в наказании для лиц, совершивших преступление.

Литература:

1. Анализ проблем, с которыми сталкивается система уголовного преследования Индии, Гурприт Сингх Рандхава, доктор Д.Дж. Сингх, Международный журнал гуманитарных и социальных исследований Том 3, выпуск 5, май 2016 г., стр. 1-9, ISSN 2394-6296 URL:<https://www.ijrhss.org/pdf/v3-i5/1.pdf> (дата обращения 12.09.2023).
2. Верховный Суд Индии, Документ № 301, Судебная петиция по иску Моту (С) № 1/2020: «В связи с распространением вируса COVID 19 в тюрьмах». URL:https://main.sci.gov.in/supremecourt/2020/9761/9761_2020_31_301_28608_Order_16-Jul-2021.pdf (дата обращения 12.09.2023).
3. Правительство Индии, Юридическая комиссия Индии, Применение Закона о подстрекательстве к мятежу, Отчёт № 279, Регистрационный номер 6(3)/302/201 6- LC(LS) от 24 мая 2023 года. URL:<https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3ca0daec69b5adc880fb464895726dbdf/uploads/2023/06/2023060150.pdf> (дата обращения 12.09.2023).
4. Правительство Индии, Пятый доклад, Вторая комиссия по административным реформам URL:https://darpg.gov.in/sites/default/files/public_order5.pdf (дата обращения 12.09.2023).
5. Контролер и генеральный аудитор Индии, Высшее аудиторское учреждение Индии, Сборник обзоров аудита эффективности модернизации полицейских сил (2000-2007) URL:<https://cag.gov.in/uploads/StudyReports/SR-StudyReports-05de76548522824-35056549.pdf> (дата обращения 12.09.2023).

Э.И. Юдина

О практике рассмотрения судом ходатайств по вопросам избрания мер пресечения

Аннотация. Анализируя актуальные примеры судебной практики, автор рассматривает вопросы реализации судом полномочий по оценке доказательств в досудебном производстве при решении вопросов об избрании мер пресечения.

Ключевые слова: судебный контроль; досудебное производство; ходатайство об избрании меры пресечения, оценка доказательств, достаточность доказательств.

Суд, выступая полноправным участником уголовного судопроизводства, играет важную роль в доказывании на досудебных стадиях. Несмотря на конституционное закрепление, в ст. 118 основной функции суда в виде осуществления правосудия, на досудебных стадиях уголовного

судопроизводства суд также участвует в доказывании, что следует и положений ст. 86 и 87 УПК РФ. Однако полномочия суда в этой стадии ограничены исследованием и оценкой доказательств, полученных следователем или дознавателем, и сводятся к реализации функции судебного контроля.

Одной из форм реализации судом полномочий в досудебном производстве выступает рассмотрение ходатайств органа предварительного расследования о применении мер пресечения (ст. 105.1 – 109 УПК РФ).

При рассмотрении вопросов по избранию или продлению меры пресечения, суд основывается на представленных органом расследования доказательствах и оценивает их достаточность для принятия решения.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» ориентирует суды на необходимость учитывать не только все обстоятельства совершения преступления, содержащиеся в предоставленных следователем материалах в качестве обоснования заявленного ходатайства, но и данные, характеризующие личность подозреваемого или обвиняемого. При этом такие материалы должны содержать убедительные данные, достаточные для формирования убеждения суда о причастности лица к совершенному деянию и подтверждать необходимость заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу или отсутствие возможности изменения указанной меры пресечения¹.

По нашему мнению, данное положение постановления Пленума Верховного суда РФ содержит стандартизированное требование к оценке достаточности доказательств при рассмотрении ходатайств об избрании указанных мер пресечения и перечисляет в п. 5 ряд обстоятельств, которые являются свидетельством фактического наличия оснований для избрания меры пресечения. Указанный судебный акт ориентирует доказательственную деятельность не только следователя (дознателя), но и прокурора, поскольку последний, как правило, участвует в судебном заседании и дает заключение о законности испрашиваемой следователем меры пресечения. О достаточности доказательств для избрания или продления меры пресечения, связанной с ограничением свободы лица, может свидетельствовать наличие в деле реальных и подтвержденных доказательствами оснований, при отсутствии сомнений в возможности применения более мягкой меры пресечения. При этом сторонам предоставляется возможность обоснования своей позиции в судебном заседании².

¹ Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант-Плюс».

² См, например: Постановление Конституционного суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» и др. // СПС «Консультант Плюс».

Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда следователи не подтверждают конкретными доказательствами обоснованность избрания или продления заключения под стражу, либо избрания иной, более мягкой меры пресечения.

Так, Тверским районным судом г. Москвы рассматривалось ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей Х. Как указал суд в своем постановлении «органами следствия не предоставлены суду материалы, которые могли бы достоверно свидетельствовать об обоснованности доводов органов предварительного следствия о том, что Х. может скрыться от органов предварительного расследования и суда, может воспрепятствовать производству по уголовному делу, продолжить заниматься преступной деятельностью»¹.

Следует отметить, что подобные прецеденты составляют небольшой процент от числа удовлетворенных ходатайств следователей, что побудило утверждение в литературе о солидарной позиции прокурора в судебном заседании с органом расследования при рассмотрении таких ходатайств².

В качестве примера, опровергающего указанный довод, можно привести рассмотренное Советским районным судом г. Махачкалы ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого И. В судебном заседании прокурор не поддержал ходатайство следователя, обосновав свою позицию отсутствием в представленных суду материалах доказательств о намерении обвиняемого скрыться от правоохранительных органов и суда, продолжать преступную деятельность, оказывать давление на потерпевшего и свидетелей и препятствовать установлению истины по делу. Суд согласился с доводами прокурора и отказал в удовлетворении ходатайства следователя³.

Только суд, выносящий решение по вопросам применения мер пресечения, является окончательным субъектом в оценке достаточности доказательств. Мнение прокурора, возражающего против удовлетворения ходатайства следователя, подлежит оценке в совокупности с представленными и исследованными в судебном заседании доказательствами и не является безусловным основанием для принятия судом решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя⁴.

В обязанность органов расследования входит не только доказывание факта возбуждения уголовного дела, процессуального статуса лица в нем, но также

¹ Постановление Тверского районного суда г. Москвы от 29.12.2009 [Электронный источник]: <https://www.advodom.ru/practice/criminal-cases-4-1.php>.

² Наседкин В.А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. № 3. С. 3-4.

³ Решение по делу 22К-1979/2019 [Электронный источник]: <https://actofact.ru/case-05OS0000-22k-1979-2019-2019-09-23-2-1/>.

⁴ См., например: Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 05.07.2019 по делу № 22К-644/2019. [Электронный источник]: <https://sudact.ru/regular/doc/WOoOnzH8t8Nx/>.

подтверждение наличия обстоятельств ч. 1 ст. 97 УПК РФ и невозможность нахождения лица на свободе¹.

Анализ приведенных примеров судебной практики позволяет сделать вывод, что суд при рассмотрении вопросов, связанных с применением мер пресечения, ограничивающих конституционные права граждан, выступает не только в качестве субъекта оценки доказательств, вынося правосудные решения на основе внутреннего убеждения, сформированного достаточностью предоставленных доказательств следователем (дознавателем), но и принимает участие в стандартизации требований к оценке достаточности доказательств при рассмотрении ходатайств об избрании указанных мер пресечения.

Литература:

1. Наседкин В.А. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов – действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2016. № 3. С. 3-4.
2. Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант-Плюс».
3. Постановление Конституционного суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» и др. // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Тверского районного суда г. Москвы от 29.12.2009 [Электронный источник]: <https://www.advodom.ru/practice/criminal-cases-4-1.php>.
5. Решение по делу 22К-1979/2019 [Электронный источник]: <https://actofact.ru/case-05OS0000-22k-1979-2019-2019-09-23-2-1/>.
6. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 05.07.2019 по делу № 22К-644/2019 [Электронный источник]: <https://sudact.ru/regular/doc/WOoOnzH8t8Nx/>.
7. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 27.07.2020 по делу № 22К-1483/2020 [Электронный источник]: <https://sudact.ru/regular/doc/iSthMHCg22rT/>.

¹См.: Апелляционное постановление Тверского областного суда от 27.07.2020 по делу № 22К-1483/2020 [Электронный источник]: <https://sudact.ru/regular/doc/iSthMHCg22rT/>.

Сведения об авторах

- Федоров Александр Вячеславович** – заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Азарова Екатерина Сергеевна** – доцент кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Бунова Ирина Ивановна** – докторант Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.
- Воронина Нина Анатольевна** – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- Гаврилов Борис Яковлевич** – профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
- Гусейнов Рамиль Гахраманович** – аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
- Дармаева Валентина Дашеевна** – доцент кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.
- Денисов Евгений Александрович** – старший следователь следственного отдела по Автозаводскому району г. Нижний Новгород следственного управления СК России по Нижегородской области.
- Домащенко Александр Сергеевич** – заместитель руководителя следственного отдела по Кировскому району г. Ростов-на-Дону следственного управления СК России по Ростовской области.
- Зайцева Елена Александровна** – профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор.
- Ильюхов Алексей Александрович** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Колоколов Никита Александрович** – судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А.С. Грибоедова, председатель редакционных советов журналов «Уголовное судопроизводство» и «Мировой судья», доктор юридических наук, доцент.
- Костенко Константин Анатольевич** – заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Хабаровского филиала

Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Коханец Людмила Анатольевна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Кузнецов Максим Сергеевич – адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России.

Ламтева Анна Вячеславовна – преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Макарова Оксана Валерьевна – ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Маслов Игорь Викторович – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института экономики и культуры, кандидат юридических наук.

Молохов Александр Владимирович – председатель Московской коллегии адвокатов «Последний дозор», кандидат исторических наук.

Оленев Павел Андреевич – аспирант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Османова Надежда Валерьевна – декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Попов Алексей Михайлович – декан факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Попова Людмила Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Прорвич Владимир Антонович – профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор.

Сильнов Михаил Александрович – доцент кафедры основ прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Скляренко Марина Владимировна – советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Солодовникова Альбина Владимировна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук.

Тагиров Айрат Наилевич – руководитель второго контрольно-следственного отдела следственного управления СК России по Нижегородской области.

Тимофеева Вероника Викторовна – магистр права.

Цветков Юрий Анатольевич – заведующий кафедрой уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Черемисина Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Шаталов Александр Семенович – профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук.

Шестак Виктор Анатольевич – профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского, доктор юридических наук, доцент

Юдина Элла Игоревна – следователь по особо важным делам следственного отдела по Ленинскому району г. Саратова следственного управления СК России по Саратовской области.

Содержание

Всероссийская научно-практическая конференция «Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс (памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873))»	3
Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	7
Азарова Е.С. Вопросы усмотрения суда в трудах Николая Андреевича Буцковского	13
Бунова И.И. Особенности доказывания по уголовным делам о незаконном обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в условиях развития цифровых технологий	16
Воронина Н.А. Влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 года на становление доступа потерпевших к правосудию	20
Гаврилов Б.Я. Уголовный процесс: наследие прошлого и образ будущего	24
Гусейнов Р.Г. Общие проблемы стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе	36
Дармаева В.Д. «Собственная власть» судебного следователя по Уставу уголовного судопроизводства	39
Денисов Е.А. Регламентация процессуальных документов следователя Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.	42
Домашенко А.С. Особенности соблюдения процессуальных сроков проверки сообщений о преступлениях: история и современность	45
Зайцева Е.А. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: от Устава уголовного судопроизводства к современной регламентации	51
Ильюхов А.А. Исторические типы моделей суда присяжных заседателей	55
Колоколов Н.А. Суд с участием присяжных заседателей в призме суждений Николая Андреевича Буцковского и его современников	60
Костенко К.А. Об отцах, вдохновителях и авторах Судебной реформы 1864 года	76
Коханец Л.А. Проблемы применения института присяжных заседателей в России в работах Н.А. Буцковского	81
Кузнецов М.С. Теория формальной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве: инструментарий для анализа правовых аргументов	84
Ламтева А.В. Уголовно-процессуальный порядок: притяжение состязательных и розыскных начал	88
Макарова О.В. Очерки Н.А. Буцковского о кассационном порядке по Судебным уставам 1864 г.	95

Маслов И.В. Эволюция оценки уголовно-процессуальных доказательств в свете фундаментальных научных открытий XX века	98
Молохов А.В. Эволюция роли специалиста в уголовном процессе	104
Оленев П.А. К вопросу о полномочиях начальника подразделения дознания и начальника органа дознания по реализации процессуального контроля за деятельностью дознавателя	108
Османова Н.В. Устав уголовного судопроизводства: становление и развитие видов уголовного преследования	111
Попов А.М. К вопросу о разумном сроке уголовного судопроизводства	117
Попова Л.В. Некоторые пути решения уголовно-процессуальных вопросов после внесения изменения в ст.210 УК РФ	122
Прорвич В.А. Юридические алгоритмы доказывания по преступлениям в сфере цифровых прав	126
Сильнов М.А. Принципы профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения служащих Следственного комитета Российской Федерации в парадигме традиционных российских нравственных ценностей	136
Скляренко М.В. Николай Андреевич Буцковский о действиях лиц прокурорского надзора при обжаловании приговоров	140
Солодовникова А.В. Следователь в дореволюционной России: эволюция правового статуса	147
Тагиров А.Н. Эволюция розыска имущества в уголовном судопроизводстве	151
Цветков Ю.А. Кто должен составлять обвинительное заключение?	157
Черемисина Т.В. Судебный порядок разрешения процессуальных конфликтов между прокурором и следователем: история и современность	161
Шаталов А.С. О месте современного российского уголовного процесса в типологии уголовного судопроизводства	166
Шестак В.А., Тимофеева В.В. Уголовная политика Индии в сфере уголовного правосудия	173
Юдина Э.И. О практике рассмотрения судом ходатайств по вопросам избрания мер пресечения	178
Сведения об авторах	182

**УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

(Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811—1873))

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 16 ноября 2023 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 15.04.2024

Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 11,68
Тираж 100 экз.
Печать офсетная
Заказ № 448

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12